

Annotation

...Еще один эпизод из саги о Конане-киммерийце...

Алан Уоттс

Остров колдуна

(«Северо-Запад Пресс», 2003, том 92 «Конан и скрепа мага»)

Глава первая

Дослушай же меня, потомок Гидаллы! — заклекотала Рана Риорда. — Я поведаю тебе нечто важное, и... Конан отмахнулся. — Некогда, Рорта, некогда! Поспешим! Кажется, этот

волосатый бурдюк уже прилетел, и взыскивает долги. Поторопимся и мы!

* * *

Зная о возросшей силе Небесной Секиры, Конан не стал вылезать через узкое оконце, как сделал это в прошлый раз. Он просто как следует размахнулся и с силой опустил острие секиры на именную кладку темницы.

Стена, достигавшая толщиной восьми локтей, Смялась, как пергамент. Во все стороны полетели осколки щебня, а огромные глыбы, выскачивая из пазов, образовали новый выход из каменного мешка.

— Месть! Сладкая месть! — подумал варвар, выпрыгивая в темный коридор подвала.

На него кто-то бросился, но Конан, даже не оборачиваясь, отмахнулся от нападавших секирой. По полу со стуком, покатилось несколько голов, и киммериец услышал звук всасываемой крови.

— Кром! — заорал он во всю мощь своей необъятной груди.

— Кровь, — вторила ему Рана Риорда. И они устремились вперед.

Конан, как дикий зверь, ворвался в караулку, и тюремщики, застыли, словно каменные статуи. Еще вчера этот полуголый варвар бежал прочь, прихватив с собой кутуба. А сейчас, он стоял в дверях, но уже не полуголый, а одетый в дорогой доспех, да еще и с ужасной секирой в руках.

— Владыка Сет, — выдавил один из них, и тут же рухнул перерубленный пополам.

А Конан уже мчался дальше, оставив за собой гору трупов. Что ему несколько человек, коли скоро он зальет кровью весь Файон. А затем и камня на камне не оставит от этой проклятой крепости.

— Вперед, — зашипела над ухом секира. Кровь! Много крови! Быстрее, потомок Гидаллы!

— Сам знаю, — огрызнулся киммериец, однако поднажал и понесся еще быстрее.

Небольшой зал, который оказался на его пути, был пуст. Зато в следующем было пяте воинов. Настоящих! Не тех, что внизу, которые всю жизнь только Охраняют или пытают пленных.

Стигийцы среагировали профессионально. Едва толстая дверь слетела с петель, как они схватились за оружие, которое у таких вояк всегда под рукой.

Конан довольно ослабился. Биться с такими — одно удовольствие. Это тебе не подлые тюремщики и не замшелые гарнизонные стражи.

Воины — одним словом.

Двоев, с копьями в руках, приняли на себя первый удар, позволяя остальным зайти с боков. Действовали они слаженно, как единая машина, но откуда им было знать, что Рана Риорда рубит закаленную сталь, — словно траву сечет.

Копья мгновенно превратились в никчемные палки, а Небесная Секира, продолжая движение, распорола живот, зашедшему справа. Озлобленные солдаты бросились вперед, и не имея возможности размахнуться, Конан, использовал секиру, как копье. Острый шип, служащий навершием боевой секиры, вошел стигийцу точно под подбородок. Выдергивая

Рорту, обратным движением варвар угодил стоящему сзади прямо в пах. Воин дернулся, жалобно заскулил, и изо рта у него хлынула кровь.

— Кровь, — неистово крича, зашлась Рана Риорда.

Варвару уже надоела эта возня, и гортанно заорав, он как коршун налетел на двоих оставшихся в живых. Первого, в буквальном смысле слова, рассекло пополам, зато второй, гибкий как барс, успел увернуться и, перекувырнувшись через плечо, попытался подсечь ноги киммерийца. Конан едва успел подпрыгнуть вверх, меч просвистел там, где только что были колени варвара. Стигиец глянул наверх и понял, что он обречен. Древко секиры, утяжеленное железными кольцами, обрушилось сверху и раскололо голову врага, как переспелую дыню. Не помог даже шлем из вороненой стали.

— Кровь, кровь! — продолжала орать Рорта. Клич, что некогда так раздражал Конана, сейчас пьянил лучше крепкого аргосского вина. И сам не заметив как, варвар подхватил его, правда, переиначив на свой лад.

— Кром, Кром! — выкрикивал он, перепрыгивая через три ступени.

Наконец, они ворвались в главный зал Файона.

Люди, собравшиеся в кучу, приготовились к обороне, правда, не от взбесившегося варвара. Все они с ужасом смотрели на содрогающуюся дверь, за которой слышался нечеловеческий рев.

Повсюду содрогались перекрытия, шатались колонны, а кутуб все рвался и рвался внутрь.

Мгновенно оценив обстановку, Конан громко заорал, еще больше заводя себя этим же криком, и с лету врубился в отряд стигийцев. Уж тут-то ему было, где размахнуться.

Вернее — им. Так как Конан выплескивал злобу, копившуюся тридцать дней, с учетом странствия. А Рорта — тысячелетнюю ненависть.

Рана Риорда, в могучих вздувшихся руках варвара, описывала широкие круги и с легкостью рассекала сталь и плоть.

— Он всего один, — заорал седой горбоносый воин, очевидно ветеран, так как он мгновенно организовал довольно грамотную оборону.

Все же стигийские войска были одними из самых дисциплинированных во всей Хайбории и уступали разве что немедийцам.

Все бы — ничего, но на этот раз в их сеть попалась не щука, а самая настоящая акула.

Конана прошел сквозь их оборону, как нож — сквозь масло и наконец достиг двери. С той же легкостью, что Рорта рубила людей, она рассекла и толстый брус, окованный медью, чтодерживал дверь на запоре. Створки ворот с шумом распахнулись, и в зал ворвался озверевший кутуб. Он раскрыл клыкастую пасть, с которой текла кровь, и заревел.

— Эй, Шапшум, — рявкнул Конан. — Давай к нам, а то ничего не достанется.

Алые, налитые кровью глаза уставились на киммерийца, и он зарычал:

— Ты-ы-ы. Но как...

— Будешь и дальше стоять столбом? — гаркнул на него варвар. — Ну-ну, стой. И он с новой силой врубился в стигийцев.

Увидев текущую рекой кровь, кутуб снова налился злобой и бросился вперед.

Конан рычал не хуже Шапшума, а в его ушах песней звучал дьявольский смех Небесной Секиры.

Варвар косил воинов, точно траву. Но то, что с ними делал кутуб, было намного хуже. Он давил их ногами, сминал толстенными пальцами, а тех, кому не повезло более остальных,

отправлял в рот. Острые клыки с легкостью пережевывали как тугую плоть, так и жесткую сталь.

Уже поняв, что они обречены, стигийцы стали метаться по залу, в поисках спасения. Одни бросались к выходу, другие — в глубь крепости, но и тех, и других было слишком мало. Большая часть воинов остались лежать на холодных плитах Файона.

Киммериец едва успел увернуться от кривой турецкой сабли и, зарычав, гневно рубанул в ответ. Но его противник, тот самый ветеран, что пытался организовать оборону, ловко увернулся. Вынырнув сбоку, он вновь попытался достать Конана.

Варвар отмахнулся топорищем, но опять промахнулся. Враг был на диво гибок и быстр. Конан довольно ослабился. Наконец-то ему попался хоть кто-то стоящий.

Разрубив по дороге еще кого-то, он обернулся к противнику. Тот стоял, чуть пригнувшись, готовый в любой момент к прыжку. Конан правильно оценил соперника. Тот и впрямь был бывалым воякой. Худой и жилистый, стигиец более всего походил на степного волка. С хищного лица зло поблескивали черные глаза. Он не боялся варвара с его волшебным оружием, так как был уверен в собственном превосходстве. В его иссеченных шрамами руках блестели две длинные сабли, по которым сразу же было видно, что они не ржавели без дела. Впрочем, как и их хозяин. Узкие губы разошлись в насмешливой улыбке.

— Ну, северянин. На многое ли ты способен без своей секиры?

— Кром! — разъяренно зарычал Конан. Усмешка стигийца привела его в бешенство. Как он посмел усомниться, в его, Конана силах? Ну, сейчас он покажет этому отродью Сета.

— Руби его, — заклекотала Рорта, но киммериец уже разжал руки. Однако Небесная Секира не упала на пол, а просто повисла в воздухе.

— Что ты делаешь, потомок Гидаллы? Руби его!

— Вот и разрублю, но без тебя, трухлявое топорище, — прорычал он, вспоминая Саледа Алима.

Стигиец наблюдал за этой сценой все с той же насмешливой улыбкой.

— Что, северянин. Твой топорик еще и помыкает тобой?

— Обойдешься, Сетово отродье. Это тобой помыкают жрецы, а также их червяк-Сет. А я свободен, как ветер!

— Да? — брови, воина взметнулись вверх. — А что же ветер делает в этом крысятнике? Поди, отдохнуть решил.

Конан недобро улыбнулся.

— Сейчас узнаешь.

Он обнажил свой ятаган, полученный им еще в Иранистане. Оружие, конечно же, не могло сравниться с Небесной Секирой, но все равно было на диво хорошо. Конан, вообще, не притрагивался к плохому оружию. Разве что так, походя, когда бежал из тюрем и подбирал по ходу жалкие железяки стражников.

— Ты приготовился к смерти, шакалье дермо? — рявкнул обозленный варвар и обрушился на горбоносого. Тот промолчал, а ответом послужила умелая атака, после того как он парировал все удары киммерийца.

Стигиец оказался достойным противником. Отсутствие природной силы он компенсировал небывалой скоростью и отменной техникой фехтования. А свой немалый возраст — огромным жизненным опытом.

Конан яростно атаковал, перемежая рубящие удары частыми выпадами, но горбоносый всякий раз ставил перед собой сверкающую стену защиты.

Они довольно долго кружили на одном месте, и тут стигиец сам перешел в атаку. После очередного удара горбоносого Конан едва успел втянуть живот, получив только царапину. Не успел он сделать этого, валяться бы его внутренностям на полу.

— Ах ты, песшелудивый! — восхищенно воскликнул варвар. Даже опьяняющее чувство мести не могло заглушить восторга от встречи с достойным противником. А они были весьма редки в жизни Конана. Все больше было тех, кто старался навалиться скопом, или ударить исподтишка, в спину.

— Много говоришь, северный медведь, — почти нараспев отозвался ветеран. Долгий бой практически не сказался на его дыхании.

Конан кивнул, приняв замечание к сведению, и ответил атакой. Его меч слился от скорости в сверкающую полосу.

Ударив крест-накрест, варвар в последний момент изменил траекторию рубящего удара на выпад в живот. Стигиец извернулся змеей, отбрасывая острие своей саблей, но тут же рухнул, как подкошенный. Конан просто заехал ему кулаком в ухо.

Конечно, зазорно бить лежачего, но в горячке боя можно все. Конан рубанул сверху, однако горбоносый, находясь даже в полуబессознательном состоянии, успел откатиться вбок.

— Вот ведь гаденыш, — восхищенно сказал Конан. Не каждый мог так быстро оправиться от него, Конана, удара. А стигиец не только оправился, но даже стоял уже на ногах.

Лицо киммерийца исказила недобрая усмешка. «А как тебе это?» — подумал он, проводя атаку в стиле кхитайских мечников.

Заштиты от этого приема стигиец не знал. Как и всякий южанин, он не знал, что в Кхитае любой удар является как защитой, так и нападением. Горбоносый хрюкнул, когда меч варвара пробил его грудь и вышел из спины.

— Вот и все, — весело усмехнулся Конан, глядя в его глаза и проворачивая меч в ране.

— Ну что, доволен? — поинтересовалась Рана Риорда. — Наигрался?

— Заткнись, — оборвал Рорту киммериец. — Это был умелый воин, убивать таких нужно достойно.

— А мною, по-твоему — недостойно, — ощерился появившийся дух.

— Достойно, достойно, — успокоил его Конан. — Только он был бы с самого начала обречен. А так все же имел хоть какой-то шанс.

— Правда, — съехидничала Рорта. — А что же он не спас тебя в тюрьме, коли такой достойный?

Киммериец смолчал и окинул взглядом учиненное ими побоище.

Тела лежали повсюду. Одни высушенные, как мумии. Это были те, чью кровь выпила Небесная Секира. А другие, вернее то, что от них осталось, были изорваны и разворочены. Над этими поработал кутуб.

Конан отыскал взглядом Шапшума. Тот сидел на полу и держал в лапах еще живого стигийца.

— Вкусный человечек, — прорычал кутуб. — Сейчас Шапшум тебя съест.

Он поднес солдата, к своей пасти, и тот дико заверещал. Но он так и не смог вырваться, или хотя бы — потерять сознание. Гигантские зубы сомкнулись, перекусывая человека пополам. Кровь брызнула на пол, а кутуб довольно зарычал. Сытно рыгнув, он стал осматривать зал в поисках новой жертвы. Тут взгляд его снова упал на киммерийца.

— Ты? Что ты тут делаешь? — зарычал Шапшум.

Конечно, Конан знал, что кутуб — туп, но не настолько же.

— Помочь тебе пришел, — отозвался киммериец.

— А зачем же гнал меня в Иранистан, — обиженно засопел волосатый великан. —

Зачем заставил меня лететь?

В его глазах появилась злоба, и он рыкнул, не хуже самого киммерийца.

— А ну, закрой свою вонючую пасть, отродье Нергала. Давно не общался с моим другом?

И варвар грозно потряс Небесной Секирой.

— Гнал — значит, надо. И нечего на меня зубы скалить. Все одно — обломаешь.

— Прости, господин, — опомнился кутуб.

— Так-то лучше. А теперь подними свой зад и поймай тех, кто успел сбежать. Должно быть, они сейчас со всех ног отсюда бегут.

— Но зачем? — искренне удивился Шапшум. — Тут полно мяса. На несколько недель хватит.

— Может, ты желаешь, чтобы сюда нагрянули все жрецы Стигии?

Кутуб отрицательно покачал головой.

— Тогда вперед, пока они не привели войска. Шапшум, нехотя посмотрел на выход.

— Да не волнуйся ты так — подбодрил его Конан. — Я человечину не ем. Переловишь сбежавших, и попируешь вволю, набьешь свое брюхо.

Видя, что кутуб еще колеблется, варвар взмахнул секирой. На пол полетело несколько толстых волосков.

Кутуба снесло точно ветром.

— Так-то лучше, — буркнул Конан.

Развернувшись в другую сторону, он быстро заскользил изящной походкой тигра внутрь крепости. Кое-где еще должны были остаться враги. А Конан еще не утолил своей жажды мести. Впрочем, как и Рана Риорда. Она продолжала выть, требуя крови.

— Идем, потомок Гидаллы. Идем. Надо отыскать еще крови. Кровь!

— Кром, с тобой, тупая железяка. Идем.

— Я не тупая, — справедливо возмутилась Рорта.

— Хорошо, светоч всех секир, беру свои слова обратно.

Конан шагнул в темный коридор, и тут же нарывался на засаду. Притаившиеся в тени арбалетчики выпустили в него свои болты. Мгновением позже, все стрелы лежали на полу, отбитые Небесной Секирой. Варвар только потер вывихнутое запястье.

— Вперед, — скомандовал дух секиры, и Конан, понесясь вперед, точно олень. Для того чтобы перезарядить арбалет, требовалось три удара сердца, но варвар им их не дал. Он преодолел это расстояние всего за два, благо, арбалетчики притаились неподалеку.

Двоих первых Конан насадил на острие секиры одновременно. В третьего он метнул нож, отобранный им у Саледа Алима. Широкий клинок с костяной рукоятью воткнулся в живот стигийца, и тот с криком рухнул на пол.

Последний арбалетчик все же успел перезарядить арбалет и уже начал его поднимать, но тут смертоносная Рорта опустилась на его оружие, перерубая вместе с арбалетом и кисти врага. Воин упал на пол, захлебываясь собственным криком, и варвар раскроил ему голову, чтобы не мучился.

— Кровь, — победоносно визжала Рана Риорда, в то время как Конан выдергивал свой нож из живота стигийца. Тот попытался ухватить киммерийца, но пинок ногой в живот

отбросил его назад.

— Скорее Конан. Кровь! Кровь!

— Да она мне, в общем-то, и не нужна, — холодно ответил киммериец. — Меня больше интересует золото.

— Будет тебе золото, потомок Гидаллы. Будет. Но сперва месть!

— Кр-р-ровь, — передразнил духа Конан.

— Да, кровь! Море крови! Ступай вперед. Моя сталь будет твоей кольчугой и твоим щитом.

— Ну, раз так, то нечего нам таиться, будто шакалам, — решил варвар и оглушил коридоры Файона воинственным кличем.

От этого его снова охватила горячка боя, и он перешел с шага на бег.

Он не пропускал ни одной встреченной им двери, и все они, раздробленные, слетали с петель. Тысячелетняя ненависть варваров к цивилизации нашла свой выход, и Конан крушил все, что попадалось на его пути.

— Справа, — предостерегающе крикнула Рорта, и киммериец, не раздумывая, бросился на пол. Щелкнул арбалет, над ухом, что-то просвистело, и варвар вскочил на ноги. Перед ним стоял стигийский солдат, совсем еще юноша. Увидев перед собой огромного человека с огромной секирой, он затрясся.

— Н-нет, — тихонько заскулил он, медленно отступая. — Нет, нет!..

Конан холодно блеснул глазами. Он презирал трусов. Из таких обычно вырастали палачи и заплечных дел мастера.

Те, кто боялся честной схватки, обычно топил свою трусость в чужой крови. Они наслаждались страданиями других, а себя берегли, как зеницу ока.

— Кр-р-ром, — рыкнул варвар, и этого оказалось достаточно, чтобы юнец упал замертво. Его сердце разорвалось от страха.

— Мразь, — заскрипела над ухом Небесная Секира. — Не вздумай меня поить подобной кровью, потомок Гидаллы.

Конан был полностью солидарен с духом. Убивать таких — только сталь марать. Сами дохнут, как мухи.

— Впереди много крови, — внезапно встрепенулась Рорта. — Там засада.

Варвар хмыкнул. Это ему было по душе. Чем лучше засели, тем приятнее будет выбить их оттуда. Или просто выбить из них дух. Он поднял с пола тяжелый арбалет и осмотрел его. Это было массивное оружие, приспособленное для длинных трехгранных болтов.

— Пойдем-ка, подразним их, Рорта.

Дух неодобрительно посмотрел на арбалет, но спорить не стал. Он исчез в топорище, а варвар стремительно зашагал вперед.

Он довольно быстро достиг нужного места. Там более трех дюжин стигийцев возвели баррикаду, и теперь поджидали врага.

Впрочем, Конан, не заставил долго себя ждать. Он в вразвалочку вышел из-за поворота и, увидев их, невинно спросил:

— Вы не меня ждете?

— Иди сюда, свинья! — крикнул один из них. — Мы посмотрим, какого цвета у тебя кишки.

— А ты их, вообще-то, хоть раз видел, — поинтересовался Конан. — Нет? Ну так погляди.

Он резко вскинул арбалет, и в животе наглеца вырос болт. Он с криком упал.

— Визжит, точно свинья, — констатировал киммериец, перезаряжая арбалет.

— Ну что, крысы, — усмехнулся он. — Как вам нравится ваше же оружие?

Еще один болт со свистом унесся вперед. Само собой, он попал в цель.

— Что ты делаешь, потомок Гидаллы?! — возмутилась Рана Риорда. — Зачем тратишь их кровь впустую?

Конан пожал плечами.

— Хочу их унизить, Рорта. Я стою тут один, а они все равно не могут ничего со мной поделать.

Немного подумав, дух согласился с ним.

— Это и впрямь стоит того. Некоторых врагов мало убить, их надо — растоптать.

Стрелы находили свою цель, и стигийцев становилось все меньше.

Не выдержав, один из них воскликнул:

— Почему ты не дерешься, как мужчина? Киммериец только рассмеялся в ответ.

— А ты? Иди, сразись со мной один на один. Или и дальше будешь прятаться в стае шакалов?!

Стигиец окинул варвара взглядом и попытался укрыться за барrikадой.

— Ну, как знаешь, — ответил Конан и умело засадил ему болт точно между глаз.

Наконец, болты закончились, и киммериец, отбросив арбалет, бросился вперед. Солдаты, старающиеся спрятаться как можно дальше, не успели ничего предпринять, а варвар уже разметал укрепление, состоящее из столов и стульев, и что есть мочи, врубился в их ряды.

Конан выхватил меч, и вокруг него взорвался вихрь сверкающей стали.

Воины падали один за другим, а варвар продолжал рубить, что есть мочи. Вот у одного отлетела голова, другому в висок вонзился острый четырехгранный шип. Еще несколько лишились рук.

Острый иранистанский клинок, воткнувшись в брюхо одного из солдат, намертво застрял там, и человек рухнул на пол, увлекая за собой и меч. Конан перехватил Рана Риорду обеими руками и стал косить ею направо и налево. С каждым новым взмахом в стороны летели отсеченные руки и головы, но киммериец все никак не мог удовлетворить свою жажду мести. Он вздел Небесную Секиру для нового удара, и только тут понял, что вокруг него остались только мертвецы.

Варвар довольно зарычал. Враг был мертв, а в его жилах все еще бушевало священное пламя боя. Он подошел к двери, и ударом ноги вынес ее.

И тут на киммерийца, обрушился поток огня.

Здесь было все: и живое пламя, пожирающее даже стены; и молнии, переливающиеся всеми цветами радуги; и огонь Черной Бездны, где обитает Сет — владыка тьмы.

* * *

Поднял Гидалла руки к вечернему небу, потом раскинул их в стороны, над водами и землями, реками и ручьями, скалами и горами, равнинами и лесами.

Здесь и там — повсюду! — обитали братья его и сестры, такие же потомки Древних Богов; всех их молил Гидалла о помощи, просил поделиться частичкой своей силы. У неба и небесных светил испрашивал он сияние и блеск; у скал — несокрушимую крепость; у вод — подвижность и гибкость; у ветра — стремительную силу и жесткость; сам же он наделял творимую душу провидческим даром. И откликнулись стихийные души, родичи Кузнеца — те, чьи имена исчезли, канули в Вечность после Великой Катастрофы. И наделили они Рана Риорду просимым. И творил Кузнец, сгорбившись над творением своим, заклятия страшные и тайные. Пробуждая же дух Рана Риорды, пролил Гидалла каплю крови из пальца своего — и молвил:

— Отныне и впредь будешь ты узнавать мою кровь, мою плоть, и руку моих потомков. Ты не предашь их, ибо карой станет развоплощение и гибель. Ты не покинешь род Южного Ветра, ибо жизнь твоя будет зависеть от сыновей моих, внуков и правнуков — только они дадут тебе то, чего ты жаждешь. Предсказывая, ты не обманешь, сражаясь, не подведешь. Попав же к чужим, ты будешь убивать, убивать, и убивать! Убивать, пока не вернешься к роду моему и племени, в руки того, кто окажется старшим из моих потомков. Он насытит тебя, он тебя успокоит! Он повелит, и ты исполнишь.

Так сказал Кузнец Гидалла — прародитель клана Южного Ветра. И так родилась Рана Риорда — кому на радость, кому на погибель.

* * *

В мире на данный момент существовало две Рана Риорды. Одна только начинала свой путь на юго-восток, к землям дальнего континента. А другая находилась сейчас в Файоне, в руках потомка прародителя Гидаллы, пускай не старшего, но неприкосновенного, по праву рождения — того, кого и была призвана охранять Рана Риорда.

Не только рубить врагов могла Небесная Секира, и не только провидеть для потомков кузнеца, ее Создателя. Владела она и магией — злой, страшной, древней — неподвластной жалким смертным. Магией стихийных духов, потомков Древних Богов.

Топор в руках Конана ожил и, вырвавшись из рук киммерийца, взлетел вверх. Вися в воздухе, секира принялась быстро вращаться.

Губительное пламя, насланное совокупной магией всех жрецов Сета, обитающих в Файоне, питалось в Рана Риорду без остатка, сделав ее только сильнее и могущественнее. Вращающаяся Рорта накалилась, став багровой, и в воздухе материализовался дух секиры — точная копия киммерийца. Он подхватил топор в руку и, нацелив острие секиры на жрецов, выпустил накопившуюся мощь, добавив к ней свои собственные заклятия. Полыхнуло так, что Конан зажмурился. А в этот миг по коридорам Файона неслась огненная лавина, выжигая все живое, что попадалось ей на пути. Гибли жрецы, устраивающие засады; гибли воины, разбежавшиеся по углам, точно крысы; гибли ни в чем не повинные рабы, живущие на нижних этажах; гибли даже призраки, населяющие крепость со дня ее основания.

— Все кончено, потомок Гидаллы, — проскрипел дух Рорты. — Теперь тебе не придется вылавливать крыс, забившихся по углам. Мы можем" отправляться в сокровищницу.

— Давно пора, — хмыкнул варвар, в глубине души поразившийся возросшему

могуществу Небесной Секиры.

— Выродки, и дети выродков, Нергал и Сет их подери. Да, чтоб они провалились в самую глубокую выгребную яму Шадизара. — неистовствовал Конан, рубя все, что попадалось ему на глаза. — Пожри все их племя кутубы!

— Так именно этим Шапшум сейчас и занимается, — не вовремя напомнила Рана Риорда.

Поток оскорблений тут же перекинулся на нес

— Будь проклят тот день, когда я связался с тобой, трухлявое топорище. Чтоб глаза мои тебя не видели, Хануманово отродье. Пусть Кром лишит тебя остроты и крепости. Проклятое творение проклятого Гидаллы.

— Не хули Кузнеца, Конан. Ведь он твой предок.

— Да пропади он пропадом, этот предок. Ковать не умеет, а все туда же. Тоже мне, кузнец выискался.

— Отплачу, отплачу, — передразнил он призрака. — Где золото, Сетово отродье? Где драгоценности, ошметок Нергала? Отвечай!

Они спустились в сокровищницу Файона, но отыскали там только несколько сундуков, наполненных золотом. Но Конан-то надеялся увидеть куда больше. Он рассчитывал на королевский куш, а не жалкую горстку монет.

— Успокойся, потомок Гидаллы. Ну, бывает. Что тебе так не нравится? Получив в Базре только шесть золотых, ты не посчитал зазорным взять их себе. А тут целых три сундука.

— Еще этой ночью, ты висел в цепях, и почти голый. И только за одну ночь ты успел совершить увлекательное путешествие; вернуться и отомстить пленившим тебя. Что еще тебе надо? Горы золота и серебра? Так возьми их. У нас с тобой впереди еще месяц. Неужто на этом свете нет больше сокровищниц, которые можно разорить?

Рорта была, конечно же, права, но Конану хотелось чего-то большего, нежели три сундука.

Он глубоко вздохнул и стал успокаиваться.

Конечно, варвар желал и богатств, и славы, но на деле все это было только далекой целью, а Конана больше волновал путь к ним. Ведь недаром все богатства и почести проскальзывали меж его пальцев. Просто он никогда не держался за них. Киммерийцем двигала неистребимая тяга к авантюрам и желание — повидать весь мир.

Бороздить океаны и врубаться в заросли джунглей, в поисках забытых городов, где все еще жили позабытые божки и прочая нечисть.

Но самое главное — свобода! Вот что отличало варвара от остальных людей. Вот чего он жаждал более всего. Свободы! Идти туда, куда влекло сердце. Делать то, что просила душа. Именно в этом заключалась вся его сущность,

— Ладно, Рорта, Нергал с тобой. Берем это, раз ничего другого тут нет. И впрямь, не сидеть же здесь остаток жизни.

Конан пнул один из сундуков ногой, и тут внутри что-то зашевелилось. Варвар наставил острие секиры на вздымающуюся груду монет и стал ждать.

— Кром, что бы это могло быть? — подумал он, прикидывая, не проткнуть ли тварь прямо сейчас.

— Неужто какое-нибудь Сетово отродье, сторожащее сокровищницу? Золота здесь мало, а они все равно стражи оставили...

Но это оказался не демон. И даже не страж. Из груды монет появилась сморщенная

голова, которая, увидев могучего варвара, застыла, а затем, закатив глаза, откинулась назад.

— Вот ведь старый сморчок, сознание потерял. Теперь жди, когда оправится...

Не желая, чтобы его золото поганил какой-то урод, Конан выдернул старика за шкирку и, удерживая перед собой, громко рявкнул:

— Ты кто? А ну отвечай, пока не вытряс твою поганую душонку из тела. Тряхну так, что вмиг на Серых Равнинах окажешься!

Для достоверности, он и впрямь встряхнул человечка, да так, что из его карманов на пол посыпались перья и выпала баночка чернил.

— Клянусь Кромом! Это какой-нибудь местный писака, чинуша, марающий пергамент заумными словами!

Человечек открыл глаза, но, увидев Конана, попытался снова потерять сознание.

— Только попробуй! — рявкнул варвар. — Вмиг к Сету отправлю.

Взял себя в руки, писец что-то замычал.

Что? — рявкнул киммериец. — Четче говори.

Я Арга, господин, — затараторил тот. — Седьмой писец третьей канцелярии тайного совета при одиннадцатом....

— Довольно, — оборвал его варвар. — Понял уже, что никчемное существо. Здесь что делаешь?

— Я, господин?

Ну, не я же, слизняк осклилый! — Конан начал наливаться злобой, и писец заговорил быстрее.

Я должен был подсчитать выплаты солдатам, о повелитель мира. А когда поднялся шум, я спрятался.

При этом он умудрился сложиться почти вдвое.

— Так это — солдатская казна, — догадался Конан. — Ну, а где же тогда сокровищница жрецов? Отвечай, гнида. Знаешь, или нет?

Человечек закивал.

— Я отведу, господин. Отведу.

— Конечно, отведешь. Куда ты денешься? А теперь вперед, ящирица книжная. И не вздумай юлить, а то мигом дух выбью!

И для убедительности Конан поднес к его лицу могучий кулак. Вид покрытой шрамами руки, размером превосходящей его голову, привел Аргу в мистический ужас. Он и представить себе не мог чего-нибудь подобного. Пожалуй, пригрози Конан топором, эффект был бы куда меньше.

Писец закивал и, нервно облизывая губы, засеменил к выходу.

— Что, Рорта, никудышный из тебя провидец, — усмехнулся Конан. — Золота не можешь отыскать. А оно под носом.

Рана Риорда только рассмеялась. В ее голосе послышалась насмешка.

Следуя за человечком, Конан спускался все ниже и ниже. Наконец они достигли пустой комнаты, и варвар выругался.

— Эй, сморчок старый, ты куда меня завел?

— Здесь, господин. Здесь, великий, — поклонился стариk. — Прямо перед тобой.

— Хватит поклоны отбивать. Толком говори.

— Там, за стеной, сокровищница самого Аммамунм-Пха.

Кто это такой, киммериец не знал, да и знать не хотел. Он просто размахнулся Рортой,

да и снес часть кладки. Дождавшись, когда пыль уляжется, варвар шагнул внутрь. Но уже через мгновение он вылетел вон и, ухватив писца, стал его трясти, что есть сил.

— Ах ты, гниль стигийская! Издеваться вздумал? Да я тебя голыми руками пополам порву. Тварь проклятая! Куда завел? Отвечай, пока по стене не размазал!

Э-э-это, с-с-сокровищница, — заикаясь, ответил тот. — С-с-самого...

— Удавлю, — прохрипел Конан.

В потайной комнатке лежали древние книги, свитки и фолианты. Но ни золота, ни драгоценных камней там не было.

— Удавлю! — продолжал реветь киммериец, и его крик более всего походил на рык огромного медведя.

Служка рухнул на колени и уткнулся лицом в пол.

— Не убивай, господин. Не убивай! Я привел тебя в самую тайную сокровищницу Аммамунм-Пха. Здесь собраны книги, которых нет даже у Тот Амона!

От ярости варвар побагровел и стал выглядеть еще ужасней.

— Да, плевал я на твоего Тот Амона, на Аммамунм-Пха, а также на все книги мира, в придачу. Мне драгоценности нужны: алмазы, рубины, изумруды. На худой конец, подойдет и золото.

Конан со всего размаха опустил Небесную Секиру на пол, отчего по нему побежали трещины. Но этого варвару показалось мало, и он рубанул стену. Затем еще раз, и еще. С потолка полетели огромные глыбы, а стены хранилища, стали осыпаться, грозя в любой момент обрушиться.

— Похоже, пора убираться отсюда, — решил он, поняв, что несколько переборшил.

Он бросился к выходу, но тут заметил, что писец так и остался стоять на коленях посреди зала.

— Нергал его забери, — выругался киммериец и, бросившись назад, схватил старика за пояс. Тот так и мотался из стороны в сторону, пока Конан нес его, удерживая одной рукой.

В этот момент две башни Файона рухнули, и крепость содрогнулась до самого основания,

Поняв, что солдатская казна оказалась погребена под завалом из камней, Конан страшно заревел.

Он вновь взялся за писца, которого винил во всех своих злоключениях.

Того мотало из стороны в сторону, но, наконец, лязгая зубами, он смог выдавить:

— Золото...

— Что — «золото», собачий потрох?

— Все расскажу, владыка! Только пощади...

— Говори. Ну, живо. — И варвар бросил писца на землю.

— Все расскажу, господин! Все! Нет золата в этой крепости. Но я знаю, где оно есть...

Писец продолжал причитать, уткнувшись лбом в пол, но варвар прервал его.

— Ладно, говори. Да только рожу приподними, а то тебя толком и не слышно.

Стигиец чуть-чуть выпрямился, но подняться с колен не решился.

— Два дня назад правитель крепости Файон...

— Бывшей крепости, — поправил его Конан. — Вот все, что от нее осталось. — И он поддел ногой обломок стены.

— Бывшей крепости, — быстро поправился писец. — Чародей Аммамунм-Пха, увидел тебя со стены и велел схватить. Узнав же в тебе, о, покоритель мира, капитана по имени

Амра, он велел замуровать тебя в подземелье. И оставить там умирать от голода и жажды.

Конан пообещал себе, что при встрече с человеком по имени Аммамунм-Пха, снесет ему голову без лишних разговоров. Но для ясности решил все же уточнить:

— А где он сейчас, этот Аммамунм?

— О, тигр северных гор! То великая тайна, известная лишь немногим в этой крепости. Конан многозначительно огляделся вокруг.

— Думаю, что теперь только тебе. Остальные, такие же умные и знающие, как ты, уже давно в желудке у кутуба. И клянусь Кромом, ты присоединишься к ним, если и дальше будешь испытывать мое терпение.

— Чародей уже довольно давно недоволен своим положением в иерархии Черного Круга, а потому он составил заговор супротив самого Тот Амона.

— Так он захотел сесть на его место, — догадался Конан. — Так и говори.

— Да, владыка знаний. Ты как всегда прав. Но чародею Аммамунм-Пха, пока что не хватает ни сил, ни богатства, дабы снарядить армию и заполучить на свою сторону соратников.

— Насчет богатств, это я уже заметил, — ухмыльнулся варвар.

Служка часто закивал.

— Великий Тот Амон, как глава колдовского ордена, захватил все. Ну, или почти все. Сокровищницы его ломятся от бесчисленных сундуков с сокровищами. А молельни до отказа заполнены колдовскими амулетами и фетишами.

Но Аммамунм-Пха, отыскав эту библиотеку, почерпнул из нее много тайнств.

— Осталось только деньжат подкопить, — хмыкнул варвар.

— Верно, верно, господин. И именно для этого снарядил он галеру, коя сейчас плывет на остров колдуна Сиптаха.

— Ну, и?..

— В древних манускриптах сказано, что Сиптах достиг необычайных высот в темном искусстве магии. Он собрал несметное количество сокровищ со всего мира, главным из которых был магический кристалл размером с куриное яйцо.

Конан прикинул, за сколько бы он мог продать такой камешек на черном рынке Аренджуна, и у него закружилась голова.

— Так что ты там говорил о несметных сокровищах? — подбодрил он служку своим рыком.

— Да, да. Сокровища, воистину несметные, подтвердил писец. — И именно за ними отплыл Аммамунм-Пха.

Киммериец зло осклабился.

— Так, говоришь, это он, приказал заточить меня в темницу.

— Да, Владыка Мира, именно он. А затем немедля отправился в путь.

— Два дня назад, — прикинул Конан. При попутном ветре (а в том, что он будет сопутствовать чародею, варвар не сомневался), тот не сегодня — завтра достигнет устья Стикса и выйдет в море.

— Ну-ну, еще посмотрим, кто кого, — решил киммериец. — Как узнать его корабль?

— Очень просто, господин. У чародея Аммамунм-Пха алые паруса, с изображением змея, пожирающего око Ра.

— Ясно. А теперь можешь проваливать. Служка вскочил с коленей и бросился бежать так быстро, что варвар даже не успел предупредить его о кутубе.

— Ну, и Сет с ним, — решил Конан. — Шакалу шакалья смерть.

Затем он смерил долгим и пристальным взглядом завал, где остались три сундука с золотом, и, махнув рукой, направился к выходу.

— Рорта, похоже, что нам предстоит еще одно небольшое странствие.

Дух секиры тотчас же материализовался рядом с Конаном.

— Ты хочешь нагнать этого жреца, — поинтересовался он.

— Верно. А также отдать тебе кровь этого слизня. Возможно, он и не имел причастности к твоему пленению, но к моему уж точно имел. Так что не жить этой твари на белом свете.

— Кровь — это хорошо, — облизнулся призрак. — Это очень хорошо. Но я бы мог...

— Позже, Рорта, позже. Лучше скажи, ты сможешь перенести нас на галеру?

— Нет, потомок Гидаллы. Для сохранения Великого Равновесия я перенес тебя сюда.

Помнишь — если взято в одном месте, то оно должно вернуться туда же. Если сейчас я перенесу тебя в иное место, то Равновесие вновь пошатнется. Но я бы мог...

— Кром с тобой, Рорта. Нет, так нет. Придется опять потрясти этого волосатого бурдюка.

— Но, Конан, — дух вновь принял за свое. — Я бы вполне мог...

— Все, Рорта. Заткнись, — отрезал варвар и быстро побежал наверх.

Рана Риорда так и не успела досказать, что она вполне могла бы расчистить проход к заваленной казне.

Конан выскочил в главный зал и увидел Шапшума, доедающего того самого служку.

Узрев киммерийца, кутуб изобразил злобную гримасу, очевидно, обозначающую улыбку.

— Господин, я все сделал. Всех переловил. Вкусные людишки убежали недалеко. Только вот многие здесь забились в норы. А Шапшум туда не влезает.

— Не беда. Их, скорее всего, завалило.

— Шапшум этого не делал, — прорычал кутуб. — Шапшум не рушил башни.

— Это я, — отозвался Конан, и для наглядности выбил еще несколько блоков торцом секиры.

Кутуб благоговейно поклонился.

— Господин — великий воин и маг. Шапшум готов ему служить.

— Это хорошо. Так Как тебе придется отнести меня еще в одно место.

— Какое? — удивился кутуб. — Разве господин не может сам отправиться туда?

— Значит, не может, — зло отрезал варвар. — А место это называется островом Сиптаха. В море, к западу от Стигии.

— Господин, — жалобно запричитал великан. — Шапшуму нельзя в море. Это далеко, Шапшум не выдержит.

— Слушай меня, вонючая отбивная. Только что тот червь, которого ты сейчас жрешь, рассказал мне, что жрец, пленивший тебя, плывет на этот самый остров. А когда он вернется, кого, по-твоему, он станет искать?

— Нас, — чуть подумав, ответил кутуб.

— Верно. А значит, его надо догнать и выпотрошить, как рыбу. Ясно?

— Да, господин. Но Шапшум все равно не долетит туда. Не сможет.

— Трезубец Нергала тебе в задницу, — взъярился варвар и потряс Рана Риордой.

Кутуб отскочил, как ужаленный, но от своего не отступил.

— Шапшум не сможет. У него не хватит сил.

— Видимо, не врет, — понял киммериец, увидев страх в его глазах. — Проклятье на твою голову!

Варвар в сердцах снес толстенную колонну.

— Слушай меня, пожиратель падали, и не спорь. Донесешь до Кеми. А там лети на все четыре стороны.

Кутубу ничего не оставалось делать, кроме как согласиться.

Он с грустью посмотрел на разбросанные по залу куски мяса. Больше всего на свете Шапшум хотел от души наесться и завалиться спать недели на две, а то и на три. Но делать было нечего, и он покорился.

Они выбрались Из замка, или того, что от него осталось, и только тут Конан понял, что они неистовствовали почти целый день. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая Стикс багряными красками.

— Эй, волосатая задница, — гаркнул варвар на ухо летящему кутубу. — Держись центра реки! Авось, и подвернется подходящая лоханка.

Шапшум тут же выполнил приказ. Кутуба вполне устраивало, коли странный человек не погонит его до Кеми.

В свой прошлый полет на плечах у кутуба Конан большую часть времени проспал, восстанавливая силы. Теперь же он всматривался в ночь, пытаясь отыскать подходящее судно.

А те мелькали внизу непрекращающейся чередой. Кутуб летел куда быстрее, нежели суда плыли при попутном ветре.

По большей части, то были купеческие баржи, перевозящие людей и ценный груз. Но варвар высматривал отнюдь не их. Он искал галеру. Не тяжеловесную военную, наполненную солдатами и жрецами, а легкую и маневренную, на коих плавали пираты.

Они уже миновали Кеми, город черных стен, где жили лишь жрецы Сета и куда вход простым смертным был заказан, а подходящего судна, все еще не попадалось. Конан уже слышал тяжелое дыхание кутуба, который и впрямь держался из последних сил. Видимо, недавний полет в Иранистан, возвращение обратно и нынешнее путешествие окончательно его истощили.

И в этот момент киммериец увидел то, что так долго выискивал в ночи. Легкий, стремительный корабль с небольшой осадкой плавно мчался на запад, словно желая поскорее оказаться среди морских просторов.

— Эй, Шапшум, опускайся! — приказал варвар, присовокупив к этому хороший пинок ногой.

Кутуб снизился и полетел вровень с галерой.

— То, что надо, — решил киммериец и легко спрыгнул на палубу.

По кораблю пронесся его горянный боевой клич. Матросы, так плохо несшие вахту, поплатились за нерадивость первыми. Впрочем, Конан не жалел о них. Ему были ни к чему лентяи и лодыри.

Первые несколько ударов расчистили перед ним пустое пространство, и варвар громко закричал:

— Ну, черви! Кто ваш капитан?

Толпа раздвинулась, и вперед вышел дородный воин с бычьим загривком.

— Я капитан, — спокойно произнес он, рассматривая в упор наглеца.

— Ты ошибаешься, — ответил варвар и единым взмахом перерубил его толстую шею.

— Теперь я капитан! — громогласно объявил Конан. — Всем ясно, недоноски?

Естественно, тут же нашлись недовольные. С десяток воинов шагнули вперед, и варвар громко крикнул:

— Эй, Шапшум! Не хочешь ли подкрепиться перед обратным полетом?

Над палубой мелькнула гигантская рука, и тут же сгребла полдюжины моряков. Остальные попытались скрыться в толпе, но Конан не нуждался и в бунтарях.

Он просто прыгнул вперед и обрушил на них Рана Риорду.

Само собой, гибли и невиновные, но это было так, по ходу жизни...

Когда Рорта насытилась и перестала требовать крови, киммериец воткнул ее в палубу.

— Итак, — громко рявкнул он. — Повторите, кто теперь ваш капитан?

— Ты, — донеся до него нестройный хор голосов.

Варвару этого показалось мало, и он, шагнув вперед, проткнул одного из тех, кто так и не соизволил раскрыть рта.

— Еще раз!

— Ты — наш капитан! — пронеслось по палубе.

— Уже лучше, — похвалил варвар и, неожиданно вспомнив сердара Таглура, заговорил, копируя его:

— Ну, соколы мои, свиньи недорезанные, теперь перейдем к делу. Ответьте-ка мне, бравые псы морей, почему я оказался на этой посудине, не годящейся, даже для плавания в луже конской мочи?

Не дождавшись ответа, Конан плотоядно улыбнулся.

— Да потому что вы, храбрецы, смердящие потомки гиен, не выставили должной охраны. Но не бойтесь, великие воины Хайбории, теперь все изменится. Я лично поведу вас вперед, и вы, мерзкая помесь свиней и жаб, научитесь настоящему порядку. А после, если вас; конечно, не убьют враги, а то и я сам, вы обретете богатство и славу!

Конана понесло. Он, довольный тем, что в его подчинении оказалась почти сотня отборных головорезов, уже выстроил план, как обхитрить наглого жреца.

Взгляд варвара скользил по бандитским рожам моряков, и он понял, что не ошибся в своем выборе.

Похоже, что здесь собрались бойцы, со всех концов света. Были тут и узкоплечие гибкие иранистанцы, и жилистые туранцы, похожие на первых, как две капли воды. Возвышались могучие чернокожие дикари, что сверкали белыми зубами и поигрывали чудовищными мышцами. Хитро щурились смуглые шемиты...

После того, как Конан подробно разъяснил новые правила на корабле, он спросил:

— Где первый помощник прежнего капитана? Моряки замялись, пока один из них, высокий зембабвиец, не ответил:

— Ты только что прикончил его, мой капитан.

— Ну, и ладно. Все одно, небось, дерымом был. Теперь помощником будешь ты. Как звать?

— Мкванга, мой капитан.

Зембабвиец говорил на смеси стигийского и шемитского языков, так что варвар без труда понимал его. Он и сам владел этим наречием наемников, которое включало в себя еще и обрывки туранской речи.

— Что ж, Рорта, — хмыкнул Конан, оставшись один в своей новой каюте. — К тому времени, когда тебя коснется старший из воинов Южного Ветра, ты успеешь напиться крови

по самую рукоятку...

Глава вторая

— Отлично! Право руля! — скомандовал высокий человек в черной хламиде. Крепкий, хорошо сложенный человек поклонился жрецу и бросился исполнять его приказание. Галера изменила курс и вскоре пришвартовалась близ небольшого городка, что во множестве были разбросаны по берегу Стикса со стороны Шема.

Формально, все эти земли принадлежали Стигии. Но на деле, границей между Стигией и Шемом служила река. И как ни старались слуги Сета, но изменить положения они так и не смогли.

Тысячи городков вырастали вокруг крупных рынков, куда устремлялись торговцы и контрабандисты со всей Хайбории. Здесь можно было найти все: непревзойденное оружие, выкованное варварами-северянами; тонкие шелка Офира, проходящие сквозь небольшие золотые кольца; тонкие вина Пуантена, ценимые во всей Хайбории; невиданные украшения, привезенные из Заморы, и многое-многое другое, чего только может возжелать человек, конечно, при условии, что он сможет заплатить золотом.

Города пестрели людьми всех рас и национальностей.

По узким улочкам расхаживали вооруженные до зубов северяне в своих тяжелых доспехах. Эти изгои, ушедшие или изгнанные из своих кланов, были готовы продать свои мечи и секиры любому, кто больше заплатит. Изящные желтоволосые аквилонцы и немедийцы, чье искусство фехтования считалось одним из лучших на континенте. Жилистые туранцы и иранистанцы, более всего походящие на степных волков. Сабли этих кочевников разили без промаха, а удары были точны и смертельны. Плутоватые шемиты, по большей части, — воры или купцы. Или же содержатели караван-сараев, где совершались любые сделки. Были тут и многие другие люди, промышляющие делами темными и нечистыми. Всех их объединяло одно качество — беспринципность. Их не волновала моральная сторона дела, зато все они были непревзойденными воинами. Ибо только такие могли выжить в подобных условиях. Их услуги стоили достаточно дорого, но они — стоили того.

В один из таких городков, и направил свои стопы Аммамунн-Пха, жрец второй ступени, и один из лучших магов во всей Стигии. Правда, мало кто об этом догадывался. В противном случае, его давно бы ждала страшная и мучительная смерть от яда.

Здесь жрец должен был встретиться с известным купцом по имени Йасаб. На деле, Йасаб занимался контрабандой черного лотоса, а также драгоценностей, которые он переправлял в Замору. Или же, наоборот, покупал их там за бесценок, так как они были ворованными, а затем продавал в Шеме втридорога.

Сложившееся мнение о том, что купцы — это разжиревшие бурдюки, Йасаб опровергал по всем статьям. Он не только был хорошо развитым атлетом, с мощными плечами кузнеца, но и отменно владел ятаганом. Купец ездил только на быстрых скакунах, не признавая медленных верблюдов, и уж тем более паланкинов.

Знакомство Йасаба и Аммамунм-Пха произошло в тот день, когда купец, переправляясь через Стикс, попался на контрабанде серого лотоса, используемого в Заморе как дурманящий порошок. Жрец не стал казнить его, как должен был бы поступить, а заключил с ним сделку. Ведь таким образом он получал дополнительный приток золота, в котором столь сильно нуждался. Йасаб же, в свою очередь, переправлял теперь через реку огромное количество лотоса, не опасаясь быть пойманым.

— Пожалуй, — решил Аммамунм-Пха, — надо потребовать долю побольше.

С каждым днем, жрец Сета становился все более алчным. Близость желанной цели, ослепляла его.

Распахнув дверь, волшебник вошел в одну из таверн и, бросив толстому кабатчику золотой, произнес нужный пароль. Йасаб постоянно менял места встреч, что очень раздражало Аммамунм-Пха, хотя он понимал, что предосторожности никогда не бывают лишними.

Жирный хозяин, на удивление стремительно поднявшийся по лестнице, отвел жреца к нужной комнате. После чего приоткрыл дверь и с поклоном пропустил слугу Сета вперед. Аммамунм-Пха, привыкший к преклонению обитателей Файона, даже не посмотрел на жирного кабатчика, а тот, шагнув следом, опустил на голову жреца тяжелую дубинку.

Тьма еще не застила глаза Аммамунм-Пха, а потому он успел увидеть мелькнувшую в воздухе серебряную молнию.

— Зебах, закрой дверь, — коротко бросил Йасаб.

Кабатчик выполнил приказ, после чего насмешливо пнул голову мага.

— Я уж боялся, что он успеет применить магию, — но моя подружка сработала как всегда безотказно.

И Зебах нежно погладил чугунную палицу с залитым внутри свинцом. Он никогда не расставался с ней и бережно носил под фартуком.

Йасаб молча кивнул.

— Может, не стоило убивать его? — спросил Зебах. — Все же Файон был неплохим местом для переправки товара.

— Он стал требовать слишком много. Вот и поплатился. К тому же мест, где можно незаметно пересечь Стикс, куда больше, нежели он думал. Я отыскал одно такое, вот и результат. Кабатчик согласно кивнул.

— Теперь вот что, — продолжил купец. — Сейчас я уезжаю. А ты, как обычно, избавься от тела, а затем жди караван из Заморы. Он должен прийти через пол-луны. Драгоценности ворованные, так что продай их поаккуратнее, но не продешеви. Они стоят того, чтобы рискнуть.

— Как всегда, — кивнул Зебах.

Купец спустился вниз и вышел через черный вход. Зебах же, постояв немного, пошел в общий зал, где его еще ждала работа.

А колдун, мнящий себя властелином мира и властителем чужих судеб, остался лежать на полу, завернутый в грязную ветошь.

Зебах оглядел дымный зал и остался доволен. Громадный кушит Юма с легкостьюправлялся с порученной работой. Везде царил порядок и спокойствие. Конечно, Юма был туповатым малым, зато отличался огромной силой. Его звероподобный вид мог испугать любого. А те, кто все же начинал потасовку, очень быстро убеждались, что делать этого не стоило. Кушит с легкостью выкидывал их за дверь, не забывая при этом переломать парочку

костей и обчистить карманы. Больше всего на свете Юма любил драться, есть и пользовать женщин. Шлюхи, промышлявшие в заведение Зебаха и платившие ему за это, вынуждены были еще и обслуживать кушита. Но делать было нечего, и они подчинялись. Особенно если учесть, что Юма не раз вытаскивал их из различных переделок.

В этот момент за одним из столов как раз разгорелась перепалка, и кушит, не дожинаясь, когда она перерастет в потасовку, устремился вперед. Его громадный кулак с треском впечатался в стол, и народ разом попритих.

Один из моряков схватился было за нож, но кабатчик опередил его. Чугунная дубинка опустилась на руку, и кость с хрустом сломалась.

— Дожирайте, и выметайтесь! — рыкнул Зебах. Он грозно посмотрел на притихших матросов, которые, оценив обоих противников, решили не связываться с ними.

Огромный, черный, как ночь, кушит мог испугать кого угодно. А сам Зебах, хоть и растолстел сверх меры за последние годы, тоже не казался слабаком.

Набитые кулаки и сплющенные уши выдавали в нем кулачного бойца, коим он и был в недавнем прошлом. А короткая дубинка в его лапах казалась весьма убедительным аргументом, чтобы вмиг потерять аппетит. Быстро собравшись, компания убралась вон, поддерживая своего раненого товарища.

Оставшийся вечер прошел довольно спокойно.

Уже далеко за полночь, когда Зебах подсчитывал прибыль, в дверь заколотили, точно тараном.

— Кого там Сет принес, — проворчал кабатчик, убирая деньги под прилавок. Он неспешно подошел к входной двери, где его уже поджидал

Юма. Кушит был только в набедренной повязке, зато в его руках красовалась шипастая булава.

Это оружие, почти неизвестное в цивилизованных странах, на деле, было крайне эффективным, в чем Зебах не раз убеждался. Длинные каленые шипы с легкостью разносили в клочья дубовые двери и сминали, как пергамент, стальные латы. Чего уж говорить о головах воров, что иной раз пробирались в таверну, наживы ради. Потом этих бедняг приходилось соскребать со стен.

— Закрыто! — гаркнул он через дверь. — Тут вам не постоянный двор. Комнат нет.

Стук, однако, не прекратился. Зебах раскрыл дверь и увидел на пороге громадного варвара с заткнутой за пояс секирой.

— Закрыто, — рявкнул он вновь, но тому было абсолютно наплевать. Желтоволосый и желтобородый гигант с легкостью отодвинул тяжеленного трактирщика в сторону и вошел внутрь. Следом за ним в трактире шагнул стигиец.

По его богатой одежде и золоченым доспехам Зебах наметанным глазом определил, что это некая высокопоставленная особа из Кеми. Гнать такого прочь было опасно, а потому кабатчик, поклонившись, насколько позволял живот, произнес:

— Добро пожаловать, господин.

Угодливая улыбка далась с некоторым усилием. Сразу же вспомнился убитый жрец, что так и остался лежать наверху.

Рамон, как и обычно, был доволен. Он уже давно привык, что его принимали за аристократа. Что было неудивительно, при его внешности. Рамон был высок и хорош собой. Золотистая кожа, более светлая, нежели у остальных стигийцев, говорила о знатном происхождении. Тонкий с горбинкой нос удачно сочетался с благородным овалом лица и

изящно завитой бородкой.

Дополняли картину обилие щелков и золота. Огромное количество украшений красовались на шее, в ушах и на холеных пальцах стигийца.

Довершал же весь этот внешний лоск взгляд Рамона. Темный, завораживающий, повелительный.

На самом деле, от рождения Рамон был плебеем. А оттого ему льстило угодливое внимание других. Сирота от рождения, он не знал своей семьи, да и не стремился к этому. Еще в младенчестве попав к жрецам Сета, Рамон приобрел пренебрежительное отношение к кровным узам.

Жизнь в храме тяжела, а потому, пройдя первую ступень обучения, что включала в себя начальные азы магии, умение читать и считать, а также знание языков, он понял, что люди созданы для того, чтобы повелевать ими.

Тогда же сметливый юноша понял, что не хочет тратить свою жизнь на служение Сету. Правда, понял он и то, что выжить в мире, где все ненавидят Стигию будет нелегко. А потому его выбор пал на sectu воинов-жрецов, которых, кроме всего прочего, обучали владению оружием, а также тактике и стратегии воинского искусства.

Юноша так сильно увлекся этими науками, что довольно быстро обратил на себя внимание строгих учителей. Те пророчили ему славу и известность, но Рамон посмеивался над ними тайком. Он не собирался служить Сету, а уж тем более — гибнуть за него. Воины-жрецы были известны тем, что вели за собой войска и зачастую гибли на полях сражений. Выполняли они и иные секретные миссии; правда, и на них Рамону было наплевать. Он жаждал жить ради самого себя. Что и воплотил в жизнь, как только подвернулся удачный случай.

Молодые офицеры должны были сдать некое подобие экзамена, отправившись в Дарфар за рыбами.

Именно там, цинично бросив на погибель свой отряд, он бежал. Смерть воинов помогла скрыть его побег, так как все посчитали, что и он попал в плен к людоедам, где и превратился в отличный ужин.

Но все было совсем по-другому. Миновав Кешан и Пунт, пятнадцатилетний юноша попал в Иранистан. Быстро поняв, что люди, подавленные его силой воли и блеском учености, охотно подчиняются ему, Рамон сколотил банду и стал разбойником.

После долгих лет аскетизма, он жаждал познать все прелести мира, И вскоре познал их.

Изучив по свиткам карты всех государств и их обычаи, Рамон теперь странствовал по миру, оставляя за собой целый шлейф убийств, краж и измен.

Стоило только появиться какой-нибудь опасности, как Рамон тут же бежал, бросая своих не очень умелых и не очень умных напарников на произвол судьбы. Участь же оных, после их страшных преступлений, была одна — смерть. А Рамон мчался дальше, свободный, как ветер. Еще в Стигии он научился ни к кому не привязываться и никому не доверять. А потому был неуязвим для властей, которые охотились за ним, но безуспешно. После него всегда оставалось море слухов, которые еще больше запутывали картину, а также очень мало свидетелей... Рамон старался не оставлять их в живых, впрочем, как и своих подельников.

Сам же стигиец, проведший столько лет среди жрецов, с легкостью бросал награбленное, если оно угрожало его жизни. Ведь именно из-за того, что золото так часто пленит людей, они не могут вовремя сбежать, думая, что все обойдется и остальные забудут об их преступлениях.

Рамон сел за стол.

— Золотого стигийского, — произнес он тоном истинного знатока и ценителя вин.

Кабатчик поклонился и бросился в подвал, где у него хранился лед. Эту редчайшую вещь доставляли откуда-то из-за Турана, из самой тундры. Лед использовался редко, но порой в его таверну забредали такие вот богатеи, так что затраты стоили того. На лед, конечно же, было наложено заклятие, чтобы он не таял, но и это того стоило. Все окупится сторицей. Ведь в платежеспособности стигийца Зебах не сомневался. Достаточно было взглянуть на его одежду...

Пока кабатчик бегал за вином, Рамон успел оглядеться. Таверна, в которую его занесла судьба, была довольно обычным заведением. Ему и самому доводилось держать такие.

Еще каких-то три месяца назад он был хозяином самого большого караван-сарай, в местечке под названием Ардан. Маленький городок расположился на одном из горных перевалов и служил перевалочным пунктом для контрабандистов, что промышляли на границе Ту рана. Эти люди, нелегально переправляющие ценные грузы, были охочи до кровавых зрелищ.

И тут-то Рамон развернулся как следует. Бывший жрец, хорошо разбирающийся в снадобьях, стал накачивать бойцов порошком пурпурного лотоса. Да так, что те переставали чувствовать боль, даже от самых страшных ран. Деньги потекли к нему рекой, но однажды правда всплыла наружу. Стигийцу пришлось бежать, но он сумел отомстить.

Бандитский городок, давно разыскиваемый властями, в одно прекрасное утро оказался окружен отборной кавалерией Турана. И привел их именно Рамон, которого за это по-царски наградили. Лучшей же наградой была казнь большей части населения Ардана, в то время как Рамон попивал вино, с улыбкой любуясь на это зрелище. Тех же, кого не повесили, заковали в цепи и под конвоем отправили в Султанапур, где их, скорее всего, приговорили к каторге.

И вот он оказался здесь. Золото, полученное от властей, уже заканчивалось, и Рамон прикидывал, чем бы ему заняться. Близкое расположение Стикса манило речным пиратством, и эта идея казалась стигийцу наиболее подходящей.

Он с интересом посмотрел на кушита и асира. Оба с вызовом разглядывали друг друга, так и норовя пустить в ход оружие. Шальная мысль пронеслась в голове южанина. А может, устроить небольшой бой? Рамон никогда не упускал денег, что плыли к нему в руки. И какая разница, сколько это будет: тысяча золотых, или только десяток.

Когда хозяин таверны принес вино, Рамон жестом пригласил его присесть.

— Я вижу, дорогой хозяин, что у тебя прекрасный охранник. Но так ли он хороши, как выглядит? Может, проверим?

Зебах, тут же поняв, о чем идет речь, кивнул.

— Почему бы и нет, благородный господин. Твой боец неплох, но я все одно ставлю на Юму. Пятьдесят золотых? — предложил кабатчик.

Стигиец поморщился. Он снял с пояса тугой кошель и бросил на стол. На вид, в нем было никак не меньше трех сотен золотых.

Зебах, глядя на богато одетого незнакомца, не мог и подумать, что кошель в основном набит медью.

Рамон же ничуть не волновался. Коли он выиграет, то правда никогда не раскроется. А коли проиграет, то все одно, успеет сбежать

— Я готов ответить, — вымолвил Зебах.

Он был уверен в победе Юмы, так как не раз видел, как тот убивает людей голыми руками. Не учел он только одного: что кушит, живущий в таверне, имел дело с пьянчугами, пускай и довольно крепкими. В то время как Торн, варвар-асир, воевал во всех уголках Хайбории, и ему противостояли хорошо обученные солдаты.

Несмотря на то, что великанам не терпелось сцепиться, они все же отодвинули столы, освободив место в центре зала.

Теперь оба стояли друг напротив друга, и появилась возможность оценить обоих.

Дикари были примерно одного роста, но северянин был не в пример тяжелее. Особенно выделялись его широкие плечи и непомерно толстые руки. Кушит был повыше и полегче, зато явно быстрее.

Впрочем, Рамона это не волновало. Он знал, что Торн куда быстрее, нежели кажется. А его медвежья медлительность — всего лишь обман.

— С оружием, или без? — спросил Зебах. Стигиец улыбнулся, обнажив ряд прямых и острых, зубов.

— Что же это за бой — без оружия?

Может, увеличим ставки? — жадность сделала кабатчика крайне неосмотрительным.

Почему бы и нет, — ответил Рамон, снимая с пальца перстень с крупным изумрудом.

Зебах улыбнулся и кивнул кушиту, чтобы тот начинал,

В тот же миг Юма взмахнул своей чудовищной булавой и обрушил ее на голову Торна. Вернее в то место, где она только что была. Асир с легкостью увернулся, а затем нанес ответный удар. Удар секирой оказался лишь отвлекающим маневром. Следом за топором, вперед вылетела его толстая нога, и кушит отлетел в угол.

Торн не спешил довершить свой триумф. Он и сам любил поиграть.

— Ну, кривоногая горилла, это все, на что ты способен? — прорычал Торн.

Кушит вскочил на ноги и бросился в бой. На этот раз на варвара посыпался целый град ударов, не все из которых он отбивал так легко как первый. Великаны кружили по залу, до тех пор, пока Юма не толкнул скамью под ноги асиру. Торн с проклятием споткнулся и растянулся на полу во весь рост. Кушит победно заорал и обрушил на поверженного врага свою булаву. Торн успел откатиться в сторону, в то время как булава застряла в полу, вонзившись в него шипами. Весело хэнкнув, варвар оттяпал кушиту кисть. Тот только и успел, что взвыть, а уже через мгновение Юма отлетел в дальний конец зала, Получив мощный пинок под зад. Торн нечеловеческим усилием выдернул булаву из пола и, взяв ее в левую руку, размахнулся.

— Ну, что обезьянка, потанцуем? — спросил он посеревшего Юму. Тот попытался скрыться в глубине дома, но варвар не позволил ему сделать этого. Тяжеленный стол, вылетевший точно из катапульты, врезался в спину убегающего негра. Тот перелетел через голову.

Торн споро подбежал к упавшему врагу и пинками заставил его встать.

— Давай, давай, сволочь. Вставай.

Наконец, сын юга оказался на ногах, и северянин начал свою пытку. Удар сыпался за

ударом, нанося кущиту страшные раны. Все его тело превратилось в кровавый кусок мяса, но Торну этого было мало. И уже через мгновение вторая кисть негра оказалась на полу...

— Ну что, нравится? — полюбопытствовал асир. — А так?

Шипастая булава опустилась на локоть и смяла его, как тонкий росток травы. То же самое случилось и с ногами.

Теперь, глядя на то, что лежало на полу, нельзя было сказать, что всего несколько минут назад это был пышущий здоровьем, крепкий человек.

Рамон довольно усмехнулся.

— Ну, вот. Мой боец оказался лучше. Пора платить.

Зебах продолжал тупо смотреть на то, что осталось от Юмы.

— Хозяин, — потряс его за плечо стигиец. Тот, наконец, очнулся.

— Да, да. Сейчас. — Зебах, до сих пор не мог поверить, что такое могло произойти именно с ним. Одновременно потерять столько денег, и надежного слугу...

— Видимо, небеса отвернулись от меня, — подумал он, отдавая стигийцу деньги. Кабатчик и предположить не мог, насколько он близок к истине. Небеса, и впрямь отвернулись от него в тот день.

Торн, наконец, оставил в покое несчастного и усился.

— Жрать давай, — рявкнул он, стукнув кулаком по столу.

Зебах опрометью кинулся обслуживать клиентов, думая о том, как бы побыстрее выставить их отсюда.

Стигиец же в этот самый момент пришел к выводу, что кабатчика стоит отправить на тот свет и как следует поживиться его золотом. А оно, судя по всему, у того водилось.

Но перед этим осторожный Рамон решил проверить, есть ли кто-нибудь еще в этом гадюшнике. Он прочел нужное заклинание и стал всматриваться вдаль. В этот момент стены для него стали прозрачными, как хрусталь, и он смог рассмотреть весь дом. В одной из комнат спала дородная женщина.

— Жена, — решил Рамон, поморщившись.

Он-то предпочитал стройных и изящных красавиц, а никак не подобных коров с широкими бедрами и полными, точно арбузы, грудями. Хотя за его богатую приключениями жизнь ему доводилось спать с разными женщинами. Были среди них и сочные деревенские девицы.

Стигиец посмотрел дальше и чуть не вскрикнул, но не от неожиданности, а от радости. Он, наконец, отыскал то, что, возможно, является началом нового приключения.

Наверху лежало обезглавленное тело мужчины, облаченного в жреческие одежды. Судя по всему, это был служитель Сета. Правда, Рамона это нисколько не тронуло, так как он не поклонялся никаким богам, а такого понятия как соплеменник он не знал. Рамону, вообще, был безразличен погибший. Просто он, как и всякий прошедший обучение в храме Сета, знал, что самое дорогое в мире — это знание. А посему стигиец решил выяснить как можно больше. Авось и пригодится.

Впрочем, Рамон чувствовал странное упоение, предвещающее новую авантюру, из тех, которые он так любил.

С тех пор как он вырвался из-под гнета жрецов, радость никогда не оставляла его. Порой стигиец даже поражался, насколько же слепы люди, не видящие главных прелестей жизни. Разве может женщина заменить радость полета, когда ты летишь на коне. Что толку от ее благовоний, если можно вдыхать полной грудью пыльный ветер степей или же

морозный воздух севера. Как можно сравнивать солнце и небо с блеском дворцов, до боли напоминающих мрачную келью. Пускай они больше и богаче, но это та же тюрьма. И чем, спрашивается, можно заменить алые потоки вина и вражеской крови? Да, ничем. Оттого-то, стигиец был счастлив. Впереди его ждало нечто необыкновенное. И он знал об этом.

Наконец появился Зебах, с полным подносом еды, который он чуть было не уронил, встретив жестокий взгляд стигийца.

— Сядь! — рявкнул Рамон, и кабатчик беспрекословно повиновался. — Ты думал, что мы ничего не узнаем об убийстве жреца?

Задавая этот вопрос, Рамон ничем не рисковал. Какая разница, кто это — «мы», если кабатчик затрясся от страха. Сейчас он не соображает даже, кто он сам, и как его зовут. А если он и задумается, кто же такой Рамон, то сознание само нарисует такую картину, что бедняга и помереть может от ужаса. Ведь недаром говорят, что никто и ничто не способно напугать человека так, как его собственные страхи.

Так, собственно говоря, и случилось. Зебах рухнул на колени и, протянув в мольбе руки, запричитал:

— Пощади, великий! Не убивай! Это не я...

— Не ты? А кто же тогда? Может быть, я? Ничего не значащими вопросами он нарочно сбивал кабатчика с толку, дабы тот сам поведал о случившемся. Ведь убитый слуга Сета в этой таверне мог пустить под откос всю жизнь кабатчика. И он это понимал.

— Ну, отвечай! — требовательно прокричал стигиец, пнув толстяка ногой. — Говори, как на духу, кто это сделал, тогда, может быть, и спасешь свою шкуру.

Зебах не преминул ухватиться за протянутую соломинку. Ведь достаточно дать человеку шанс выкрутиться, и он с радостью выложит все, что знает, топя остальных. Лишь бы выплыть самому...

Кабатчик рассказал все. Про Йасаба, который попался на контрабанде, про жреца, что решил свергнуть Тот Амона, да еще массу былей и небылиц...

Рассказ об Аммамун-Пха заинтересовал Рамона более всего.

— Так он плыл сюда, чтобы встретиться с этим купцом?

— Да господин. С Йасабом.

— Ну, а зачем?

— Понятия не имею, господин. Они никогда не обсуждали при мне своих дел.

Стигиец расхохотался.

— Ты ври, да не завирайся. Где это в нашем мире есть такая таверна, в которой хозяин не ведает, что происходит у него под носом.

Зебах понял, что нарвался на человека знающего. Даже Йасаб не догадывался о подслушивающих оконцах, через которые хозяин узнавал обо всем, что творилось у него в доме.

— Прости господин. Все выложу...

И он стал подробно рассказывать о заговоре.

— Выходит, Аммамун-Пха, должен был вот-вот разбогатеть. А Йасаб — набрать для него дружину. Интересное дельце...

Кабатчик кивал так, что у него чуть голова не отвалилась.

— Ладно, — произнес, наконец, Рамон. — Ты был честен, а потому я, пожалуй, оставлю тебе жизнь. И даже более того: награжу Ты помог раскрыть заговор против властительного Тот Амона. Держи!

Он бросил кабатчику свой кошель, наполненный медью. Бросок был чересчур силен, так что Зебаху пришлось повернуться к стигийцу спиной, дабы поймать кошель. Лишь в тот момент, когда тонкий хауранский кинжал вошел в его шею, перерубая спинной мозг, Зебах понял, для чего это было сделано. Он сдавленно захрипел, после чего рухнул на пол.

— Вот и все, — скромно отозвался стигиец. — А теперь пора перейти к делу. Или нет? Может, поразвлечься? Торн, в одной из комнат, спит жена этого ублюдка. Тащи ее сюда.

Асир ослабился. Вот уже пять зим он служил у Рамона и был крайне доволен этим. С тех пор как их пути пересеклись, Торну не приходилось более голодать, или мерзнуть, как раньше. Теперь у него всегда были под рукой деньги, враги и женщины. А что еще нужно человеку в этом мире?

Варвар опрометью бросился вглубь здания, и вскоре стигиец услышал истошные женские крики.

Рамон не успел допить бокал с вином, а жена кабатчика уже оказалась перед ним. Из носа текла кровь, а ночная рубаха была порвана. Взору Рамона предстало загорелое тело крепкой женщины. Сам он, правда, возбуждения не ощутил, зато Торн готов был наброситься на нее прямо здесь. Впрочем, именно это ему и предстояло. Как и всякий стигиец, Рамон любил извращенные удовольствия, которые на его родине назывались утонченными...

Женщина увидела тело своего мужа и неистово закричала.

«Удовольствие началось», — подумал стигиец, устраиваясь поудобнее.

Он с наслаждением наблюдал, как Торн стянул с себя рубаху. Широченные плечи кузнеца переходили чудовищный торс. На груди под кожей перекатывались огромные валуны мышц. А руки более всего походили на молодые деревца.

Асир схватил кричащую женщину. Она извивалась, но варвар грубо впечатал ее лицом в стол. Ничуть не стесняясь своего хозяина, он развязал тесьму и спустил с себя штаны. Несчастная продолжала неистово орать, но довольно скоро ее крики перешли во всхлипывания. Конечно же, она была крепкой женщиной, которой довелось повидать в жизни многое, так что обычным изнасилованием ее было не удивить... но вид мертвого мужа, что лежал посреди зала, быстро сломил ее. Или нет?

Рамон пригляделся получше. То ли ему показалось, то ли...

Она и вправду улыбнулась.

— Сошла с ума, — решил стигиец. но затем он переменил свое мнение. Видимо, она ненавидела мужа, а первая реакция легко объяснялась шоком.

Рамон хмыкнул. Как, оказывается, бывает в жизни... Только что она кричала, а теперь постанивает от удовольствия, закусив губу. Впрочем,

Рамон не сомневался, что убитый кушит не раз грел постель дородной хозяйке. А чем он хуже Торна? Сама же баба довольно быстро смекнула, что быть хозяйкой таверны куда лучше, нежели просто женой хозяина...

Данное открытие так позабавило Рамона, что он решил не убивать женщину. Пускай порезвится... Изнасилование перешло в неудержное соитие, и стигиец, потерявший желание смотреть на них, отправился наверх. Он надеялся отыскать что-нибудь интересное в карманах балахона жреца.

Кроме парочки амулетов, там оказался свиток. Рамон развернул пергамент и увидел начертанные на нем линии. Это была карта.

Искатель приключений мгновенно узнал очертания проклятого острова, который ненавидели все стигийцы. Остров Сиптаха.

Тонкие губы Рамона расползлись в змеиной улыбке. Он уже знал, куда направит свои стопы теперь.

Спустившись вниз, стигиец усмехнулся. Зал таверны более всего походил на коровник, куда привели быка. Женщина уже не лежала на столе, уткнувшись лицом в доски, а успела оседлать Торна, неистово раскачиваясь на нем.

Варвар хрюпел как боров, а его руки при этом безжалостно мяли ее тело.

— Таков уж мир, — театрально произнес стигиец. — Нет верности и чести...

Его реплика осталась неуслышанной за натужным похрюкиванием, но это нисколько не взволновало стигийца. Он пару раз пнул асира, а когда глаза варвара, наконец, сфокусировались на нем, Рамон произнес:

— Жду тебя на причале. Ищи жреческий корабль.

Торн что-то замычал, а потом снова вцепился в пышнотелую бабу.

— Как свиньи, — подумал Рамон и неспешно вышел.

Когда Торн в изнеможении расслабился, было уже утро. Его сладко ломало, а сверху чувствовалась приятная тяжесть женского тела.

— Не уходи, — простонала она, но насытившийся варвар уже выкинул из головы эту гостеприимную хозяюшку. Он раздумывал о том, что же ему делать дальше. То ли убить ее, то ли оставить в живых... Хозяин ушел, не оставив никаких инструкций, а Торн помнил, что тот не любит свидетелей. С другой стороны, не убивать же ее!.. Использовать — да. Бабы для того и созданы. Но воевать с ними — дело позорное, такое не достойно сына Имира. Торн вздохнул и поднялся. Женщина попыталась уцепиться за его руку, но у нее не хватило сил. Оно и понятно — воин, а не ожиревший муж...

В отличие от Рамона, ее поведение ничуть не удивило северянина. Просто он знал обратную сторону жизни и догадывался, что она была невольницей своего мужа. На севере такое было — в чести. Бабы всегда выходили за богатых мужиков, в ком и от мужиков-то ничего не осталось. Но делать нечего. Ведь полно братьев и сестренок, которых кормить надо... Тут все ясно. Как и то, что бабы эти потом греют постели другим: муж-то ни на что не годен. А баба, она тоже человек. Хочет и поесть, и попить, и сладенького на десерт.

Натянув штаны, Торн взял свою секиру и, немного подумав, подхватил и тяжелую булаву кушита. Авось пригодится, а выбросить всегда успеет... Рубаху надевать не стал. Разгоряченное тело требовалось остудить, да не ветерком, что еле дует в этих краях, а снежным бураном. Но, увы, снег здесь не в чести... Крепкое тело асира встретил утренний зной юга. Он вздохнул и неспешно побрел к реке.

Рамон стоял возле большой стигийской галеры и о чем-то спорил с каким-то человеком, очевидно, капитаном.

Варвар прислушался.

— Я прекрасно знаю знак владыки. А вот кто ты такой, это мы выясним.

Капитан сделал жест рукой, и к нему подбежало с десяток закованных в броню воинов.

Рамон посмотрел на них с презрительной улыбкой.

— Идиоты. Неужто вы полагаете, что знак Сета может взять любая тварь, вроде вас?

Уверенный голос стигийца заставил попятиться некоторых из солдат.

— Или ты ждешь, что Аммамунм-Пха прибежит отчитываться перед такой вошью, как ты?

Голос Рамона гремел над всем пирсом.

— Быть может, это ты — владыка Файона?

Капитан и сам смущался, но отступать не желал.

— Опомнись, несчастный! — вскричал Рамон. — Ты разговариваешь с воином-жрецом.

Склонись перед моей волей, или умри!

Рамон не собирался давать ему время, дабы опомниться. С его губ сорвалось заклинание, и наглец исчез в огненном вихре.

— Владыка Сет забрал его к себе! Трепещите! Матросы и солдаты отпрянули, а Рамон продолжать вештать:

— Падите на колени. Падите, и молите о милости и снисхождении!

После этих слов все, как подкошенные, рухнули на палубу и стали шептать молитвы богу-змею.

А Рамон, довольный этим представлением, снисходительно улыбался. Он-то знал, что Сет тут ни причем. Все это — только маленькое заклятие, что он выучил еще в детстве. Тогда же Рамон узнал, что управлять людьми не сложнее, чем пасти стадо баранов. Всего-то и нужно — напустить немного таинственности, да добавить парочку фокусов.

Но пора было переходить к делу.

— Первый помощник! — рявкнул он, сурово сверкнув глазами.

Стоящий на коленях крепыш встрепенулся и неуверенно поднял глаза.

— Да, ваша святость, — тихо произнес он, боясь, что гнев слуги Сета может пасть на него.

— Властью, данной мне Владыкой Черного Круга, магистром магии мертвых и Верховным Жрецом божества нашего Сета, назначаю тебя капитаном данного судна.

Новоизбранный капитан тут же взялся за дело. Пожалуй, даже слишком рьяно.

Что прикажете, ваша святость? — осведомился он, низко поклонившись.

— Отдать швартовы. С рассветом мы должны выйти в море. Все ясно?

— Так точно.

Торн хмыкнул. Немногословная скотина... Быстро понял всю прелесть нового положения.

Варвар поднялся на борт и, растолкав матросов, пробился к Рамону.

— Все сделано, хозяин. Какие будут приказания? — когда было нужно, он умело подыгрывал стигийцу. Собственно говоря, асира нисколько не задевало то, что его принимали за слугу и телохранителя. Он и был им, но только до поры. Именно у Рамона научился он бросать людей на произвол судьбы в случае опасности. И если стигиец бросал слуг, то Торн был готов сбежать, бросив господина.

Рамон пренебрежительно махнул рукой. — Ступай, отыщи себе каюту, неподалеку от моей.

Это означало, что Торн может выкинуть любого, кто занимает ее. Чем, собственно говоря, варвар и занялся.

Рука только протянулась, чтобы постучать в дверь, а Конан, был уже на ногах. Ладонь привычно стиснула рукоять секиры, и лезвие, отклинувшись на его мысли, зло блеснуло. Рана Риорда была готова пить и пить кровь. Пить ее и днем и ночью.

— Кого там Нергал несет? — гаркнул он.

За дверью повисла недоуменная тишина. Варвар только поудобнее перехватил секиру. Он был готов абсолютно ко всему: к бунту команды, к появлению стигийских войск, пришедших мстить за разрушенный Файон. Но это оказался Мкванга. Он поднял руки над головой, приветствуя капитана на зембабвийский манер. Конан, которому доводилось странствовать в тех землях, ответил таким же жестом.

— Капитан, — зембабвиец лучезарно улыбнулся. — Мы выходим в устье Стиksа, но к нам движется стигийская галера. С нее сигналят, дабы мы остановились.

— Ну, так останавливайся, Сет тебе в печенку. Только не забудь приготовиться к абордажу. Незаметно, — добавил варвар, поняв, что его слова могут быть истолкованы слишком прямолинейно.

Улыбка негра стала еще шире и лучезарнее.

Будет исполнено, — отсалютовал он и бросился наверх. Мышцы так и играли под его эбеновой кожей. Конан даже залюбовался его сухощавой фигурой прирожденного воина.

— Эх, Рорта, нам бы всю команду, подобную ему. Мы бы тогда Стигию потрясли. Потрясли и выпотрошили, к Сетовой матери.

— Кровь! — заклекотала Небесная Секира, смотрящая в самую суть дела.

— Верно, кровь! Целая галера крови. И вся она будет твоей.

Не желая больше тратить время, Конан плеснул себе в лицо застоявшейся воды и направился на палубу. Он не стал надевать кольчугу, обойдясь только шароварами. Даже сапоги остались лежать где-то под кроватью. Правда, киммериец прихватил с собой кривой меч. Что-что, а оружие не бывает лишним, даже если с тобой волшебная секира. Конан привык полагаться только на себя, а потому и был жив до сих пор.

Выйдя на палубу, он громко гаркнул:

— Что приуныли, жабье отродье?

Правда, сказал он это так просто, ради красного словца. Команда была возбуждена и рвалась в бой.

— Джилзан, — позвал он кормчего. К нему приблизился толстый шемит.

— Да, капитан.

— Приготовься приблизиться к этой лоханке, как только мы примем гостей.

Конан имел в виду небольшой шлюп, что отделился от галеры.

— Но сперва я хочу узнать, в чем дело. Шемит кивнул. Своими толстенными руками он оперся на штурвал, но варвар знал, что Джилзан готов в любой момент развернуть парусник в нужную сторону. Он видел, как вздымаются и опадают огромные бицепсы кормчего, которые могли посрамить его собственные.

Небольшой бот пристал к их кораблю, и на палубу влез какой-то павлин, разряженный, как туранская танцовщица.

Конан брезгливо поморщился. Впрочем, то же самое сделал и юнец. Он пристально осмотрел экипаж и визгливым голосом осведомился:

— Кто капитан этого сброва. Глупец был настолько уверен в своей силе которую давал его мундир, что даже не удосужился подстраховаться, взяв с собой на борт парочку солдат.

Киммериец шагнул вперед.

— Я капитан. Что угодно столь блестательному господину и несравненному воину?

Его голос был полон ехидства, но хлыщ не заметил издевки.

— Я что, должен отчитываться перед варваром? — надменно спросил он.

— Конечно же, нет. Просто мне поскорее хотелось бы узнать волю милостивого господина, дабы тут же исполнить ее.

Пираты гнусно заржали, понимая, что еще чуть-чуть, и стигиец отправится на дно, однако тот продолжал строить из себя хозяина положения, так ничего и не поняв.

— Тебе, варвар, не положено знать всего. Сообщу лишь, что ночью был убит жрец Сета

— Аммамунн-Пха, а его галера украдена.

Конан тут же заинтересовался услышанным, но виду не подал.

— Это были не мы, — доверительно сообщил он.

— Сам вижу, червь, — отрезал хлыщ.

— Тогда мы можем продолжить свой путь?

— Продолжи, когда я разрешу. Кто вы такие, ответствуйте мне немедля.

— Мы честные труженики, господин. Зарабатываем перевозкой грузов.

— Что-то мне не верится. Уж больно бандитские у вас рожи.

— Увы, не все появляются на свет с такими утонченными чертами лица, как вы, господин.

Конан настолько вошел в роль, что старательно оттягивал неизбежную развязку. Его поражала тупость этого раздетого идиота.

— Это верно, — согласился стигиец, окинув взором команду. — Вы более похожи на стадо.

— Абсолютно верно. Куда уж нам до орлов, что подобно вам, господин, парят в поднебесье и гадят сверху.

Хлыщ опешил. Он не знал, как прореагировать на эту фразу. То ли оскорбиться, то ли нет. Ведь он и впрямь считал всех остальных свиньями, годными лишь на то, чтобы исполнять волю господ.

Зато Конана поняла команда, и многие из них заухмылялись.

Хлыща это задело, и он взвился, подобно петуху.

— Я арестовываю ваше судно до окончания разбирательства! — громогласно сообщил он и повернулся спиной к киммерийцу. Варвар сделал неуловимый жест рукой, и пираты, по его команде, разрядили свои арбалеты в сидящих в лодке солдат. Те умерли, так ничего и не успев понять.

Опешивший офицер завизжал:

— Что вы делаете? Да, как вы осмелились? Вас закуют в цепи, рабы!

Он попытался выхватить свою изящную шпагу, но киммериец, наконец-то получивший возможность выпустить накопившееся раздражение, вложил его в один-единственный удар. Женоподобное лицо стигийского офицера в тот же миг превратилось в кровавое месиво.

— На абордаж! — рявкнул варвар, и галера легко заскользила к вражескому кораблю.

Джилзан и вправду оказался великолепным шкипом. Капитан стигийской громадины даже не успел понять, что происходит, а пираты уже оказались на его палубе.

Первым в толпу змеепоклонников ворвался киммериец. Перескочив одним махом расстояние, разделяющее два судна, он как коршун обрушился на врагов.

— Кром! — дико заревел он, кося стигийских воинов, точно сорную траву.

Экипаж, видя ту брешь, что пробил их капитан в стигийской защите, устремился

следом.

Преимущество отлично обученного войска было сведено на нет, и битва разбилась на одиночные стычки. Возможно, стигийцы и смогли бы переломить ход битвы, но Рана Риорда, ярко блестающая в руках варвара, не позволила этого сделать. Не зная преград ни в виде крепких доспехов, ни в виде упругих тел, она разила всех и вся.

Конан рубил направо и налево. Рубил, ревя, как дикий медведь в ярости. Рубил... пока рубить стало некого.

Варвар, так и не утоливший жажду мести, огляделся, и когда кровавая пелена спала с его глаз, увидел, что вся палуба залита кровью и устлана телами.

— Клянусь девятыю преисподними Зандры, — прохрипел он. — Эта падаль дохнет так быстро, что даже не успеваешь как следует разогреться...

Над ухом прохрипел дух Небесной Секиры:

— Потомок Гидалы, ты подарил мне кровь более чем полусотни воинов. Это было великолепно!

Конан захохотал.

— Полно тебе, Рорта. Я же обещал, что напою тебя по самую рукоять. И это только начало. Скоро я утоплю в крови тех, кто отнял у меня праведную месть. Ты говоришь о тех, кто убил жреца Файона? — поинтересовался дух.

— Верно. Они украли карту сокровищ, что вез с собой это червь.

— Да, — согласилась Рана Риорда. — Долги должны быть оплачены. Смерть тех, кто лишил тебя мести, послужит им уроком.

— А мне — местью! — закончил за него варвар.

Затем он оглядел своих людей, и остался доволен. Пираты знали свое дело и в понуканиях не нуждались. Они уже занимались обследованием кают, добивая по пути раненых и обшаривая их карманы. Вскоре на палубе их корабля блестала приличная гора золота и серебра. Отдельно были сложены доспехи, а также оружие. Варвар одобрительно кивнул. Парни определенно знали, что следует брать.

— Мкванга, демоны тебя задери. Быстро сюда! Уже через мгновение перед ним стоял вечно улыбающийся негр.

— Сколько наших погибло?

— Чуть более трех десятков, — отрапортовал зембабвец.

— Неплохо, — произнес Конан. — Три дюжины против полутора сотен. А теперь ступай в трюм и пополни команду за счет гребцов. Да смотри, не скучись. Выбирай самых лучших.

Мкванга кивнул.

— Будет сделано, капитан. Обещаю набрать самых широкоплечих и крепких. Да и рожи у них будут самые мерзкие.

— Точно, — согласился варвар. — Остальных, не нужно. Пойдут на дно, вместе с этой лоханкой.

Конан справедливо полагал, что каждый человек должен сам бороться за свою свободу. И если эти людишки до сих пор остаются в цепях, то это только их вина. Он сам еще совсем недавно висел в кандалах, в каменном мешке Файона. А где он теперь? И где этот самый Файон? Разрушен до основания. А злобный Шапшум обгладывает косточки его обитателей.

Когда Мкванга исполнил приказание, Конан спустился вниз и парочкой ударов крест-накрест раскроил обшивку корабля. Галера стала тонуть, и варвар поспешил оттуда убраться.

Перепрыгнув на борт «Ворона», Конан велел Мкванге построить людей. Те заворожено наблюдали, как стигийский корабль погружается под воду, а оттуда доносится вой обреченных.

Однако киммериец, не обращая внимания на крики, придилично осмотрел новых членов команды. Бегающий взгляд одного из них не понравился варвару, и он тут же снес ему голову.

— Крысы нам не нужны, — пояснил он. — А теперь слушайте меня, псы. Те из вас, кто недовольны тем, что их освободили, могут отправиться назад.

Таковых не нашлось, и Конан продолжил.

— Я капитан, а значит, царь и бог. Хочу — казню, хочу — милую. Усекли?

Освобожденные дружно промолчали, и их тут же стало на одного меньше.

— Да, капитан! — заорали они, опомнившись.

— Молодцы, быстро соображаете. Мкванга, раздать им оружие. А то уж больно они смахивают на безобидных ягнят.

Раздался взрыв дружного хохота. Уж кем-кем, а ягнятами эти люди не были. Все они хотя и отличались телосложением, а также цветом кожи, были схожи в одном. Их объединял взгляд: злой, цепкий, холодный. Так смотрят волки, коими они и были, только в людском обличии.. Высокие и низкие, жилистые и бугрящиеся мышцами, эти люди были похожи друг на друга своей внутренней сутью. Ловцы удачи, воины без капли совести, они готовы были убить ради нескольких монет, не испытав при этом угрызений совести. А Конан был львом в этой волчьей стае. Его явно боялись, и так же явно ненавидели. Впрочем, его это ни капли не волновало. Киммерийцу уже доводилось усмирять мятежи, так что — чихать он хотел на их недовольство.

— Проглотят, — со злой усмешкой подумал он, отбиравая себе львиную долю награбленного.

— Мкванга! Остальное разделишь поровну между членами экипажа. С этих, — его палец указал на новеньких, — хватит пока и оружия.

Тут же началась какая-то копотня, но зембабвиец, с помощью парочки пинков и оплеух, довольно быстро усмирил рвущихся вперед. Наметанным глазом он точно поделил добычу на ровные части, так что даже киммериец не смог ни к чему придираться. Пираты похватали свое, и тут же устроили торги. Каждый норовил сбагрить подороже то, что нравилось кому-нибудь из товарищей.

— Эй! — гаркнул варвар. — А где там наш новый знакомый, который норовил отправить нас на галеры?

Двоих братьев шемитов, Никотар и Нагир, приволокли стигийского офицера.

Команда, довольная полученным кушем, радостно загадела, в предвкушении нового развлечения.

Несколько ведер воды привели в чувство юнца, и он, выпучив глаза, ошаращено вертел головой. Похоже, что удар Конана слишком сильно сказался на его мозгах, так как хлыщ, поняв, где он находится, тут же принялся верещать:

— Вы поплатитесь за это, скоты! Вас вздернут на виселице, недоноски! Да вы... — новое ведро воды оборвало эту речь, и стигиец замолчал.

— Капитан, пропустить его под килем! — заорал кто-то.

— Распять на носу, будет вместо тарана! — захотел другой.

Предложения посыпались одно за другим, и хлыщ побелел. Он и представить себе не мог, что все может так перевернуться. Еще вчера он порол гребцов, прикованных к веслам, а

сегодня эта самая чернь жаждет разорвать его в клочья.

— Опомнитесь! Вы еще можете получить прощение за свои деяния, — прокричал он, вызвав новый взрыв смеха. — Сдайтесь, и я замолвлю за вас словечко. Некоторые смогут даже остаться в живых!

Конан с удивлением рассматривал этого юнца. Он не понимал, как же можно быть настолько тупым...

Все они, ступив на эту дорожку, стали висельниками. И рано или поздно эта участь ждет любого из пиратов. А если и не позорная смерть от петли, то — честная, от сабли. А то и от ножа, во время очередной попойки в какой-нибудь из таверн. А этот предлагает им отдаваться на милость властей... Будто у них есть милость!

Конан густо захахотал. Мир, и вправду, полон идиотов. Некоторые из них становятся мудрецами, без устали штудируя звездные карты и древние книги. А другие лезут туда, где их тупость становится видна моментально. Например, в армию. Увы, но варвар за долгие годы не раз встречал подобных чванливых ослов. И, как правило, все они были офицерами.

— Ты кто такой? — рявкнул киммериец, которому уже стало тошно от вида этого молодца.

— Беапмакатеп, — горделиво произнес юнец. Варвар попытался повторить его имя, но, споткнувшись на первом же слоге, объявил:

— Теперь будешь просто — Бе.

Офицер покраснел от гнева и возмущения, но, встретив холодный взгляд голубых, как небо, глаз, счел за лучшее промолчать.

— Итак, Бе, зачем вы полезли к нам со своим досмотром?

Поняв, что от говорчивости может зависеть его жизнь, юноша ответил:

— Это была просто проверка. Формальность.

— Ночью в одном из городков был убит жрец отца нашего Сета, великий Аммамунм-Пха.

— Это не тот, который сидит в Файоне? — поинтересовался Конан.

— Он самый. Хранитель могучей восточной цитадели, — ответствовал стигиец.

Киммериец хмыкнул. Он-то знал, что осталось от этой могучей цитадели. — Ну, да ладно. Расскажи он об этом юнцу, тот все одно не поверит. Идиот! — Ну, дальше! — прикрикнул варвар, видя, что юнец снова начинает раздуваться от гордости.

Его галера была кем-то захвачена и уведена в море. Куда — неизвестно, — затараторил стигиец, видя, как брови великана сурово сошлись на переносице.

Конан знал, что Аммамунм-Пха плыл на остров Сиптаха, но знают ли об этом те, кто украл галеру? Скорее всего. Ведь у него была карта. А зачем еще убивать могущественного колдуна? Скорее всего, убийцы знали об этом, вот и подстроили ловушку.

Кровь вскипела в жилах варвара, и он ощущал привычное жжение во всем теле. Кто-то решил добраться до сокровищ раньше него. Сперва отняли месть, теперь пытаются отобрать драгоценности. Это было уже слишком.

— Джилзан! — крикнул киммериец. — Правь к морю! Потом повернешь на юг. Гребем к острову Сиптаха!

На миг над палубой повисла тишина.

— Капитан, — произнес кто-то. — Это место проклято. Там живут демоны.

Моряки, как и все суеверные люди, до колик боялись всякой нечисти. Конан и сам ее недолюбливал, но ему доводилось не раз встречаться с порождениями Мрака. И пока что ему

удавалось оставаться в живых, чего нельзя было сказать о демонах.

— Понятное дело, что живут. А как же иначе сохранить сокровища для нас? Не будь их там, любой бы дурак и трус, сумел бы поживиться.

— Но оттуда еще никто не возвращался.

— Никто туда и не плавал, — отрезал варвар. — А вас поведет сам Амра.

Страшное имя прозвучало как гром среди ясного неба, и стигиец рухнул на палубу без сознания.

Зато моряки страшно обрадовались. Все они хоть раз да слышали о страшном пирате, что плавал вместе со своей возлюбленной на галере под названием «Тигрица».

— Слава Амре! — заорал кто-то, и его крик тут же был подхвачен остальными.

— Веди нас, Амра! — воскликнул Мкванга. — Мы последуем за тобой даже в Черную Бездну!

Глава четвертая

Наслаждаясь жарким, палящим солнцем и легким бризом, что приятно обдувал нежную кожу, Рамон стоял, прислонившись к борту захваченной галеры, и смотрел в даль. По обычанию, настроение у него было приподнятым, и он с удовольствием вдыхал чистый морской воздух, что полнил его легкие.

Ритмичное поскривывание весел и мерный стук барабана, что задавал ритм гребцам, ласкал слух стигийца, отчего он становился еще более радостен. Рамон смотрел на этих копошащихся людышек и чувствовал свое превосходство над ними. Все они трудились только ради того, чтобы ему было приятнее и удобнее жить на свете.

— Так и должно быть, — подумал Рамон и направился к небольшому столику, на котором стояло вино и засахаренные фрукты. Отправив с легкой грацией в рот несколько орешков и раскусив их крепкими зубами, Рамон в очередной раз посмотрел на стройного юнгу, что пронасся мимо. За это утро он уже успел заприметить его и теперь подумывал, не развлечься ли ему с этим мальчишкой. Когда тот бежал назад, стигиец жестом велел ему остановиться и сесть рядом.

Юноша боязливо присел на краешек плетеного стула.

— Угощайся, — предложил Рамон.

Мальчик, не смея отказать жрецу, схватил засахаренную грушу и надкусил.

— Рамон, пристально оглядев его гибкое, упругое тело, окончательно уверился в том, что воздерживался слишком долго.

Прожив довольно много лет в общине, где не было женщин, он не видел ничего зазорного в сношениях с мужчинами. Впрочем, в Стигии смотрели на это спокойно.

— Выпей, — снова предложил Рамон. Ему, конечно же, нравилось, когда его жертвы оказывали некое сопротивление, но легкое опьянение не помешает. Так мальчишка станет еще привлекательнее.

Медленно, очень медленно, подбирай к нему ключики, стигиец расположил мальчика к

себе, а когда тот, уже смотрел на него влюбленными глазами, увел в свою каюту.

Там, сидя рядом с Рамоном, юнга ощущил на своем колене его сильную руку. Словно в трансе, он увидел его приближающиеся губы, которые с силой впились в его рот. Разом обмякнув и расслабившись, мальчик целиком отдался наслаждению. Казалось, губы и руки стигийца не оставили без внимания ни одну пядь его молодого тела. И когда юноша почти достиг пика удовольствия, крепкие руки Рамона перевернули его на живот, и в этот момент все его тело пронзила дикая боль. Мальчик выпал из опьяняющего забытья и попытался вырваться. Но не тут-то было. В меру мускулистое тело Рамона было на диво сильным, и он с легкостью удержал худенькое тело мальчика, а попытка закричать была тут же пресечена болезненным ударом в затылок. Юнга зарылся лицом в подушку, которая тут же стала мокрой от слез.

Когда наконец все было кончено, юнга попытался свернуться калачиком, но из его груди вырвался лишь болезненный стон. Он не мог даже пошевелиться. Рамон же, наоборот. Вскочив на ноги, он сладко потянулся и подошел к большому медному зеркалу. Посмотрев в него, он остался доволен. Его хищное гибкое тело было настоящим произведением искусства. В этот момент он чувствовал себя вечно юным богом, что снизошел к простому смертному и осчастливили его.

Одевшись в чистое, он посмотрел на стонущего мальчишку и крикнул:

— Торн, выкини отсюда эту падаль.

В данный момент плач и стоны не заводили его, а безмерно раздражали.

В дверной проем шагнула огромная фигура северянина. Торн с насмешкой осмотрел юнца, а затем, схватив его за волосы, потащил юнгу вон из каюты. Торн точно так же не брезговал молодыми пареньками, особенно когда они так похожи на девчонок. Так что когда мальчик смог доползти до своей койки, он уже был изуродован до неузнаваемости.

Весть о том, что произошло с юнгой, мгновенно облетела корабль. И все члены команды, свободные в этот момент от несения вахты, отправились в кубрик.

Юноша слышал, как они вошли, но, сгорая от стыда, обернуться не решился. Он ждал от суровых моряков понимания и сочувствия, но вместо этого чья-то рука ухватила его за волосы и с силой вжала лицом в доски...

Мальчик потерял сознание.

* * *

Рамон будто сбросил десяток лет. Все утро он упражнялся с мечом, меняя партнера за партнёром. Стигийские вояки были поражены его скоростью и отточенному фехтованию. А ведь среди них попадались бывалые вояки.

Иzmotav полдюжины солдат, Рамон облился холодной водой и уселся за столик. На этот раз он решил остаться только в шароварах, нежась под солнышком. О вчерашнем юнце, подарившем ему эту легкость, Рамон и не вспомнил. Он, вообще, не думал о тех, кого использовал в своих целях. Мужчины, женщины, боги — все они не значили для стигийца ровным счетом ничего. В данный момент мысли Рамона были заняты картой, которую он обнаружил у жреца.

Как следует изучив ее, стигиец пришел к выводу, что остров следует обогнуть с запада и войти в бухту.

— Там и должна находиться крепость колдуна, что дал имя этому острову.

Новоявленный капитан, получив подробный инструктаж, поспешил выполнить приказ жреца-колдуна, и вскоре, они увидели перед собой очертания острова.

Рамон раньше других рассмотрел скучную землю, усеянную валунами и обломками скал.

— Не впечатляет, — подумал он, и в этот момент впередсмотрящий в вороныем гнезде заметил догоняющее их судно.

— Корабль! — громко заорал он, заставив встрепенуться всех и каждого.

Сет их забери, — подумал Рамон, опасаясь, что это могут оказаться стигийские власти.

— Почему так поздно заметили? — спросил он капитана. — Повесить впередсмотрящего!

Капитан без промедления выполнил отанный приказ.

— Вы хоть понимаете, что это тайная миссия, — обрушился на него Рамон. — Потопите эту лоханку. Немедля!

* * *

Решив по давней привычке перестраховаться, что не раз спасало ему жизнь, Рамон жестом подозвал асира.

— Приготовь лодку и гребцов. Возможно, придется быстро покинуть этот гостеприимный корабль.

Торн кивнул и бросился исполнять приказания хозяина. Он уже давно уверился, что Рамон чаще всего оказывается прав. Отобрав шестерых крепких людей, варвар до отказа загрузил лодку водой и съестными припасами.

А Рамон отправился в свою каюту. В таких делах как бегство он никогда и ни на кого не мог положиться. Таково было одно из его правил. Лодка могла перевернуться, но та сумка, что Рамон собрал сам, всегда будет под рукой. В нее он положил несколько кошельей с тщательно отобранными драгоценностями, теми, что, занимают мало места, а стоят невероятно дорого. Комплект запасной одежды, ну и конечно флягу с водой, и мешочек с сухофруктами и сухарями. При желании, Рамон мог бесконечно долго не есть. Жречество приучило его к долгим постам, а этого мешочка достаточно для того, чтобы тело продолжало исправно функционировать. Проверив свой меч, стигиец бросил его на кровать, и как только он собрался засунуть один из кинжалов в сапог, дверь распахнулась.

На пороге застыл маленький звереныш, с порванной губой и переломанным носом. Рамон сперва даже не признал в нем того юношу, которого заприметил в начале плавания. Вот оказывается, что с ним сделала команда. Отныне он служил им шлюхой.

В руке паренек зажал кинжал, который нацелил на стигийца. Другой он держался за стену.

— Ты ко мне? — лилейно поинтересовался Рамон.

Мальчишка ничего не ответил, а только повел острием в сторону жреца.

— Ну, ну, мой мальчик, — спокойно произнес Рамон. — Вижу, ты решил мне отомстить. Но за что?

В его голосе прозвучало неподдельное изумление.

— Ужель ты не получил ни капли удовольствия? Быть того не может! Тогда, может быть, тебе не понравилось то, как с тобой поступили остальные? Так давай их накажем. Моей власти хватит на то, чтобы заставить этих скотов заплатить за все. Поверь мне. Хочешь увидеть, как они умрут? Ну же, мой мальчик, ответь мне. Ведь я не враг.

Рамону доставляло удовольствие смущать ребенка этими обещаниями. Он желал, чтобы юнец вновь ему доверился. Тем большее разочарование он испытает перед смертью.

— Ты так ранишь меня своим поступком, — с сожалением выговорил стигиец. — Разве я сделал тебе больно? Разве ты не пришел сюда сам? Поверь, я только отдал должное твоей божественной красоте. Ну почему ты не пришел ко мне раньше, и не пожаловался на этих скотов? Почему? Иди ко мне, я сниму твою боль.

Он широко развел руки, и мальчик, не слышавший все эти дни ни единого доброго слова, бросился к нему, заливаясь слезами и уронив на пол нож.

Перехватив ловким движением его руку, Рамон тут же вонзил свой кинжал в плечо юнге. Мальчик закричал.

— Ах! Тебе больно? — вымолвил стигиец. — Но подумай, мой мальчик, какие муки, ты заставляешь испытывать меня. Ведь я так раним, а ты кинулся на меня с ножом.

Он провернул свой клинок в ране.

— Разве я не прав, наказывая тебя? Ужели пристало такому молодому и неопытному юноше бросаться на старших?

Юнга попытался отпрянуть, но Рамон цепко его удерживал. Выдернув нож, стигиец нарочно медленно поднес его к лицу жертвы.

— Не надо! — истошно завопил тот. — Не надо!

— Надо... — вкрадчиво шептал Рамон. Послышался легкий хлопок, и глазное яблоко лопнуло.

Крик перешел в визг.

— И это только начало, — услышал мальчик злой голос жреца.

* * *

— Шевелитесь олухи. Навалитесь посильнее, — орал киммериец, расхаживая взад и вперед меж гребцов.

Конан жаждал догнать галеру Аммамун-Пха и учинить там погром, а потому не мог сидеть без дела. По счастью, ветер им сопутствовал, так что «Ворон» довольно быстро несся вперед, неуклонно сокращая расстояние.

Наконец варвар дождался.

— Капитан! — возбужденно закричал офицер по имени Гаргус. — Прямо по курсу галера. На ее парусах изображен змей, глотающий око Митры.

Ближе к вечеру расстояние между кораблями сократилось настолько, что Конан смог различить возбужденные лица стигийцев. Те явно готовились к бою.

Решив не отставать от этих недоносков, варвар заорал.

— Приготовиться к абордажу!

Пираты засуетились, а сам Конан, отправился в свою каюту, за Рана Риордой.

* * *

Торн подбежал к хозяину и отчеканил:

— Лодка готова, господин.

Но Рамон, отстранив асира, направился к борту. В его руке был зажат скипетр, который он обнаружил в каюте Аммамунм-Пха. После магического обряда, когда юноша, приняв мучительную смерть, отдал свою жизненную энергию в жезл, тот начал светится. Рамон направил скипетр в сторону приближающегося корабля и громко крикнул:

— Аво Сетх! Аво Аррам Зих лам Сетх! Ваал Даал Дамбалах!

Взметнулось яркое пламя, и чужая галера вспыхнула, как факел.

Правда, самим стигийцам это помогло не сильно. Легкий корабль, набравший к тому времени приличную скорость, протаранил стигийскую галеру, на которую тут же перекинулось колдовское пламя.

Не дожидаясь, когда корабль превратится в пылающий факел, Рамон бросился к заранее приготовленной лодке. Его предусмотрительность, как обычно, спасла положение. Уже через четверть склянки он сидел на берегу и с любопытством следил за разворачивающимся боем.

Стигиец радостно оглядел своих подчиненных и соблаговолил снизойти до разговора с ними:

— Дождемся утра. Может, кто и выплынет. Заставив матросов вытащить лодку на берег, он удобно устроился в ней на ночь. Все-таки двигаться в темноте по незнакомой местности ему не хотелось. Остров Сиптаха не получил бы такой славы, кабы на нем не было никаких опасностей.

* * *

— Ну же, Рорта, ты жаждала крови, так получай ее! — воскликнул киммериец, высказывая на палубу. И в этот миг корабль со всех сторон охватило пламя. Конан успел заметить разве что вспышку на чужом судне.

— Магия, — смекнул он, устремляясь к штурвалу. Оттолкнув в сторону Джилзана, варвар крутанул колесо и направил галеру на таран. Судно тряхнуло, и Конан, перепрыгнув через борт, оказался на вражеском корабле.

После пары десятков взмахов Небесной Секирай, киммериец понял, что биться больше не за что. Обе галеры были настолько охвачены пламенем, что спасти хоть какую-нибудь из них не представлялось возможным.

— В воду! — громогласно гаркнул варвар, и тут же подал пример остальным.

Конан плыл легко, точно выдра. Время от времени, он оглядывался в поисках своих людей или врагов. Первых он подбадривал, вторых — отправлял на дно.

Неожиданно прямо перед ним мелькнула чья-то черная рука, ухватившая за волосы какого-то стигийца. Тот вскрикнул и тут же исчез под водой.

— Демон! — пронеслось в голове у киммерийца.

Но Конан ошибся. Это был всего на целого Мкванга.

Зембабвиец не только догнал капитана, но и умудрился обогнать его.

Глава пятая

Решено было устроить ночлег, а уж утром обсудить, что к чему. Мулар, один из туранцев, добившийся среди своих людей железной дисциплины, недобро покосился на киммерийца, но, так и не решившись сказать что-либо капитану, крикнул Мкванге:

— Эй, Мкванга, отряди кого-нибудь из своих за хворостом!

— Зачем? — поинтересовался зембабвиец. — Ночь и без того теплая.

— Другой, по имени Абул, только зло сплюнул на землю.

— Дикари, одно слово. Не ведают власти великого Эрлика и пророка его Тарима. Всем известно, что тьма и ее порождения боятся чистого огня.

— А почему это должны делать мои ребята? — поинтересовался Мкванга, вокруг которого сбились несколько темнокожих южан.

— Да все же знают, что вы видите в темноте, как кошки.

Остальные согласно закивали. Никому из пиратов, более привычных к морским просторам, нежели к земле, не хотелось лезть в темные дебри.

Конан не очень-то беспокоился из-за всякой нечисти, пока с ним была Рана Риорда, но и он в душе был полностью согласен с Муларом. Многие демоны и порождения тьмы до ужаса боялись огня и серебра.

Серебра у них с собой почти не было, а вот огонь... так он — везде огонь.

В итоге, неграм пришлось отправиться на поиски древесины. Когда им удалось отыскать немного сухих веток и весело заплясали лепестки огня, люди оживились. Теперь потеря корабля не казалась им такой уж страшной трагедией. В конце концов, многие из них уже не раз оказывались выброшенными на берег, без средств к существованию. Только сильная воля, да полное отсутствие паники может спасти в таких случаях. И пираты это знали. Они улеглись спать, конечно, не забыв выставить часовых.

Конана разбудил дикий крик одного из моряков. Толстое белесое щупальце обхватило широкоплечего кофийца и старательно утаскивало его под землю. Не раздумывая ни секунды, варвар рассек отросток пополам, не задев при этом человека.

Пираты, разбуженные шумом, повскакивали со своих мест и тут же обнаружили, что щупальце было не одно. Десятки, а то и сотни их тянулись наверх, в поисках живой плоти.

— Быстрее, на камни! — заревел киммериец, рассекая клинком белесых червей, что тянулись к нему.

Долго подгонять пиратов не пришлось. Все они, — кто был еще жив — вскарабкались, как обезьяны, на высокие крупные валуны.

— Выше, выше! Живее! — орал на них Конан. Сам он, отмахнувшись от назойливых тварей, одним прыжком оказался на вершине обломка скалы.

К тому времени в живых осталось не более двух десятков матросов.

— Кром! — выругался варвар сквозь зубы. — Еще и не успели толком высадиться, а уже потеряли большую часть команды. Рорта, что это за тварь?

Дух, невидимый для остальных, материализовался возле киммерийца.

— Не знаю, потомок Гидаллы. Этих тварей так много, что я теряюсь в переплетении щупалец.

— Но ты можешь уничтожить их?

— Могу, однако за это время они успеют уничтожить всех вас. Просто утянут под землю вместе с камнями. Они повсюду, Конан. Даже на мелководье.

Пожалуй, впервые на памяти киммерийца Рорта не рвалась в бой. Оно и понятно, рубить какую-то неведомую тварь — это не людей кромсать на части. Да и кровь у этих тварей — не то что человеческая.

— Ну и что будем делать? — осведомился Конан.

Рорта промолчала.

Так, на камнях, они и встретили рассвет.

Как ни странно, но идею подал Мулар. Туранец вообще развел весьма бурную деятельность, отчего вокруг него сплотилась кучка сторонников. Конан понял, что рано или поздно ему придется убить соперника. А Мулар явно был опасным противником. Гибкий и опасный, как горный барс, он выделялся среди остальных пиратов хотя бы тем, что несколько лет отслужил в регулярных частях Турана. При этом его отличала власть, что присуще далеко не всякому человеку.

— Нам следует бежать к тем холмам, — и он указал вдали, где и впрямь виднелись какие-то горы.

— Ты что, ополоумел, Мулар? — взорвался один из моряков. — Тащиться вглубь этого проклятого острова, когда на нас напали прямо на побережье?!

Туранец хмуро посмотрел на спорщика.

— А ты уверен, что этих тварей нет в воде? Нет? То-то же. Хочешь, лезь в воду. А я предпочитаю найти для этого другое место. Подальше отсюда.

Все застыли, ожидая решения Конана. Варвар задумался. Конечно же, его манила близость моря, но Рорта говорит, что эти твари повсюду. Как ни досадно, но Конану пришлось признать правоту туранца.

— Все верно. Отсюда надо убраться подальше. И чем скорее, тем лучше.

— Мы все же попробуем, — неожиданно произнес Джилзан. Его поддержали еще несколько шемитов, которые не желали бежать неизвестно куда.

— Мы попробуем собрать плот из обломков, какие еще могут плавать в море.

— Нергал с вами! Плывите. Но я вас предупредил.

Джилзан и еще пятерка пиратов ринулись к океану в надежде доплыть до места вчерашнего боя. Они еще не знали, что Рамон успел опередить их.

Люди бросились в воду... Мгновением позже та превратилась в сущий ад! Море вспенилось и забурлило. Сотни взметнувшихся вверх щупалец оплели людей и стали рвать их в клочья. Выбраться сумел один лишь Джилзан, да и то лишь благодаря своей нечеловеческой

силе.

— А ведь тебя предупреждали, — насмешливо бросил Мулар.

Конан дал шемиту немного отдохнуть, а затем поднялся на ноги.

— Пора, — решил он, и пираты, перепрыгивая с камня на камень, помчались вперед. Кое-где им пришлось бежать по голой земле. Тут-то их и атаковали неведомые твари.

Бойцы на ходу разрубали белесые щупальца саблями и секирами, и все же совсем без потерь все равно не обошлось.

Наконец они растянулись без сил на большой груде камней. Эти валуны были последними на пути к холмам. А до тех оставалось еще не менее полукилометра.

— Затх сожри эту падаль! — пробурчал киммериец, понимая, что не все из его людей осилият последнюю часть пути. Сам-то он без труда добежит до невысоких гор. Но вот остальные...

Моряки отличались богатырским здоровьем и физической силой, но вот выносливости им не хватало. Оно и понятно, ведь жизнь этих людей по большей части проходит на палубе корабля, где не приходится много бегать — тем более на дальние расстояния, — так что некоторые из них явно обречены.

Наконец посчитав, что прошло достаточно времени, варвар поднял своих людей и погнал их вперед.

Сам он, перекинув секиру за спину, мчался как лань. В этот момент Рана Риорда ничем не могла бы ему помочь. Спасение заключалось лишь в неутомимых ногах и крепких легких.

Не добежали четверо. Первым рухнул Джилзан. Смерть, приняв обличье неутомимых щупалец, все-таки настигла толстяка. На этот раз не помогла даже его нечеловеческая сила.

Киммериец успел заметить, как перед своей гибелью шемит могучими руками вырвал из земли несколько отростков. И это — при том, что щупальца были толщиною с ногу человека.

— Вперед! — рыкнул варвар, видя, что спасение уже близко. Он первым взбежал на спасительный холм и только тогда смог перевести дух.

Не то чтобы эта маленькая побегушка утомила этого маленького героя. Нет! Просто варвару уже надоело терять людей. А ведь впереди еще долгий путь. Он должен отыскать сокровища Аммамунн-Пха, а также отомстить тем, кто украл его месть! К подобным вещам варвар относился очень серьезно. Золото золотом, как нашел, так и потерял. А вот месть — вещь важная. Кром не прощает клятвоотступничества, а Конан поклялся отомстить жрецу.

Наконец и остальные добрались до холмов. Взойдя на вершину, они не смогли сдержать изумленных криков. Дело в том, что по другую сторону холма склона не существовало. Ощущение было такое, будто кто-то отсек вторую половину скалы гигантским мечом.

— Как будем спускаться? — неслышь отовсюду недоумевающие возгласы.

— А зачем спускаться? — спросил Гаргус. — Можно идти прямо так, по холмам. И делом с концом.

— А жраты что будем? — хрипло поинтересовался Мулар. — Да и плот из чего-то придется строить.

Конан только отмахнулся от них.

— Пойдем пока так, а там видно будет.

Эти холмы вообще были странными. И не в том только дело, что их обрубил некий незримый гигантский нож. Они нигде не достигали земли. Одна вершина тянулась за другой — и так без конца и края.

— Ну, и в какую же сторону прикажете двигаться? — насмешливо осведомился турец. Он несколько осмелел, видя, что в живых осталось куда больше его сторонников, нежели друзей киммерийца.

— На запад, — ответил Конан, холодно блеснув глазами.

— А почему не на восток? Оттуда будет ближе к Кушу.

— Но там мы можем не найти древесины для плота. А на западе наши враги. И где-то там же должна быть крепость... авось, сыщем там и какую-нибудь лодку.

Конечно, киммериец не был уверен насчет крепости, но, приблизительно зная очертания острова, смело предположил, что в западной его части должна находиться удобная бухта. А в такой природной нише просто грех не поставить какое-нибудь оборонительное сооружение.

Поняв, что варвар скрывает в рукаве какой-то козырь, Мулар не стал обострять ситуацию.

— Отлично, капитан. Веди нас!

Конан услышал издевку в его тоне и уж было подумал, не снять ли голову с плеч наглеца, но на данный момент у него и так почти не осталось людей, а в бою турец один стоил троих. Такой человек просто незаменим на колдовском острове.

Усталые и голодные, пираты длинной вереницей потянулись за капитаном. А тот бодро шагал вперед, не чувствуя ни капли усталости. Скорее, наоборот. Его кровь бурлила в предвкушении решающей схватки. Попав на этот остров, Конан вновь стал самим собой. Он снова был простым бродягой, отправившимся в путь на поиски удачи. Й если бы не ответственность за людей, что брали за них, варвар прямо сейчас пустился бы бегом.

Но он должен был вывести их с острова живыми и дать им возможность вернуться в море. Для этих изгоев «Ворон» был единственным домом. Пускай небольшим, пускай уязвимым для волн, но домом. А для варвара домом был весь мир. Это же — всего лишь небольшое приключение, маленький отрезок жизни, который он позабудет уже завтра, устремившись вперед, влекомый судьбой. Сколько повидал он за эти годы — даже представить страшно. Иные за всю жизнь не испытывают и тысячной доли того, что выпало на его долю.

А сколько он еще увидит...

Конан весело усмехнулся. И, словно по волшебству, перед его глазами пронеслись вереницы дорог, что он еще пройдет. Промелькнули груды сокровищ, ждущих его в заброшенных крепостях и цитаделях, прелести многочисленных красавиц, чьи ласки он познает в ближайшем и далеком будущем.

Ближе к вечеру варвар увидел внизу пальмы.

— Будем спускаться здесь, — решил он.

— Почему? — подивился Гаргус. — Место как место. Ничем не лучше остальных. А спуск тут такой, что шею можно запросто сломать.

Зато капитана отлично понял Мкванга. Указав офицеру на пальмы, он пояснил:

— Там растут плоды. А значит, мы сможем насытиться. Во всяком случае, до тех пор, пока не подстрелим какую-нибудь дичь.

— Если только сами не станем дичью, — пробурчал Уво. Он, как и большая часть турцев, остался жив благодаря стараниям Мулара и теперь усердно смотрел в рот своему начальнику. Мулар соизволил согласиться с доводами Конана и Мкванги.

Конан решил слезть первым. Подойдя к краю, киммериец закинул секиру за спину и

стал медленно спускаться вниз. Самая большая трудность заключалась в том, чтобы, повернувшись спиной к обрыву, найти точку для опоры. Скинув вниз сапоги, варвар стал медленно ощупывать стенку холма ногами, выискивая малейшие уступы и неровности.

Конечно же, Конану не составило большого труда спуститься вниз, ведь он еще в детстве привык лазить по горным кручам своей родины. Но вот другие не обладали его силой и ловкостью. Когда варвар оказался внизу, пираты вслед за ним начали свой долгий спуск.

Ловкий офицер Гаргус повторил действия Конана почти с той же легкостью. Широкоплечим Никотару и Нагири пришлось повозиться. Оба они передвигались довольно тяжело. Но им повезло. А вот рослый иранистанец, сорвавшись, полетел вниз.

— В сторону! — заорал варвар, поняв, что помочь бедняге они уже не смогут.

Мкванга, имевший опыт лазания по пальмам, спустился вниз мгновенно, почти как обезьяна.

Рослый аквиалонец, напротив, все это время трясся от страха и сорвался в самом начале спуска.

После этого полезли туранцы, направляемые Муларом. Все они добрались до земли целыми и невредимыми.

— Ловкие, гаденыши, — восхитился киммериец. Почему-то большая часть стоящих людей всегда оказывались его врагами, и Конан вынужден был отправлять их на Серые Равнины.

Правда, дело того стоило. Убить умелого противника... что может быть лучше? И варвар убивал их. Должно быть, на том свете его ожидала целая толпа мертвцев, жаждущих поквитаться за загубленную жизнь и молодость. Отдельно в этой толпе стояли седобородые колдуны и маги. Этой мрази Конан передавил вдосталь. Как и демонов, которых они вызывали для боя с киммерийцем.

— Ладно, пошли, — решил Конан, поворачивая в сторону леса. Хоронить мертвцев не было ни времени, ни желания.

Как только они шагнули под сень деревьев, то тут же очутились в ином мире. Здесь пели птицы, и солнце уже не палило так ярко. Довольно скоро они отыскали несколько пальм с бананами и кокосами. Немного поев и утолив жажду, пираты расслабились, а вот Конан — наоборот напрягся. Он чувствовал нечто невидимое, присутствующее неподалеку.

— Эй, Рорта, здесь есть кто-нибудь? — поинтересовался киммериец у духа секиры.

Отполированный стальной серп высветил на миг чудовищ, что двигались на них целой толпой.

— О Кром! Да это же серые обезьяны Конану уже доводилось встречаться с этими существами, и он знал, насколько они опасны.

Сплошь покрытые серой шерстью, эти толстошкурые звероподобные существа были невероятно сильны. Любая из обезьян была в несколько раз сильнее человека и запросто могла разорвать его пополам.

— К бою! — заревел киммериец и поведал морякам об опасности.

Затем они с Мквангой, который не раз сталкивался с гориллами, стали наставлять пиратов, как себя вести.

Близко не подходить. Попадетесь к ним в лапы — умрете мгновенно. Двигаются обезьяны быстро, пускай вас не сбивает с толку их неповоротливый вид. И еще, старайтесь убивать сразу. Эти твари очень живучи, а вид крови лишь усиливает их бешенство.

— А может, спрятаться, капитан? Или убежать? — предложил Гаргус.

— Догонят, — убежденно заверил Конан. — А уж на деревья лезть — последняя глупость. Это их дом.

К несчастью, у них не было ни единого арбалета или лука. Правда, Конан срубил несколько тонких пальм и сделал из них некое подобие копий. Это хоть как-то могло задержать серых бестий.

— Ну, Рорта! Теперь вся надежда осталась только на нас.

Варвар понимал, что пираты с их абордажными саблями и секирами станут легкой добычей для этих чудищ. Правда, Конан крепко рассчитывал на Мквангу. Зембабвиец знал, как нужно вести себя в этой ситуации. Да и его двуручная секира, лишь немного уступающая Рана Риорде по размерам, была оружием страшным. Ее можно было смело противопоставить длинным лапам серых горилл.

Разобрав самодельные копья, моряки попрятались за стволы деревьев, но тут богообоязненный Абул начал разводить костер.

— Эрлик всегда покровительствует своим сыновьям, — буркнул он в ответ на немой вопрос киммерийца.

Словно услышав мольбу своего почитателя, огненный бог заставил костер разгореться невероятно быстро. Отбросив копье, Абул вытащил несколько горящих палок, да так и застыл посреди поляны.

Обезьяны оповестили о своем прибытии могучими ударами лап о землю. Гул разносился по лесу, отдаваясь в ушах.

Абул шагнул вперед и метнул свои палки, целясь в волосатые тела тварей.

Должно быть, Эрлика и впрямь тронула такая неистовая вера в его могущество. Густая шерсть заполыхала, и несколько горилл с диким воем заметались среди деревьев. Остальные, довольно быстро смекнув, что происходит, стали уворачиваться от летящих в них ветвей, но тут в игру вступили остальные.

Следуя совету варваров, пираты нападали сзади. Они втыкали свои импровизированные копья в спины и подколенные сгибы тварей, отчего те валялись на землю. Один из турецев, уверовав в свою непобедимость, ударил в затылок серой бестии. Копье переломилось, а обезьяна, мгновенно развернувшись, схватила человека за ноги. Послышался страшный звук раздираемой плоти и не менее страшный крик.

После этого удача отвернулась от людей. Пираты начали погибать один за другим.

Худощавый Гаргус уверенно метался между громоздких тел, разя горилл своими мечами, но вдруг, оступившись, упал навзничь. Конан видел, как обезьяна, прыгнув сверху, вцепилась ему в лицо своими чудовищными челюстями. Зубы с хрустом сомкнулись, и половина головы исчезла в необъятной пасти.

Не выдержав, варвар врубился в сжимающееся кольцо чудищ. Рана Риорда разила без промаха и пощады, но пираты все равно продолжали гибнуть. Уво, метнувшись на помощь своему командиру, оказался стиснут в стальных тисках огромных лап. Ребра затрещали, и изо рта туранца хлынула кровь.

В этот момент на киммерийца насыло сзади очередное чудище. Небесная Секира ожила в руках Конана и, метнувшись назад, толстым топорищем врубилась обезьяне в пах. Гориллу скрутила жестокая судорога, и, подвывая, она попыталась отползти. Острый шип, угодивший ей в висок, оборвал мучения твари.

Мкванга, подхватив с земли несколько кокосов, с силой метал эти снаряды в приближающихся монстров. У одного треснул череп, еще один подывал, схватившись

лапами за грудь, — от сильнейшего удара он не мог вздохнуть. Зато третий — судя по габаритам, вожак — продолжал двигаться вперед. Зембабвиец понял, что этой схватки ему не пережить. Слишком уж огромен был зверь. Маленькие злые глазки, глубоко посаженные под массивными надбровными дугами, блестели в предвкушении кровавого пиршества.

Мкванга слегка присел, держа копье в вытянутой руке. Конечно, он понимал, что оно не причинит серьезного вреда серой обезьяне, но, во всяком случае, это хотя бы поможет отсрочить гибель. Горилла неожиданно бросилась вперед, широко расставив лапы. Зембабвиец ждал до самого последнего момента, а затем отпрыгнул в сторону, с силой ударяя заостренной палкой в печень. Лесной великан взмыл и резко отпрянул назад. Толстый ствол обломился, оставляя заостренный конец в теле. Правда, и Мкванга почувствовал остroe жжение в плече. Острые когти обезьяны разворотили плоть. С превеликим трудом негр выхватил из-за пояса секиру и, держа ее в одной руке, приготовился принять смерть в бою. Но теперь и вожак лохмачей не рвался на рожон. Он выжидательно поглядывал на человека, пытаясь понять, каковы будут его дальнейшие действия. Зембабвиец чувствовал, что от потери крови у него закружилась голова, а в ногах появилась дрожь. Понимая, что ждать больше нельзя, Мкванга решился атаковать. Он вскинул секиру вверх, изображая прямой удар, а затем неожиданно даже для самого себя метнул ее в противника. Вожак никак не успел отреагировать, и сверкнувший стальной полумесяц вонзился точно в голову, рассекая череп пополам.

— Отличный бросок, клянусь Кромом! — раздалось над самым ухом. Только сейчас до зембабвийца дошло, что бой закончен.

Большая часть обезьян лежала на земле, истекая кровью. А над этой горой трупов возвышался киммериец. Сейчас он и сам походил на демона. Весь в крови, взъерошенный, а синие глаза так и горят....

На родине зембабвийца всегда говорили, о том, что у обычных людей не может быть таких глаз. Конечно, немного постранствовав, Мкванга понял, что мир населяют люди разных оттенков кожи, с различными волосами. Но до сих пор он действительно ни разу не встречал людей, подобных их капитану.

На целую голову возвышающийся над остальными, Амра был непомерно широк в плечах, а его стальные мускулы-канаты выдавали нечеловеческую силу.

Раньше зембабвиец считал, что самые крупные и сильные люди — это южане. Но теперь его вера в себя несколько пошатнулась. Достаточно было посмотреть на груду серых обезьян, что неподвижно лежали перед Амрой. Такое не под силу никому из их деревни. А там крепкий Мкванга считался отменным воином, одним из лучших!..

Он, конечно, ходил с ножом на тигров, бил копьями львов, но вот горилл — до этого самого дня — старался обходить стороной. Бывало, они нападали сами и нередко уносили детей, но в таких случаях на охоту отправлялись всей деревней. И никто и никогда не выходил на бой с этими чудовищами один на один.

Зембабвиец и не ведал, что на далеком севере живут огромные медведи. В лесах — бурые, а на севере — белые... И те и другие отличаются свирепым нравом и огромной силой.

Однако среди северных народов бытует обычай ходить на этих зверей с рогатиной. Киммерийцы и нордхеймцы до того наловчились давить медведей, дабы не испортить их роскошных шкур, что со временем этот обычай превратился в обязательное испытание для юношей — для того, чтобы они могли стать полноправными членами племени или клана.

Конан и сам прошел через такое. А однажды ему даже пришлось задушить бурого

медведя голыми руками. Задушить-то он его задушил, да только сам потом три дня отлеживался в избе волхва.

Раны, нанесенные страшными когтями, никак не хотели заживать, а поломанные ребра — срастаться...

Но все это осталось в прошлом. И сейчас не было времени предаваться воспоминаниям!

Сейчас Конан стоял на груде изуродованных трупов и пересчитывал погибших.

Более всего его раздражало, что отряд тает прямо на глазах, как облачко. Возможно, вскоре от него и вовсе ничего не останется...

Глава шестая

Рамон, проснувшись по старой, еще жреческой привычке на рассвете, сладко потянулся и отправился справлять нужду. После этого он решил проинспектировать моряков, которым прежде было велено следить за морем.

— Сколько сумели доплыть? — поинтересовался стигиец у Торна.

— Тринадцать. У нас теперь девятнадцать человек.

— Великолепно! — воскликнул колдун. — Целая маленькая армия. Этого вполне хватит, чтобы добраться до сокровищ Сиптакха.

Рамон с неудовольствием оглядел спасшихся. Выглядели они жалко. И самое главное, точно так же себя чувствовали.

«Идиоты, — подумал стигиец. — Вместо того, чтобы радоваться тому, что они остались в живых, эти мокрицы скуют по поводу гибели корабля и товарищей».

— Смотреть на вас тошно, — сообщил он команде. — Немедленно привести себя в порядок — и за работу!

Люди заметались, пытаясь поскорее выполнить приказание жреца. Все они понимали: только Рамон может Вытащить их отсюда. А как же иначе? Ведь это он — жрец Сета.

— Что будем делать, хозяин? — полюбопытствовал асир.

— Для начала надо сколотить плот. Незачем стирать в кровь ноги. Пускай наши бравые парни сплавают на место вчерашнего боя и притащат сюда все, что еще может держаться на плаву.

Вскоре работа закипела вовсю. Одни, на лодке, буксировали к берегу доски и бревна; другие — их сколачивали и вязали. Любой моряк, ходящий под парусами, умеет плотничать и шить. Неизвестно, где и когда тебя может застать беда. А так — ты всегда готов к ней. Главное — не оплошать, используя ценный материал.

— Пожалуй, в расход в первую очередь пустим солдат, — негромко обратился к Торну Рамон. — Моряки умеют намного больше, нежели просто махать мечами. А этих горе-вояк ты и один заткнешь за пояс.

Северянин согласно закивал. Он и сам не чурался грязной работы, когда заставляла нужда. Торн на своем опыте знал, что самый неприспособленный к жизни народ — это офицеришки, которые не могут даже мундира себе заштопать. А еще, как он слышал, бывали

и такие, что отдавали в заточку свои мечи. Это было в глазах асира самым чудовищным преступлением. Доверить свое оружие чужому человеку — все равно что добровольно положить голову под топор палача.

Как только миновал полдень, плот был готов к отплытию. На нем стояла маленькая мачта с небольшим треугольным парусом. Парусину они тоже выловили в воде. Небольшие ее кусочки после недолгой починки превратились во вполне приемлемый парус. Большое галерное весло Торн приспособил под штурвал. На севере до сих пор нередко использовалось именно это приспособление.

— Вперед! — воскликнул Рамон. — Нас ждут великие дела.

Он уселся прямо в центре плота на крупный сундук, что удалось выловить одному из матросов.

Остальные были вынуждены толкать плот шестами. Только Торн с удовольствием встал у руля. Уже много лет он не ходил под парусами и теперь почувствовал сладостное напряжение в теле, когда плот, послушный его воле, мчался навстречу волнам. Он, как и Рамон, был в этот момент счастлив. Но только первый восхищался своим превосходством над другими, а второй наслаждался происходящим. По личному мнению асира, жизнь не стоит ломаного медяка, если в ней нет места для риска и подвигов.

Путешествие протекало неспешно и без особых эксцессов, пока совершенно неожиданно их плот не лишился руля. В этот момент плавучим средством правил горбоносый стигиец, который на время сменил варвара. То ли он не заметил опасности вовремя, то ли тварь плыла на слишком большой глубине — но он погиб, даже не успев вскрикнуть. Вода вспенилась, и над ней мелькнула гигантская голова рептилии. Моряки опешили от неожиданности, а уже спустя мгновение плот накренился на правый борт, лишившись части поверхности.

— Встаньте по краям плота, идиоты! — заорал Рамон.

Стигийцам не хотелось подчиняться такому приказу, но они тем не менее рассредоточились по краям. Каждый пристально всматривался в воду, надеясь, что чудовищная участь минует именно его.

Когда голова появилась снова, воины были уже готовы. Но их легкие мечи не могли причинить вреда этому чудовищу. Только Торн, метнув булаву (отобранную у кушита), умудрился попасть в бездонный зрачок монстра. Гибкий кожаный ремень, пристегнутый к запястью, вернул оружие в руку хозяина, а вот рептилия лишилась глаза. Ее голова исчезла под водой.

— Ну, все! Теперь перевернет нас, — порадовал остальных асир. Похоже, что эта участь нисколько не тревожила.

— Как ты думаешь, — поинтересовался Рамон, — может эта тварь чувствовать кровь? Ну, наподобие акул.

— Вполне. Во всяком случае, в воде она уж точно нас переловит.

— Ага! Значит, она улавливает движения! — обрадованно воскликнул стигиец. — Чем больше барабаешься, тем быстрее поймает.

Никто и понять-то не успел, к чему клонит жрец, а Рамон уже выхватил меч и вспорол живот ближайшего солдата.

— Хм! Пожалуй, это не займет нашего друга надолго.

И он стукнул в воду еще одного стигийца, перерубив ему перед этим ногу.

— Счастливо оставаться! — с улыбкой крикнул он обреченным. — Увы, но составить

вам компанию не могу. Слишком тороплюсь...

Плот плавно заскользил вперед, а бедняги остались умирать. Смерть не заставила себя долго ждать. Сперва стигийцы исчезли под водой, а затем в небо ударили кровавый фонтан.

— Бедняги, — сочувственно вымолвил Рамон. — Хотя... почему бедняги? — еще громче воскликнул он. — Это настоящие герои! Ради спасения своих товарищих они бросились в воду, дабы отвлечь эту тварь. Так не позволим пропасть их геройству втуне! Мы спасемся! И сделаем это ради них. Ради их подвига!

Стигиец еще долго продолжал лицедействовать, вещая о преданности и верности, а также о чести и самопожертвовании.

Наконец, увидев несколько тоненьких деревьев, он скомандовал сделать остановку.

— Надо же, и тут растут деревья, — с восхищением заметил Рамон, окидывая взглядом скалистый берег. — До чего же совершенна мать-природа! Она разбрасывает семена жизни повсюду, но вверх пробиваются лишь самые сильные. Самые живучие. Вот и мы должны выживать вместо того, чтобы просто жить. Ну почему, спрашивается, человеку всегда мало того, что у него уже есть? Да, потому...

Тут Рамон заметил, что его уже никто не слушает.

— Ну вот. Ни капли благодарности за то, что я спас их никчемные жизни. О люди, ничтожество — вам имя!

Сойдя на берег, стигиец отправился к ближайшему холму, дабы немного развеяться. Тут-то он и узрел ту странность, которой отличались местные горы.

Рамон присвистнул.

— Вот это да! Видать, Сиптах, этот старый недоумок, и впрямь был магом! Ну-ну! Поглядим, что он припрятал в своих подвалах.

Торн, подошедший на зов хозяина, поинтересовался:

— Хозяин, а кто-нибудь из нынешних магов, на такое способен?

— Не думаю! Да и Сет с ними. Нынешние маги нас и не очень-то интересуют. Куда важнее то, что нам подготовил Сиптах.

— Хозяин, смотрите! — закричал асир, указывая на море.

Рамон обернулся и увидел, как моряки, оттолкнув плот, отчаливают от берега.

Брошенные на произвол судьбы, солдаты побежали к берегу, а некоторые даже бросились в воду. Но напрасно они молили и проклинали товарищих. Те были верны только узам морского братства, а потому спокойно оставили воинов на произвол судьбы.

— Что будем делать, хозяин? — спросил Торн.

— Пусть их, — отмахнулся стигиец, продолжая рассматривать пропасть. — Такой хлипкий плот нам уже вряд ли понадобится. Да и сдается мне, что наш подводный друг не так уж далек.

Рамон точно в воду смотрел. Рептилии, очевидно, так понравилось человеческое мясо, что она продолжила преследование, даже несмотря на потерю глаза.

На этот раз появилась не только голова. Мелькнула гигантская спина, и хрупкий плотик распался на части. Люди, оказавшиеся в воде, попытались спастись, но куда им тянуться в скорости с морским жителем! Мелькавшая время от времени пасть ловила людей, и, перекусывая, проглатывала.

Одному все-таки удалось достичь берега, но тут его встретили те, кого он с товарищами оставил медленно умирать на чужой земле.

Теперь, точно так же не обращая внимания на его мольбы и проклятия, солдаты

поймали моряка и загнали назад в море. Огромная рептилия, почти полностью выбравшаяся на берег, поймала моряка и, ловко подбросив вверх, заглотила целиком.

— Торн! — неожиданно взволнованно закричал Рамон. — Быстро сруби дерево и вкопай его здесь. А ты, — он указал на одного из стигийцев, — принеси сюда канаты. Они вон за тем камнем.

Не поняв, для чего все это надо, люди тем не менее бросились исполнять приказ. Торн, согнав при помощи пинков себе на помощь полдюжины людей, принялся валить крепкий ствол лиственницы.

Тroe солдат сообразили, что они натворили, только тогда, когда чудовищный ящер целиком выбрался на сушу.

Они бросились врассыпную, но голова на непомерно длинной шее оказалась проворнее.

Одного из воинов накрыла тень, а уже в следующую секунду на земле остались стоять только сапоги да обрубки ног, гладко срезанные аккурат под коленями.

Другой от страха бросился в противоположную сторону, и Рамон глумливо рассмеялся:

— Молодец! Беги, беги... Это даст нам время спастись.

Действие, разворачивающееся на берегу, откровенно забавляло стигийца. Нисколько не волнуясь, он наблюдал за ящером, который бросился в погоню за беглецом.

В это время столб, наконец, оказался на холме, и моряки стали вкапывать его.

Когда рептилия настигла беднягу и сожрала его, Рамон понял, что пора уносить ноги.

— Готово? — раздраженно спросил он.

— Почти, — ответил Торн, привязывая веревку. Зная, что варвар лично проверил все узлы, Рамон безбоязненно начал спуск.

В это время ящер, медленно, но верно начал взбираться на холм. Следом вниз скользнул асир. А уж только после этого начали свой спуск солдаты второго морского легиона.

«Интересно, — думал в этот момент Рамон, — успеет ли хотя бы третий из той троицы добраться сюда?»

Словно отвечая на его мысли, воин появился возле обрыва и, схватившись за канат, прыгнул вниз. Лишь мгновением позже наверху показалась голова ящера. Не желая упускать столь желанную добычу, рептилия устремилась следом.

— Назад! — дурным голосом закричал Рамон, понимая, что сейчас произойдет. Он метнулся в сторону, а следом за ним побежали и остальные.

Рептилия, привыкшая обитать в воде, плохо держала на суще равновесие. Она перенесла большую часть веса вперед и с жутким ревом полетела вниз.

Солдат, чудом миновавший смерти от зубов наверху, был, однако, расплещен внизу тяжеленной тушей. От грохота падения морского левиафана заложило уши. А земля содрогнулась так, что люди попадали наземь. Поднявшись, Рамон недовольно осмотрел свой запылившийся наряд.

— Ах ты, ублюдок! — закипел он, метнувшись к беспомощной рептилии.

Своим собственным весом ящер раздробил большую часть костей.

— Ну что, поохотился? — весело поинтересовался стигиец. — То-то же. И так будет с каждым, кто встанет на моем пути. Рептилия застонала.

— Больно? Ну, надо же! А как больно было мне терять своих верных товарищей!

Огромный глаз, размером с голову Рамона, печально смотрел на издавающегося человека. Ящер издал печальный стон, будто прося обрвать его мучения.

— Помочь? Вот еще! Мучайся, тварь. А скоро появятся местные обитатели и славно

попирут твоим мясом. Да и мы не откажемся от такого лакомого кусочка. Торн! Тащи сюда этих идиотов, пускай пополнят запас продовольствия.

Как солдатам ни противно было это делать, они были вынуждены вырезать кусок за куском из еще живого тела.

— Эй, там! Выбирайте места посочнее и помягче, — подбодрил их стигиец. — Ему они уже вряд ли понадобятся.

Отойдя на приличное расстояние, Рамон и Торн пустились в рассуждения о дальнейшем пути. Они как следует изучили карту и выбрали нужное направление.

— Хозяин, — сказал асир, — я только опасаюсь тех тварей, что могут здесь обитать.

— А ты не опасайся. Думаю, что запах крови приманит сюда самых страшных из них. Эдакой туши хватит на добрую седмицу всем местным монстрам.

— Если только они не предпочитают еще теплую кровь. Ну, в таком случае угостим их парочкой солдат. Главное — добраться до замка.

— Угу!

В это время стигийцы, закончив свою грязную работу, упаковали свежее мясо в мешки, предварительно обернув их большими лопухами.

— Готово?! — восхищенно воскликнул Рамон. — Молодцы! Тогда вперед, к богатству и славе!

К колдуны-недоучке снова вернулось прекрасное настроение.

— Стигия не забудет своих преданных детей. Мы вернемся в почете и славе. И все будут вторить наши имена, как молитву.

Рамон уже и сам не помнил, о чем говорил команде, когда захватывал их корабль. Вроде бы, о неком тайном задании самого Тот-Амона. А может быть, и нет.

«Какая разница, — решил он. — Все одно, они сдохнут. Я лично позабочусь об этом».

Так, думая про себя одно, он произносил вслух совершенно другое. И такова была власть его звучного голоса, что солдаты с благоговением внимали ему.

«Тупицы», — решил Торн, наперед знающий, о чем сейчас пойдет речь. Сперва Рамон поднимет их патриотический дух, затем заговорит о выгоде, а потом — о женщинах.

Асир уже не раз слышал всю эту чушь, которая всегда заканчивалась одним и тем же.

Смертью для других, и богатством и развлечениями — для них самих. Торн не мог себе даже представить, что их может ждать неудача.

А даже если и ждала! Он, в отличие от Рамона, не боялся смерти. Позор — иное дело. Если он опозорится, то его не пустят в залы предков, где все асиры пируют за столом Имира. Вот позора Торн боялся. Но его легко избежать. Для этого надо всего лишь смело посмотреть в глаза смерти, когда она придет. А может, даже плюнуть в ее сторону — пускай захлебнется!

* * *

Когда люди углубились в лес, из укрытия вышел Охотник. Двигался он быстро и бесшумно, не издавая ни единого звука. Однако морской левиафан каким-то образом учил его. Ящер попытался приподнять голову, но это ему не удалось. Тогда он снова застонал. Странно, но в голосе этого гиганта можно было расслышать чуждые для него нотки. Нотки

страха.

Охотник застыл неподалеку и внимательно осмотрел рептилию. Будь она здорова, он не преминул бы убить ее. Но эта...

Нет!

Охотник убивал только самых сильных. Такова уж была его природа. Само преследование жертв, их постепенное запугивание — вот что доставляло ему удовольствие. Ну, и конечно же, трепещущая плоть, которую он пожирал, запивая теплой кровью. Охотник не ел падали, не ел мертвого мяса. Он добывал себе пропитание сам. Немного постояв, Охотник бросился в погоню.

Медленно и верно стигийцы углублялись в лес, следя за высоким асиrom. Торн уверенно вел за собой жалкую и дрожащую кучку людей. Ему было смешно смотреть на этих трясущихся червей. Боятся собственной тени! Даже Рамон — и тот шел в центре колонны, окруженный со всех сторон живым щитом. Варвар только усмехнулся и ускорил шаг.

Рамон с наслаждением впитывал впечатления от этого странного леса. Ряд за рядом высились деревья различных пород, будто кто-то их так высадил, а затем бережно растил и культивировал. Извращенный разум стигийца хватался за все необычное, что попадалось на его пути. А затем... Забывал.

Рамон не любил постоянства и рутины. И именно потому все те, кого он использовал, обещая им богатство и славу, в конце концов погибали. Эти люди просто не понимали, что их судьба ни капли не волнует стигийца.

Его работа, во многом топорная, была рассчитана на получение сиюминутной выгоды. А после он бежал прочь, с головой окунаясь в пучину новых приключений. Его же сообщники и подельщики оставались на месте, цепляясь за богатства, которые они заполучили ценой убийств и грабежей.

Но с уходом Рамона пропадал и тот ореол таинственности, что он привносил в свои действия. И тогда все становилось на свои места. Бандиты оказывались заурядными бандитами, убийцы — просто убийцами, и все они в итоге получали по заслугам.

Лишь изредка бывший жрец испытывал животный страх. Это случалось тогда, когда он видел себя в заточении. Долгие годы, проведенные в жреческой крипте, отложили свой отпечаток на этого человека. Более всего на свете Рамон боялся вновь оказаться запертым в четырех стенах. Там, где уже не будет простора и свободы.

Порой стигийцу снилась маленькая келья, в которой он был обречен провести вечность. После таких ночей Рамон терял над собой контроль. Вопреки собственным запретам, он напивался до беспамятства, менял девок и сорил деньгами. Но потом все возвращалось на круги своя, и стигиец бежал. Бежал, куда глядят глаза. Бежал, просто ради самого движения. Так он и метался — от Кезанкийских гор до Западного океана; от Вендии до Киммерии.

Где-то глубоко внутри себя бывший жрец подспудно знал, что эти сны — пророческие. И это, как ничто другое, заставляло бесстрашного стигийца дрожать от ужаса.

Проходя мимо очередной полосы деревьев, Рамон заметил наконец, что это тропические пальмы.

— Эй, ты! — ткнул он в ближайшего воина. — Ну-ка лезь наверх и нарви плодов.

Тому не оставалось ничего иного, кроме как выполнить приказание. Вдоволь наевшись бананов и жареного мяса, отряд собрался уже было выступить, как вдруг люди поняли, что их стало на одного меньше.

— Куда запропастился этот, недоносок? — рявкнул Рамон.

— Он отошел в кусты, — услужливо подсказал кто-то из стигийцев.

— Торн, тащи его сюда, хоть за шиворот. Нашел время страдать от медвежьей болезни!

Асир затопал к кустам, но, заглянув за них, так и подпрыгнул, выхватывая из-за спины секиру. Рамон бросился вперед. Отодвинув ветки, стигиец присвистнул. В кустах лежала только половина тела со спущенными штанами. И более ничего.

— Перекусили пополам, — произнес варвар.

С чего ты решил? — поинтересовался Рамон. Стигиец оставался спокойным, точно монолит. Некое напряжение выдавала лишь рука, положенная на рукоять меча. Да и то он сделал это скорее по привычке. Рамон был уверен в своей звезде, а потому знал, что пока рядом с ним еще остаются люди, погибать будут именно они, но никак не он сам.

— Нет крови. Только та, что натекла тут. Если бы вторую часть уволокли прочь, мы бы заметили след.

Колдун хмыкнул:

— Чисто сработано! Видимо, местные зверюшки не так уж безобидны. Надо поскорее убираться отсюда.

Перестраховавшись по обыкновению, стигиец шел в середине отряда. Признаться честно, этот остров начал завораживать Рамона. Его восхищало разнообразие водившихся здесь существ. Единственное, что утомляло, — это та назойливость, с которой их пытались убить. Но и в этом имелась своя изюминка. Правда, только до поры...

Через несколько миль они наткнулись на верхнюю половину тела погибшего.

— Да эта тварь просто играет с нами! — вскипал Торн.

— Зато как! — восхитился Рамон. — Ведь чтобы положить сюда тело, ему надо было разглядеть, где именно мы пойдем.

Понимая, что в этот момент существо наблюдает за ними, Рамон рассмеялся. Он знал, что собаки, идя по следу, всегда чувствуют страх своей жертвы. А если так, то следует в первую очередь озадачить эту тварь. Ведь первыми убивают тех, кто не нужен или не интересен.

Вот он и заинтересует Охотника. А затем сам станет охотником.

Быстрым ударом меча жрец отсек у погибшего голову и поднял ее, держа перед собой за волосы на вытянутых руках.

— Торн, а ведь он даже не заметил, как умер. Посмотри в его глаза.

Асир всмотрелся в остекленевшие очи и понял, что те не выражают ровным счетом ничего.

— Этот кто-то подкрадывается очень тихо, — заметил варвар.

— Либо слишком стремительно. Вот и подумай об этом.

Сказав это, Рамон подбросил голову вверх и сильным ударом ноги отправил ее кусты.

— Лови! — крикнул он неведомому врагу.

По своему опыту колдун знал, что и люди, и звери, сталкиваясь с непонятным, впадают в оцепенение. Вот и посмотрим, как отреагирует на это противник.

Стигиец смело пошел вперед, но по пути незаметно вернулся в середину отряда. Что ни говори, но рисковать понапрасну Рамон не собирался.

Охотник, наблюдавший за ними, действительно заинтересовался. Обладая некоторым зачатком мозга, он смог осознать то обстоятельство, что один из двуногих ни капли его не боялся. Мало того, он бросил вызов Охотнику, швырнув в него голову своего собрата. А это означало, что он видит Охотника. Хотя до сих пор такое удавалось лишь немногим.

На время Охотник решил оставить их в покое. Пускай понервничают...

Миновав лес, маленький отряд вышел на простор, и взору людей предстала степь.

Вдохнув горьковатый запах степных трав и пыли, Рамон улыбнулся. Этот запах напомнил ему бескрайние гирканские равнины. Перед глазами пронеслись видения горящих юрт, умирающих мужчин и насилиемых женщин.

Тогда, лет десять назад, он набрел на небольшую банду отщепенцев. Довольно быстро стигийцу удалось сколотить из них хорошо обученный отряд. И очень скоро, прослышиав о них, ублюдки всех мастей стали стекаться в банду. Они грабили караваны, угнали скот и разоряли небольшие поселения.

Наконец, банда настолько надоела местным племенам, что отрядили тысячу воинов-кочевников на ее поимку. Разбойников перебили, а стоны тех, кто остался в живых, разносились над степями еще не одну неделю. Правда, всего этого Рамон уже не узнал. Он покинул становище незадолго до боя, бросив своих приятелей-бандитов на произвол судьбы. Специальные посты сообщили ему о приближающихся войсках, но Рамон, справедливо рассудив, что бежать одному намного легче, устроил для прочих большой пир, дабы его не хватились до утра. А с восходом солнца лагерь бандитов был окружен.

Переплыv море Вилайет, стигиец пустился во все тяжкие в Аграпуре. А прокутив большую часть из того, что он прихватил с собой, Рамон соблазнил одну стареющую красотку. Через несколько дней соседи обнаружили ее с перерезанным горлом. Естественно, ни денег, ни драгоценностей в доме найдено не было. А бывший жрец меж тем мчался все дальше и дальше, повсюду оставляя за собой кровавый шлейф.

Что будем делать, хозяин? — поинтересовался Торн.

Двигаться вперед, разумеется. Но сперва следует совершить кое-какие приготовления.

Рамон вернулся в лес и, расхаживая меж тонких деревьев, время от времени указывал на некоторые из них.

— Это, это и эти три — срубить.

Не спрашивая, зачем это нужно, люди принялись за дело.

Наконец они отправились в путь, изрядно нагруженные древесиной. Путь был долгий и утомительный, но колдун продолжал гнать их вперед.

Лишь к вечеру, найдя подходящее место для стоянки, Рамон смилиостивился и разрешил разбить лагерь. Для привала он выбрал скопление нескольких дюжин белых валунов, каким-то чудом очутившихся среди степи.

— Надо построить стену, — произнес стигиец, едва люди повалились без сил на землю. — Эй! Поднимайтесь, бездельники. Еще рано спать!

Кряхтя и постанывая, солдаты встали и принялись за дело под руководством беспощадного асира.

— Веселей, веселей! — время от времени подбадривал их стигиец.

И тут Торн с силой метнул камень куда-то за плечо командира. Раздался визг. Варвар подошел и поднял с земли какую-то тварь размером с гиену. Это и в самом деле оказалась гиена, правда, с тремя рядами острых зубов.

— Не было печали, — буркнул северянин, понимая, что если таких зверей соберется достаточно много, не помогут ни его сила, ни рост.

— Может, и пронесет, — пожал плечами Рамон. Впрочем, он не надеялся на это. Но зачем сразу разочаровывать людей? Пускай надеются. Все равно им всем умирать, рано или поздно. И если что-то будет угрожать лично ему, Рамону, он уж постараится, чтобы они

умерли как можно раньше.

— Лучше наберите побольше сухой травы и веток. Нам понадобится много огня. Очень много.

Стигиец не позволял разводить костер до тех пор, пока солнце не скрылось за горизонтом. Только после этого он кивнул:

— Можете разжигать. Только небольшой. Дрова нам еще понадобятся, а сейчас зверюги вряд ли станут нападать.

Аромат мяса, поджаренного вместе с бананами, до того расслабил стигийцев, что они пропустили начало атаки. Десяток гиен, бросившись в обнесенный камнями круг, вцепились острыми зубами в людей. Те, вмиг вскочив на ноги, выхватили мечи и принялись рубить непрошеных гостей.

— Огнем! Отгоняйте их огнем! — воскликнул Рамон, выхватив из костра толстую ветвь. В несколько взмахов он образовал вокруг себя свободное пространство. Стигийцы, вторя его действиям, быстро отбили атаку. Один из них разошелся настолько, что метнул сук вслед убегающим bestиям.

— Сет тебя задери! — взорвался колдун. — У нас что, целый лес под рукой?

Но его в данный момент взволновало нечто иное. Всего на миг огонь высветил небольшой участок земли, и Рамон увидел сотни жутко горящих глаз. Похоже, что люди и впрямь были обречены.

Во время следующей попытки уродцы попытались зайти сразу с трех сторон. Запрыгивая на камни, они бросались на людей, стараясь вцепиться им прямо в горло. Но на этот раз люди были уже готовы. Холодная, остро отточенная сталь и горячий, полыхающий огонь, точно жнецы, сеяли вокруг себя смерть. Внутри круга из камней выросла немалая гора звериных трупов, прежде чем уродцы отступились.

— Выбросить отсюда эту падаль! — велел Рамон, вытирая свой клинок о траву.

Торн схватил несколько трупов и метнул их в темноту. На звук сбежались десятки гиен, и началась грызня из-за свежего мяса.

— Ого! — обрадовано воскликнул стигиец. — Похоже, они просто голодны, а это значит, что мы вполне сможем выкрутиться. Торн, продолжай выбрасывать трупы, но с некоторым интервалом. Так мы сможем протянуть до рассвета.

Асири четко выполнял указания господина, и все же мертвые тела закончились слишком скоро.

— Скоро опять попрут, — сухо заметил Рамон. — Будьте начеку.

Стигиец знал, о чем говорил. Новая атака оказалась еще стремительней и многочисленней. На этот раз без человеческих жертв уже не обошлось. Один из солдат, упав на землю, мгновенно оказался накрыт копошащейся массой. Взревев, Торн распинал гиен в стороны, но было уже поздно. Человек был еще жив, однако лишился лица и кистей рук, которыми пытался прикрыться.

— Торн! — закричал колдун. — Выброси его отсюда. Быстрее!

Не мешкая, асири выполнил приказ. Напор атакующих тут же ослаб, и быстро добив самых смелых или тупых тварей, что продолжали лезть вперед, люди смогли снова перевести дух.

Варвар вновь принялся время от времени выбрасывать трупы гиен на поживу сородичам. Совершенно неожиданно в степи поднялся шум. Слышны были рычанье и визг. По звукам Рамон определил, что на гиен напал кто-то очень крупный.

— А вот и наш лесной друг! — весело рассмеялся он, втайне надеясь, что ему и дальше удастся сохранить присутствие духа.

На самом деле, порой и ему доводилось испытывать страх, но он всегда старался подавить в себе подобное недостойное чувство, зная, что это — самый первый шаг к гибели.

Вынув из костра палку потолще, Торн метнул ее высоко вверх, пытаясь разглядеть нового противника.

Огненный шлейф взмыл по дуге и на мгновение застыл прямо над местом боя. В этот момент они увидели существо, с легкостью разрывающее на части десятки гиен и продвигающееся вперед, прямо к их становищу.

Гиены, посопротивлявшись еще какое-то время, бросились наутек. Враг оказался им не по зубам. Самые смелые из них успевали прихватить с собой немного мяса.

А когда последняя тварь ретировалась, на степь опустились полная тьма и тишина.

— Все ветки — в костер! И поживее! — приказал Рамон, понимая, что наступил решающий миг этой ночи.

Теперь либо его план удастся, либо все они станут поживой червям...

Но сам он твердо намерен был выжить, несмотря ни на что.

Глава седьмая

Да будь он трижды проклят, этот Сиптах, вместе со своим островом! — выругался Конан, осматривая остатки своей команды. В живых осталось четверо турецев, включая Мулара, Нагир и Никотар, а также раненый Мкванга.

— Капитан, — прохрипел Нагир, — надо бы отыскать ручей.

Конан и сам понимал, что без воды они долго не протянут. Зембабвийцу следовало промыть и зашить рану, а остальным — напиться.

— Ладно, попытаюсь что-нибудь найти, — ответил варвар. — А вы идите вперед, никуда не сворачивая. Мкванга, посматривай, чтобы вы не сбились с направления.

Ранение негра было очень некстати. Он единственный умел ориентироваться в лесу, но из-за сильно кровоточащей раны Мквангу нельзя было брать с собой. Запах крови мог привлечь и других хищников, что обитали здесь.

Быстро исчезнув в зарослях, киммериец осмотрел путь серых обезьян. Те двигались прямиком через лес, но почему-то обошли небольшой ручей, текущий между деревьями. Конану это не понравилось.

«Может, вода ядовитая?» — подумал он.

Искать другую не было времени, и он рискнул попробовать эту, надеясь вовремя распознать яд.

Как ни странно, но вода оказалась чистой и прохладной, точно брала свое начало среди ледников.

— Ладно, делать нечего, — решил варвар, отправляясь назад. Сейчас было некогда раздумывать над странностью передвижений горилл. Главное — людей напоить.

Пираты, увидев ручей, обрадовались, как дети. Они бросились в воду и, встав на четвереньки, принялись жадно, по-звериному пить. После того, как первая жажда была утолена, люди бросились в воду и стали просто плескаться. Для моряков даже пресная вода была чем-то родным и приятным.

Над самым ухом киммерийца проскружетал голос Рана Риорды:

— Опасность, потомок Гидаллы. Надо уходить.

Конан не успел даже рта раскрыть, как из воды вынырнула уродливая голова и ухватила одного из туранцев за плечо. Длинное гибкое тело оплело человека, а затем, стиснув так, что хрустнули кости, утащило на дно.

— Все из воды! — заорал киммериец, но пиратов уже не надо было подгонять.

— Капитан, что это? — спросил широкоплечий Нагир.

— Анаконда, Нергал бы ее побрал! А нам еще на ту сторону перебраться.

— Может, вернемся? — предложил Мкванга, но мысль о том, что его, Конана, заставит бежать какая-то паршивая змея, привела варвара в бешенство.

— Переправимся чуть дальше, — стиснув зубы, пробормотал он.

— Но зачем? — воскликнул удивленный Никотар. — Зачем нам вообще понадобилось лезть в глубь этого острова?

Вместо киммерийца ответил Мулар:

— А зачем мы вообще плыли сюда? Не понял еще? Сокровища! Вот что мы ищем.

Конан еще раз восхитился этим человеком. В дополнение к силе и выносливости, он обладал еще и умом. Только туранец понял истинную цель путешествия.

Пройдя вниз по течению на несколько лиг, отряд обнаружил вполне приемлемое место для ночлега. Учитывая, что людям после столь бурного дня требовался отдых, варвар распорядился разбить лагерь.

— Ну, что скажешь, Рорта? — поинтересовался Конан у секиры. — Безопасно тут, или как?

— Не знаю, потомок Гидаллы. Не знаю! В воздухе что-то витает, но я не могу понять — что именно. Этот остров переполнен магией, мое зрение меркнет.

— Но ты же разметала магию стигийцев, Рорта, — удивился варвар.

— То была людская магия. А тут магия древняя. Возможно, куда более древняя, нежели моя.

— Вот это да! А кто говорил, что видел рассвет и падения держав, коих и на планете-то уже давно не осталось? А этим островом владел какой-то выкормыш Сета...

— Тут нечто большее, нежели магия Стигии и Сета. Куда более могущественное.

— Значит нечто — древнее и могущественное, — задумчиво вымолвил варвар. — Это хорошо.

— И чем же? — не поняла Небесная Секира.

— Да тем, что чем древнее клад, тем больше в нем золота и алмазов. Раньше этого добра было навалом. Не то что сейчас. Помнится, нашел я...

Воспоминания Конана оборвал крик одного из пиратов.

Варвар обернулся и увидел на земле чьи-то ноги. Остальная часть тулowiща находилась в стволе дерева, которое оказалось живым. Киммериец яростно рубанул по стволу. Брызнул зеленый сок... Но спасти беднягу им так и не удалось.

— Капитан, сзади! — закричал Никотар. Конан не глядя отмахнулся от оживших в миг веток, и те, отсеченные, отлетели прочь.

— Уходим! — гаркнул варвар, но тут же понял, что путь назад им отрезан. Жуткие создания встали стеной на пути пиратов.

— Через ручей! — рявкнул Конан, понимая, что это их единственный шанс.

Пираты не медлили. Они, конечно же, помнили о змее, но та могла схватить только одного из них, а деревья — погубить всех.

Люди бросились в воду, которая доходила им до пояса, и устремились на другую сторону. Конан прикрывал их отход. Как ни странно, но рядом с ним стоял Мулар. Конечно, его сабли не могли сравниться с Рана Риордой, но туранец не стушевался. Он отсекал тонкие ветви и корни, что так и норовили оплести руки и ноги.

— Бежим! — закричал варвар, и в этот момент в воде появиласьアナconda. Змея одним броском вцепилась в шею Нагира и потащила его в воду. Никотар, увидев, что случилось с его братом, прыгнул в ручей и стал кромсать тварь мечом. Пробегая мимо, Мулар рубанул саблей по голове анаконы и единым взмахом перерубил толстое тело. Конан попытался распутать переплетение колец, и лишь с большим трудом ему это удалось...

К счастью, шемит был жив, хотя и дышал еле-еле. Перекинув его через плечо, Никотар, кряхтя, понес брата прочь.

Как выяснилось, и по эту сторону ручья деревья были живыми. Конан рубил направо и налево, расчищая проход. В конце концов, им удалось выбраться, хотя и с превеликим трудом.

Пираты выбежали из леса...

...и оказались в степи.

— Так не бывает, — буркнул Мулар, но с явным удовольствием вдохнул степной воздух. Тут туранцы были в своей стихии.

Они довольно быстро отыскали ключ, бьющий из земли, и разбили лагерь.

— Это тебе не лес, — буркнул Абул, поворачиваясь к Мкванге. — Тут все просто и привычно.

Конан, которому доводилось странствовать по Гиркании, уверенно повел воинов за собой, чем нескончально удивил степняков. Они-то считали капитана варваром. Каковым он, по сути, и был. Только они вкладывали в этот слово несколько иной смысл. Презрительный.

На ночь они расположились на невысоком холме. Удивительное дело, ночь прошла довольно спокойно, хотя киммериец и ожидал подвоха от колдовского острова.

Зато рассвет принес новые неприятности. Равнина пришла в движение. Звери всех пород и размеров мчались в сторону людей. Но Конана поразило совсем иное. Животные явно от кого-то убегали. Время от времени некоторые из них останавливались и поднимали головы, к чему-то принюхиваясь. Варвару это очень не понравилось.

— Лучше вернуться назад и переждать, — предложил он остальным. Мкванга и шемиты были обескуражены, а вот туранцы кивнули.

Нахмутившись, Мулар вымолвил:

— Не понимаю, что могло согнать с места зубров. Эти гордые животные никого и ничего не боятся.

— Как и туры, — поддержал его Абул.

— Бежим, — решил Конан, и они побежали назад.

Несмотря на рану, Мкванга мчался как ветер, почти не отставая от киммерийца. Следом трусили туранцы, а вот шемиты явно держались из последних сил.

Конан понял, что эти мускулистые парни погибнут следующими. Их сила, столь нужная

на корабле, была бесполезна на острове. Братья были не приспособлены для длительных путешествий. Не то, что жилистые туранцы. Этих было удивительно встретить на судне, но не здесь. Волки любят простор.

Конечно, как бы ни был хорош Мкванга, но и он не сравнится с Муларом. Этот вояка, более походящий на горного барса, запросто мог обставить и самого Конана. А такие люди вызывали у варвара уважение. Не часто можно было встретить среди цивилизованных людей стоящего человека. Конан мог пересчитать их по пальцам.

Вслед им несся мерный топот лап и копыт, а также неизвестный нарастающий гул. Кто это был, варвар не мог себе даже представить. Но время от времени он слышал хрипы и стоны умирающих животных. Складывалось такое впечатление, что их просто разрывали на части.

Вот взревел зубр, решивший встретить врага лицом к лицу... Но рев быстро смолк. Гул же продолжал нарастать.

— Кром, — прохрипел на ходу киммериец. — Ну что за проклятое место!

Наконец они достигли живого леса.

— Стоп, — решил Конан. — Внутрь войдем только в крайнем случае.

И тут из-за ближайшего холма появились их преследователи. Это были высокие, почти шестифутовые существа, с длинными шеями и крепкими лапами.

— Страусы, — изумленно произнес Мкванга. — Только у этих пасти больше похожи на крокодильи.

А это и есть крокодильи пасти. И головы тоже, — отозвался более глазастый киммериец. Он уже понял, что кто-то, обладающий извращенным мышлением, каким-то образом скрестил эти столь несхожие между собою существа.

Крокодилоголовые птицы даже не бежали, они текли полноводной рекой. И спешили они именно к лесу.

— К ручью! — приказал Конан. — Будет им сейчас сюрприз...

Они с разбегу перескошили водную преграду, стараясь держаться как можно дальше от плотоядных деревьев. Конан держал Небесную Секиру в руках, готовясь в случае чего отбить нападение. Но его не последовало. Деревья словно чувствовали, что скоро их ждет целое пиршество, а потому ничем не выдавали себя.

Первые страусы ворвались в лес и помчались вглубь чащи. Эти владыки местных степей были настолько уверены в себе, что не ожидали никакого подвоха.

Но когда в лес втянулось не менее половины стаи, деревья ожили. Они хватали, оплетали, давили и душили степных уродцев, а те ничего не могли противопоставить неожиданным врагам.

— Пора выбираться, — решил варвар, когда большая часть страусов оказалась повержена.

Он скользнул в воду и добрался до противоположного берега. Остальные точно так же благополучно миновали ручей. Выйдя из леса, люди оказались в очередной раз поражены. Теперь степь походила на пустыню. Трава была вытоптана, а в воздухе витала пыль.

— Тут не поохотишься, Эрлик их сожги, — пожаловался Абул.

— Это верно, — согласился с ним киммериец. — Но главное, чтобы мы смогли отыскать источник. Эти уроды могли все вытоптать.

— Да, но куда идти? — воскликнул Абул. Похоже, он до того уверился, что капитан знает о кладе все, что старался вызнать у того как можно больше.

Конан вскарабкался на ближайший холм, правда, не для того чтобы осмотреться, а чтобы посоветоваться с духом Небесной Секиры.

— Что скажешь Рорта? Куда идти? Материализовавшийся призрак пожал плечами.

— Путей два. Во всяком случае, на этом острове два источника силы. И судя по всему, они противостоят друг другу.

— И что? — не понял киммериец.

— Как — что? Если есть сила, то именно туда и следует идти.

— Да, — согласился варвар. — Точно. Там же следует искать сокровища. Итак, Рорта, что же это за силы?

— Не знаю, потомок Гидаллы. Они древнее и сильнее меня. Я уже говорил...

— Ну, хорошо. А можешь ты сказать, по крайней мере, куда делись эти мерзавцы со стигийской галерой?

Они направились на юго-запад, но сейчас я не вижу их. Должно быть, они скрылись в тени силы, что обитает там.

— Тогда мы пойдем в другую сторону. И клянусь небесами, я все равно достану их, даже если мне будут противостоять все демоны мира! Итак, куда Рорта?

— На юг. Но уверен ли ты, потомок Гидаллы, что другая сила поможет тебе?

Конан не был уверен в этом, но что-то и в самом деле тянуло его на юг.

* * *

Два дня прошли довольно спокойно и даже скучно. Они были дичь, жаря ее на огне. Правда, при этом люди испытывали мучительную жажду. Конан оказался совершенно прав, говоря о том, что воды-то им и будет не хватать.

Наконец на третий день Мулар каким-то чудом вывел их к озеру. Степняк вообще лучше других чувствовал воду. Это было сродни волшебству.

Озеро даже было трудно назвать таковым, скорее — большая затхлая лужа, но люди были рады и этому. Нагир и Никотар с разбега бросился в воду, и в этот момент озерная гладь заколыхалась. Как выяснилось, это была вовсе не вода, а огромная студенистая масса. Шемиты закричали. Они стали погружаться внутрь, и киммериец увидел синеватые внутренности. Перед ними была гигантская медуза! Но как она оказалась в степи? Этого варвар не мог себе представить. Он выхватил Рана Риорду, но дух взмолился:

— Не погань мой небесный металл об эту мерзость, потомок Гидаллы!

— Черт с тобой, — пробурчал киммериец, которому претило оставлять товарищей неотомщенными.

— Уходим, — приказал варвар.

Теперь их осталось четверо. Но Конан боялся, что и это ненадолго... Под вечер им удалось отыскать небольшой ключ, бьющий из земли. Боясь его потерять, Конан руками выкопал ямку поглубже. Вода оказалась сладковатой и холодной. Хоть что-то на этом проклятом острове было нормальным... Но увы, стоило людям напиться, как источник тут же иссяк.

— Он ушел, — сообщил дух. — Будто кто-то иссущил его.

«Начинается», — подумал киммериец. Уже не в первый раз за свою жизнь варвар сталкивался с кознями колдунов, которые вредили ему. Правда, все они в итоге, лишились своей премудрой головы, со злостью подумал Конан. И этот не будет исключением.

Варвар был уверен в своих силах. А уж с Рана

Риордой ему и вовсе не о чем было волноваться. С такой секирой он мог бы бросить вызов богам.

Жаль, что нельзя было оставить ее себе навеки. У Конана только тридцать дней. Затем их пути разойдутся... Варвар и дальше будет искать счастья в этом мире, а Небесная Секира станет служить потомкам клана Южного Ветра.

Конан и сам не почувствовал, как из раздумий погрузился в сон. Сон был тяжелый, муторный.

Варвар стоял возле колодца, не имеющего дна, и оттуда его кто-то звал. Конан сделал шаг вперед и заглянул в колодец. Его взору предстала необъятная мировая бездна, и из ее глубины кто-то тихонько молил о помощи. У варвара защемило сердце от тоски и одиночества, что испытывал этот некто...

Конан открыл глаза. На небе ярко сияли звезды, и на миг варвар понял смысл их движения. Он чувствовал и понимал взаимосвязь растений и животных, видел мир, каким его создал Творец, такой далекий и всемогущий... Но миг всезнания прошел, и Конан снова почувствовал себя прежним.

Осталось только чувство долга. Он должен был спасти кого-то из заточения.

— Подъем! — рявкнул киммериец, вскакивая на ноги.

Не спрашивая ни о чем, люди последовали за ним. Их шатало от усталости, но они все равно шли. И Конан поразился крепости хрупкого создания, называемого человеком.

Рушатся горы и стираются в песок камни; высыхают моря, а на их месте появляются пустыни, которые однажды снова покроются водой, и только люди продолжают жить. Они рождаются, бываются, влюбляются, умирают в конечном итоге, но путь продолжают их дети, внуки и правнуки. И так из года в год, из века в век. И каждый из этих людей способен на нечто большее, нежели просто жить, любить и умереть. Каждый из них способен идти вперед к своей цели, отдавая ей себя самого. Идти, ничего не страшась...

Вот и сейчас Конан наблюдал победу духа над телом. Его спутники видели гибель своих товарищей. Они знали, что могут умереть, но все равно шли вперед.

Варвар потряс головой. Он не привык к подобным философствованиям. Пусть лучше этим занимаются мудрецы. А он привык решать вопросы совсем по-другому. Один взмах секиры или доброго меча порой стоил намного больше, нежели все слова разом.

* * *

К вечеру следующего дня они увидели вдали какую-то растительность. В тот же вечер погиб Абул. Случилось это так. Воздух наполнился громовым топотом, и откуда-то вынырнула огромное существо, походящее на носорога. Вот только вместо одного рога у него было целых три.

Увидев людей, трирог понесся на них. Конан уже изготовился нанести решающий удар,

как вдруг турانец, не выдержавший напряжения момента, побежал.

Мгновенно сориентировавшись, трирог погнался за ним. В четыре могучих прыжка тварь догнала человека, и, насадив его на рога, побежала дальше. Чудовище скрылось из виду, а они еще долго слышали истошные крики пронзенного человека. Тот был обречен на страшную гибель.

— Эрлик, прими своего верного сына, — едва слышно прошептал Мулар. Гибель последнего соратника потрясла туранца до глубины души. Но он не собирался отступать. Мулар побрел дальше, следя за своим капитаном.

* * *

Утром они достигли темной полосы.

Это оказались заросли кустарника, почти втрое превышающие рост варвара. Кусты росли так густо, что пробиться сквозь них не было никакой возможности.

— Что будем делать? — устало спросил Мкванга. Даже у этого гиганта иссякли силы.

— Может, попробуем обойти? — предложил туранец.

Они попробовали. Разделившись, трое человек попытались отыскать хоть какую-нибудь тропку. Компанию киммерийцу составил дух Рана Риорды.

— Это место мне не нравится, — проскрипел призрак. — Здесь мое зрение слепнет.

— Значит, мы у цели, — в тон ему ответил киммериец.

Варвара так тянуло что-нибудь разрушить.

— Вот встретим хозяина, тогда и поговорим с ним по душам!

Странно, но воинствующая секира не поддержала предложение северянина.

...К вечеру все трое встретились на прежнем месте.

— У нас ничего, капитан, — отчеканил зембабвиец. — Кусты тянутся сплошной стеной.

— То же самое, — буркнул варвар. — Будем прорубаться.

Решено было начать работу с рассветом, и тройка воинов разбила походный лагерь. Едва забрезжил рассвет, а они уже работали, как проклятые. Поочередно сменяя друг друга, путники вгрызались в заросли, точно черви. Разумеется, большую часть работы выполнял Конан. Но и его силы были небеспределны. Рана Риорда могла рубить сколь угодно долго, но варвар-то уставал. Дни, проведенные в пути без воды, оказались даже на железном здоровье киммерийца.

Впрочем, заросли только выглядели бесконечными, но и они в итоге закончились. Сильным взмахом Небесной Секиры Конан срубил последние стебли, и в этот миг ему в уши ударил ужасный шум.

— Клянусь бородавками Нергала! — воскликнул Конан, делая шаг вперед. Перед ним протянулся недлинный козырек чистой земли, а за ним...

...за ним находилась котловина кратера. Его стены были изрыты норами, а еще ниже из скал потоками извергалась вода. Она срывалась вниз и с ужасным грохотом падала в небольшое озеро на дне.

В центре этого озера находился небольшой островок, на котором стояла черная пирамида.

— Вот ведь Сетово отродье! — взревел северянин. — И тут свои паскудные пирамиды понаставили.

Киммериец подхватил некрупный камень и силой метнул в пирамиду. Понятно, что до цели он не добрался, но зато попал в какую-то тварь, которая в этот миг вылетела из норы.

Конан посмотрел вниз и выругался, вскидывая Рана Риорду.

— К оружию! — заорал киммериец. Возможно, они могли бы избежать боя, если бы побежали, но, оглянувшись, Конан увидел, что путь назад им опять отрезан. Точно по волшебству, проход, который они прорубили с таким трудом, исчез. За спиной у людей снова высились непроходимые заросли кустарника.

— Кром! — заревел варвар и нанес первый удар.

Летающие твари, появившиеся из кратера, более всего походили на крысы, но размерами превышали кошек. У них были широкие пасти, усеянные острыми зубами, и длинные когти.

И самое главное, их было сотни...

Трое против сотен! Люди понимали, что это смертный приговор, но никто из них не дрогнул.

Они рубились как сумасшедшие.

Мулар разил своими саблями со стремительностью королевских кобр. Остро отточенная сталь с легкостью перерубала жилистые шеи и тела. Кружась, точно в танце, туранец был недосягаем для зубов и когтей летунов.

Мкванга же, наоборот, стоял на одном месте, широко расставив ноги. После смерти Нагира зембабвиец нес его секиру, и теперь в каждой его руке было зажато по топору, которыми он дробил и крушил врагов. Секиры мерно поднимались вверх и так же неуклонно падали вниз, собирая кровавую жатву.

У негра закатились глаза, и были видны только белки, а изо рта текла пена. Конан сравнил бы этого скалящегося белозубого великана с исчадьем преисподней, но киммериец и сам в этот миг больше был похож на демона.

Рана Риорда разила без промаха, а сам Конан рычал и ревел что-то нечленораздельное...

Первым погиб Мулар. Вокруг него выросла гора трупов, но крысы все равно сумели облепить его со всех сторон. Туранец уже давно выронил свои сабли, сменив их на ножи. Короткие кинжалы вспарывали животы и отсекали лапы. А когда и они выпали из скользких от крови рук, Мулар пустил в ход локти и зубы. Но силы оказались слишком неравными.

Несколько сотен крыланов сумели приподнять относительно легкое тело туранца и потащили его к краю.

Мулар дико заорал и из последних сил вцепился зубами и руками в своих противников. Он решил забрать с собой на тот свет как можно больше нечисти.

Увидев гибель товарища, Конан заревел, и холодная ярость варвара превратилась во всесжигающий гнев. Ненависть придала ему новых сил, и Небесная Секира замелькала вдвое быстрей.

Казалось, прошла вечность, прежде чем дрогнул непоколебимый Мкванга. Руки зембабвийца стали похожи на виноградные грозди (настолько их облепили крылатые крысы). Он двигался все медленнее и медленнее. Мускулы его натужно ныли, и негр решился бросить один из топоров. Он поудобнее перехватил второй обеими ладонями и снова врубился в крылатую стаю. Однако эта уступка усталости не осталась незамеченной. Твари усилили натиск и попытались задавить гиганта количеством. Мкванга продолжал рычать, пуская пену, но его ярость пропала втуне. Крысы облепили человека со всех сторон, и вскорости

вечно смеющийся зембабвиец полетел вниз.

Конан остался один.

Он уже понял, что рано или поздно отправится вслед за своими товарищами, однако сдаваться не собирался. Скорее, наоборот. Осознание того, что это его последний бой, придавало киммерийцу дополнительные силы.

Тебе не будет стыдно за своего сына, владыка Кром! — громко закричал варвар, рассекая десятки крыс за раз.

— Прими и этих, Кром! — рычал Конан, нанося новый удар. Он потерял счет времени, продолжая выкрикивать гневные фразы в ярости битвы.

Раз за разом, посвящая убитых своему богу, варвар уменьшал их количество. Но неизбежное не миновало и его. Когда живых крыс осталось намного меньше, чем мертвых, одна из этих тварей схватила камень и, поднявшись повыше, сбросила его вниз, на врага.

Удар в спину заставил потерявшего равновесие варвара пошатнуться и, утратив точку опоры, он полетел вниз, вслед за своими товарищами. Крыланы продолжали виться неподалеку, и киммериец своими огромными руками успел схватить еще с десяток крыс, которых он тут же раздавил, прижав к могучей груди.

— И этих тоже... — успел прошептать варвар, прежде чем сознание покинуло его.

Глава Восьмая

Охотник не спешил. Он выжидал, понимая, что терпение жертв имеет свой предел. И когда их ужас достигнет апогея, он наконец явит им свой лик.

Рамон не сказал остальным, что монстр наверняка утащит кого-нибудь из них. Впрочем, его это и не волновало. Подумаешь, одним человечком на земле станет меньше! Мало ли еще их народится. Главное, чтобы тварь не перепутала в темноте и не схватила его. Вот что будет самым обидным. Даже не то, что он попадется в собственную ловушку, а то, что тогда ценой его драгоценной жизни смогут спастись остальные...

Длинный упругий язык мелькнул в воздухе, опутывая грудь одного из солдат, и стал утягивать того назад.

— Торн, руби! — приказал стигиец, и могучий асир опустил свою чудовищную секиру на длинный отросток, перерубая одновременно и шею воина. Но на это никто не обратил внимания.

Рамон тут же рассек нужную веревку, и заостренный кол вошел в живот Охотника. Чудовище утробно заревело, и в этот момент на поле вернулись уродливые гиены.

— Бежим! — крикнул Рамон, которыйглядел шанс вырваться с проклятой равнины.

Первым помчался Торн. Следуя своему варварскому чутью, он выбрал нужное направление и повел за собой остальных.

Враги, занятые друг другом, не обратили внимания на убегающих людей. А те мчались, как загнанные лани. Стигийцы, второпях побросавшие свои и без того скучные пожитки, с удивлением взирали на варвара, который скакал быстрее остальных, несмотря на громоздкое

оружие и тяжелый заплечный мешок. Им было невдомек, что очень скоро они захотят пить, а затем и проголодаются.

Через несколько часов стало светать. Рамон перешел на шаг, и по его побелевшему лицу стало понятно, что жрец находится на грани изнеможения.

Остальным приходилось не легче, но стигиец не останавливался. Он уверенно шел вперед, а затем снова побежал.

Так продолжалось до полудня, после чего Рамон понял, что больше он не сможет сделать и шага.

— Привал, — хотел прохрипеть колдун, но потрескавшиеся губы издали лишь булькающий звук.

Правда, остальные и не нуждались в команде. Они без сил повалились на землю и попытались отдохнуть. Только Торн, насмешливо улыбаясь, с видом превосходства взирал на изнеженных людышек. Прав был отец, говоря, что цивилизация делает людей слабыми и никчемными! Возможно, они сильны своими крепостями и хитроумными приспособлениями, да вот только мир не ограничивается надежными крепостными стенами. Наоборот, за ними он как раз начинается. А раз так, то рано или поздно в этом мире будут править варвары. Во всяком случае, именно они дадут загнивающим державам приток новой, свежей крови. И быть может, в жилах одного из будущих владык будет течь его, Торна, кровь.

Варвар еще раз посмотрел на распластанных людей и зашелся гулким смехом.

* * *

Они брали уже третий день, а равнине не было ни конца, ни края. Двое стигийцев, не выдержав тягот пути, пали замертво. Их еще теплая кровь помогла хоть немного утолить жажду, но пить все равно хотелось, как никогда. Торн уже попадал в такие переделки, а потому шел неспешным шагом, стараясь сохранить как можно больше сил. Он знал, что еще день-два — и они станут пить собственную мочу. А затем закончится и она. Обезвоженное тело перестанет выделять жидкость, и рано или поздно все они падут замертво.

* * *

Рамон шел в беспамятстве. Его тело продолжало двигаться само, без участия разума. Этому трюку он научился еще в детские годы, в часы бесконечных медитаций. Тогда опытные наставники заставляли их неподвижно сидеть часами и даже сутками, не позволяя ни есть, ни пить. Самым неприятным было то, что им приходилось мочиться прямо под себя. Но Рамон выдержал и это. Он всегда был первым среди учеников, а потому его раздражало высокомерие асира, который шел вперед, гордо подняв голову. Из-за того же высокомерия он продолжал тащить с собой секириу и шипастую булаву. А весили они немало. Ох, как немало!

«Я тебе это припомню», — подумал стигиец и чуть не сбился с шага. Он опять

погрузился в транс, отринув от себя все мысли.

Видения проносились одно за другим. Видел он море Вилайет и Боссонские топи. Зрел Рабирийские горы и Бритунские леса. А после стали проплывать, казалось, навсегда забытые лица. А может, были то и не лица вовсе, а маски...

Вот чернокожий раб — первая жертва Рамона. Вот красавец Хакалим. С ним стигиец впервые познал таинство любви. А вот он же, но только задушенный собственным поясом...

Затем мелькнула и пропала первая шлюха, что познакомила его с женскими прелестями. Как ни старался Рамон, но он так и не смог вспомнить, что же сделал с ней...

Лица все всплывали и всплывали, и все они что-нибудь да значили в судьбе жреца-отступника.

— Хозяин!

Сколько раз Рамон слышал это слово. Все называли его хозяином.

— Хозяин, — послышалось снова. Кто-то назойливо тряс его за плечо.

Стигиец вышел из транса и с непониманием посмотрел на асира. Тот указал вперед.

Они стояли на холме, а прямо перед ними шумело море, оно вздыбливалось и разбивалось о высокие скалы, на которых стоял замок. Присмотревшись получше, Рамон понял, что это всего лишь руины некогда великолепной цитадели. Но время оказалось беспощадным к обители древнего мага. Нетленной осталась лишь высокая черная башня, что возвышалась за крепостной стеной.

— Вот мы и дошли, — едва слышно прохрипел стигиец.

Легкий бриз принес морскую свежесть, и маг вдохнул этот целебный воздух полной грудью. Дремавшая доселе энергия вспыхнула, и Рамон бросился вперед. Он бежал легко, словно до этого и не испытывал страшной жажды и не падал всего минуту назад без сил.

Остальные последовали за ним, правда, не так резво. Из сотни с лишним бойцов, что плыли на корабле, их осталось только четверо. Двое стигийских солдат хромали где-то позади, но их судьба не волновала бывшего жреца. Наконец-то он достиг цели, и все его мысли в данный момент были заняты именно этим.

Приближающаяся цитадель была сложена из огромных гранитных блоков и производила отталкивающее впечатление. В нее вели две лестницы, одна из которых опускалась прямо в море, а другая — на равнину. Именно к ней и направился стигиец.

Взбежав по ступеням, Рамон шагнул в тень арки. Он ощутил некую дрожь, когда проходил под гигантским сводом. Но, справившись с первобытным страхом, стигиец ускорил шаг и оказался во дворе крепости... И застыл, встретившись взглядом с огромным питоном.

Алые глаза рептилии блестели нечеловеческой злобой, и, цепенея под этим взором, Рамон сделал шаг вперед.

Только болезненно ударившись лицом обо что-то твердое, Рамон вышел из жертвенного транса. Он удивленно поднял глаза и понял, что перед ним всего лишь статуя.

— Будь ты проклята! — прохрипел стигиец, сплевывая на морду рептилии. Он поспешно обернулся и посмотрел, не видел ли кто его позора. К огромному облегчению колдуна, ни Торн, ни солдаты пока еще не вошли во двор.

«Ну, ну! Посмотрю, как вы разобьете свои тупые лбы», — зло подумал Рамон. Несспешно обходя двор, стигиец искоса поглядывал на ворота.

Ему не терпелось увидеть, как и остальные попадут в ту же ловушку.

Наконец из тени шагнули двое солдат и замерли, попав под воздействие чар.

Рамон хихикнул. Ему доставило огромное удовольствие созерцать их тупые рожи. А вот

Торн полностью разочаровал мага. Асири влетел во двор и тут же метнул вперед свою палицу, которая, отскочив от статуи, задела одного из стигийцев.

«Что взять с животного!» — подумал Рамон, но в глубине души он был уязвлен. Варвар не попался на трюк с гипнозом. Должно быть, его инстинкты срабатывали раньше мозга. Вот и сейчас тело среагировало на опасность раньше, нежели северянин успел оцепенеть.

Солдат громко вскрикнул, схватившись за раненое плечо. Брызнула кровь, но Торн только ухмыльнулся. Подобрав булаву, варвар направился к стигийцу.

— Хорошенькие камешки, — плотоядно сообщил он, показывая на глаза каменного змея. — Стоит их выковырять, когда будем уходить отсюда.

— Конечно, друг мой, — дружелюбно отозвался Рамон, а сам подумал, что варвар может и не выбраться из замка. В последнее время он начал раздражать колдуна. Рамон любил разнообразие. Тех же, кто начинал утомлять его или просто переставал забавлять, стигиец убивал.

— Пойдем, посмотрим на вход, — предложил колдун.

Они приблизились к черной каменной двери.

— Хорошо сохранилась, — вымолвил Торн, как следует изучив гладкую поверхность, на которой не было ни царапины.

— Как вся башня, — в тон ему ответил Рамон. — Надеюсь, подвалы тоже не тронуты! И оба они рассмеялись шутке стигийца.

Ну, конечно же, более всего обоих интересовало содержимое здешних сундуков. Возможно, сокровища старого колдуна окажутся так изобильны, что им более никогда уже не придется заботиться о золоте. Его хватит до конца жизни.

Рамон видел в своих мечтах, как мчится на лучших скакунах Гиркании по всему миру. Сознание рисовало отборные войска, послушные только его воле. Самых обольстительных красавиц и красавцев, что готовы выполнить любую его прихоть, и многое, многое другое...

Рамон толкнул дверь, но она не поддалась. Тогда, припомнив несколько простых заклинаний, отпирающих любые запоры, колдун произнес их, одно за другим.

...И никто не заметил, что кровь попавшая на статую, медленно впитывалась в камень. Питон вздрогнул, просыпаясь после многолетнего сна, и по его телу пробежала дрожь.

Алые глаза прояснились, и пресмыкающееся ожило. Оно медленно повернулось в сторону находящегося неподалеку солдата, и тот вздрогнул. Однако несчастный даже не успел открыть рта, как в мгновение ока оказался перемолот острыми зубами.

Второй, солдат все же успел поднять крик и побежать в сторону колдуна.

«Чего тебе еще?» — хотел лениво спросить Рамон, но слова мигом застыли у него в горле, когда он увидел чудовище. Из пасти у того капала кровь, и оно плотоядно смотрело в сторону людей.

Торн среагировал все тем же движением. Шипастая булава полетела в голову змея, но тот перехватил пудовую палицу на лету и тут же смял ее чудовищными челюстями.

Рамон принялся произносить заклинание за заклинанием, однако все было бесполезно. Дверь не хотела поддаваться.

В этом не было ничего удивительного. Ведь Сиптах был величайшим магом древности, а Рамон — всего лишь жрецом-недоучкой.

— Будь ты проклят, Сиптах! — зло прохрипел стигиец. И... о чудо! Ворота распахнулись сами собой.

— Торн, внутрь!

Асир, уже изготовившийся к последнему бою, вбежал в зал, вталкивая туда же ошалевшего солдата. Тот застыл, словно истукан, увидев перед собой божественного Змея, посланника самого Сета.

— Сиптах! — крикнул Рамон, поняв, в чем суть заклятия.

Дверь, послушная его воле, захлопнулась, и снаружи послышался громкий удар. Это удав, метнувший свое тело вперед, впечатался в каменные ворота.

— Не допрыгнул! — весело рассмеялся Рамон. Он немного дрожал, но это легкое чувство страха даже понравилось ему. Оно тонизировало и давало необычный эффект. Давно жрец не испытывал ничего подобного. В груди щемило, а сердце бешено колотилось.

— Уф — выдохнул стигиец. — Еле успели. Еще бы чуть-чуть...

Торн только пожал плечами. Риск был его профессией, и он сталкивался с ним ежедневно. И какая разница, кто тебе угрожает, гигантский питон, или отменный мечник. Итог всегда один — или ты, или он. Третьего не дано.

«Тупица, — думал Рамон, глядя на толстокожего северянина. — Да, тонкие чувства тебе не доступны. Только жрать и спариваться — вот что тебе нравится. Скот!»

Стигиец прошептал заветное слово, и в зале вспыхнул свет.

— Имир Великий! — прохрипел Торн.

До сих пор зал освещал только жезл в руках стигийца. Он не мог высветить и сотой доли убранства помещения. Но сейчас...

...сейчас они, вытаращив глаза, смотрели на то, что их окружало.

Зал был огромен. Намного больше того, каким он должен был бы быть, учитывая размеры башни.

И весь он, начиная от стен и колонн и заканчивая полом и потолком, был покрыт золотом и драгоценными камнями. Искусная мозаика, украшавшая стены, изображала сцены пиров, охоты, а также любовных соитий, с участием людей обоих полов, всякого зверья и даже демонов.

Рамон с видом знатока оценил эти картинки и в восхищении захлопал в ладоши. Многое из того, что он узрел на этих стенах, стигиец прежде и представить себе не мог. Как выяснилось, его разум оказался не настолько уж и извращенным...

В самой дали гигантского зала стоял огромный трон, целиком вырезанный из рубина.

Оценив его размеры, Рамон только ахнул. Но самое удивительное ждало их за троном. Там находился еще один трон, стоящий повернутым к другому входу: к тому, что выводил к морю. Этот трон был из голубого опала. Причем спинка у обоих тронов была одна, и если смотреть с одной стороны, она была алая, а с другой — голубая.

Рамон успел заметить, что во втором зале также нет ни одной повторяющейся картинки. Просто тут большая часть людей совокуплялись с разного рода морскими тварями, а вместо сцен охоты была ловля рыбы и других обитателей океана.

— О, отец наш Сет! Мы богаты, — пробормотал оставшийся в живых солдат.

— Не мы, а я! — рассмеялся Рамон. Солдат непонимающе уставился на него.

— Ты еще не понял? — вкрадчиво спросил колдун. — Нам нужно призвать дух Сиптаха.

— И что? — тупо переспросил воин.

— И то, что кого-то придется принести в жертву. И этим кем-то будешь ты!

Воин метнулся, пытаясь выхватить меч, но Торн одним ударом опрокинул его на землю. Асир, привыкший к неожиданным фантазиям Рамона, был готов в любой момент выполнить приказ господина.

Полюбовавшись на его слаженную работу, маг передумал избавляться от варвара.

«Пожалуй, оставлю его в живых, — подумал он. — Отыскать помощника лучшего, нежели Торн, мне вряд ли удастся».

Кроме того, стигиец мог не опасаться предательства со стороны северянина. А это уже немало.

— Вот и хорошо, — Рамон пнул солдата носком сапога. — Полежи пока здесь, а мы осмотримся.

Торн ловко связал воина его же собственным поясом.

— Сюда бы кандалы, — мечтательно произнес варвар. У него, как у всякого сильного человека, была страсть ко всему чрезмерному. Именно поэтому варвар не ленился таскать с собой двухпудовую секиру. Он даже спал с ней.

«А почему бы и нет?» — подумал Рамон. Он закрыл глаза и представил, как на плenном появляются тяжеленные цепи.

— Ха-ха, хозяин! Да ты просто бог во плоти, — восхищенно воскликнул Торн.

Рамон посмотрел на творение рук своих, точнее мозга, и обомлел. Человек и вправду лежал скованным с ног до головы.

— М-м... — выдавил удивленный стигиец. Но сравнение с богом ему понравилось. Идея убить Торна навсегда осталась в прошлом.

— М-да, и впрямь бог. Ну, кто бы ожидал, что старый ублюдок сможет достичь такого? — не без самодовольства молвил стигиец.

— Только где же он сам, если обладал таким могуществом? — спросил Торн.

Порой проблески разума, мелькавшие у асира, ставили Рамона в тупик. Сам он, окрыленный новыми возможностями, как-то упустил из вида такой вопрос.

А куда и впрямь делся великий маг? Если уж у него, Рамона, мага-недоучки, получаются такие вещи, что неподвластны лучшим волшебникам нынешнего века, то что же было под силу Сиптаху? Не мог же он просто умереть! Даже нынешний владыка Черного Круга жил уже не первое столетие. Так неужели Сиптах, обладая такой властью, не в состоянии был продлить свое существование?

— Ладно, разберемся, — решил Рамон. — Сейчас следует осмотреть все это здание. А то я пока что, кроме этого зала, ничего не видел.

Они несколько раз обошли гигантское помещение, но никаких других комнат не обнаружили.

— Похоже, тут замешана магия, — вымолвил варвар.

— Конечно же! — хлопнул себя по лбу стигиец. — И как я сразу не догадался! Сиптах! — громко воскликнул волшебник, и перед ними появилась винтовая лестница. — Ну вот, друг мой, — обратился Рамон к своему спутнику. — Пора обследовать новые владения.

Рамон сделал приглашающий жест, и Торн первым ступил на ступени. Спокойствия ради, он поудобнее перехватил рукоять секиры.

— Куда сперва, хозяин, вверх или вниз?

— Вверх!

Подъем длился на удивление долго. Узкая винтовая лесенка упрямо вилась вверх, не оставляя места для лестничных пролетов или площадок.

Время от времени Торн постукивал своей секирой по стенам в поисках потайных комнат или помещений. Но все без толку.

— Какой же тогда толщины эти стены? — поразился северянин. — И главное — зачем?

— Говорят, будто Сиптах мог повелевать даже бурами, — ответил Рамон. — Тогда становится понятно все это. — И он обвел рукой вокруг.

Единственное, что смущало мага, было осознание того, какие же это могли быть бури. Такая башня способна выдержать настоящий ураган. Сотни ураганов...

Громкий стук, а также проклятия Торна возвестили о том, что они достигли люка, ведущего наверх. Именно об него варвар и расшиб голову.

Рамон мысленно усмехнулся. Такой череп, как у Торна, трудно Пробить даже тараном. Видимо, голова асира целиком состоит из кости.

Поднатужившись, асир поднял люк и откинув его. По колодцу, уходящему вниз, пронеслось эхо.

Верхняя комната (обсерватория, как назвал ее про себя Рамон), была столь же огромной, как и тронный зал. Однако при этом в ней почти не было свободного места. Повсюду стояли столы с колбами, ретортами и прочими склянками, заполненными алхимическими составами; валялись свитки и древние фолианты; виднелись карты различных земель и звездного неба.

В центре всего этого беспорядка стоял простой деревянный стул с подлокотниками. На нем восседала мумия маленького человечка, а на груди у него висел крупный сверкающий драгоценный камень.

— А вот и наш хозяин! — весело заметил Рамон.

Он с интересом посмотрел на мертвеца. Тот отличался короткими конечностями и раздутым брюхом.

— Красавец, — прокомментировал Рамон. Сплюснутый нос и толстые губы говорили о примеси негритянской крови.

— И этот урод и был самым могущественным магом того времени? — подивился стигиец. Неуловимым движением он снял камень с шеи мертвеца и надел себе на шею.

— Так-то лучше. Он тебе ни к чему.

Рядом с креслом стоял телескоп, и любопытства ради Рамон сделал потолок прозрачным, но оттуда на него посмотрела огромная голубая змея. Только эта была вдобавок ко всему крылатой.

— Чтоб ты сдохла! — выругался стигиец, вздрогнув. — Тьфу ты! Это же надо так вlipнуть!

Рамон попытался убрать змею с крыши, используя заветное имя хозяина башни, но на питона это не подействовало.

— Пропади ты пропадом, — зарычал стигиец и снова сделал потолок каменным. — Ладно, что-нибудь придумаем. И не из таких переделок выбирались, — бодро произнес он, но сердце странно кольнуло.

Рамону почему-то вспомнился тот сон, что всегда приводил его в ужас. Он потряс головой. Бред! Наваждение...

Пытаясь загнать свой страх поглубже, стигиец принялся рыться в вещах умершего мага.

Он осмотрел скелет человека, а также рисунки, изображающие внутренние органы. Рядом, в больших банках, плавали в каком-то растворе сердце, почки, печень и другие органы, изображенные на картинках.

— Похоже, наш дорогой хозяин занимался не только магией, но и алхимией, — высказался Рамон.

— И что? — переспросил северянин.

— Тогда становится понятным, почему он поселился здесь. Негритянское происхождение, алхимия — все это тянет на исключение из ордена магов, а также на смертный приговор. Сдается мне, что он был изгнанником.

Торн, которого все это мало волновало, только пожал плечами. Варвара, конечно же, поразило убранство зала, но в данный момент, он подумывал о том, не пересекли ли они ту черту, из-за которой уже не было возврата. Может, не следовало плыть на этот проклятый остров? Ведь и у простых людей деньги водятся. А они сами сунули головы в пасть тигру. Вот и расплачиваются теперь.

В этот момент камень на груди стигийца ярко засветился, и он почувствовал, как в тело вливается невиданная доселе мощь.

Хозяин, что происходит? — заволновался Торн. Он увидел, как Рамона охватил огонь, и теперь тот стоял в сиянии света.

Все отлично, друг мой! Даже лучше, — воскликнул стигиец и неожиданно исчез.

* * *

Рамон ошеломленно смотрел на огромную кровать, занимающую почти всю комнату. Над ложем был натянут балдахин, точно такой, как и представил себе чародей.

— О, боги... — изумленно прошептал Рамон. Только сейчас он понял, какая власть теперь принадлежит ему. — Нет! Какие еще боги?! У меня нет богов. Я сам теперь бог! — закричал он во весь голос.

Вернувшись в верхний зал, стигиец застал там Торна, который метался в поисках господина.

— Хозяин! — обрадовано вскричал асир. — Где вы были?

— Так сразу и не объяснить. Давай лучше покажу.

И они очутились в зале с бассейном, наполненным прохладной водой.

— Ну, как?

Варвар лишь продолжал хлопать глазами.

— Хозяин!

— Нет, нет! Не называй больше меня так. Я теперь стал богом.

Живой ум северянина схватывал все на лету. Он умел приспосабливаться к любым условиям. А раз стигийцу хочется, чтобы его величали по-другому, что ж, так тому и быть. Главное, чтобы Торн имел с этого выгоду.

— Да, хозяин... то есть, мой бог. Как скажете. Они долго нежились в водной прохладе, пока

Рамон не вспомнил о пленном солдате.

— Пора и ему насладится моим могуществом. Он усилием мысли перенес воина в купальню, и тот, упав сверху, увидел своих мучителей.

— Это же надо, кто нас посетил! — насмешливо бросил стигиец. — Ну, наслаждайся! Созерцай!

И он громко рассмеялся.

После ванны, наполненной чистейшей родниковой водой, им захотелось массажа и других плотских удовольствий. Но сколько Рамон ни представлял себе туранских танцовщиц и шемитских массажисток, ничего у него не вышло.

— Ладно, потом разберемся, — буркнул помрачневший стигиец. Ему очень не понравилось то, что его власть имеет ограничения.

Он представил себе роскошную трапезную, и они там и оказались. Настроение сразу же поднялось.

— Угощайтесь, друзья мои! — громко воскликнул стигиец.

Торн с наслаждением принял вкушать долгожданную пищу, а вот перед пленником появились лишь кувшин с водой да краюха черствого хлеба. Как это было ни унизительно, но он набросился на пищу.

— Вот, Торн, и такие твари смеют называть себя людьми! — с наигранным возмущением воскликнул Рамон. — Ни манер, ни гордости...

Он отщипнул холеными пальцами кусочек цесарки, а затем отпил вина.

— Вот я, к примеру, тоже голоден. Но это вовсе не значит, что можно позволить себе опуститься до уровня свиньи.

Рамон продолжал разглагольствовать, пробуя разнообразные кушанья, коими был уставлен весь стол.

— Увы, но мир, по большей части, населяют грубые и грязные людишки. Вот как этот, например.

Стигиец бросил бедняге недоеденную кость, и тот принял старательно ее обгладывать.

— О чем и речь! — печально произнес Рамон. — Зато такие люди, как я, рождаются раз в столетие. А может и реже. Я велик! Что, впрочем, осознаю в полной мере. Так выпьем же за мою скромную персону и пожелаем ей, как говорят в Кхитае, процветать еще тысячу лет!

Асир вскочил на ноги и поднял бокал. Вся эта клоунада изрядно забавляла его, но он не показывал вида.

— За тебя, мой бог. Славься же и процветай три тысячи лет!

Рамон захохотал:

— Ты прав, друг мой! Три тысячи, а не одну. Три!

Они пили и ели до тех пор, пока не свалились без сил. Последним усилием мысли стигиец перенес их в спальню. После этого они отключились.

* * *

Огромный кузнечный молот нещадно бил по голове, и Рамон застонал. Распухшие веки никак не хотели раскрываться, а во рту пересохло, как во время перехода по степи, когда у них совсем не было воды.

Наконец веки приподнялись, и стигиец увидел потолок. Однако тот тут же куда-то уплыл, вызвав приступ тошноты.

А великан, лупивший молотом по голове, все не желал убираться прочь.

— Торн, — выдавил из себя стигиец, примерно спустя один колокол.

Очень нескоро варвар отозвался:

— А-а-а...

На большее его не хватило.

Рамон знал, что лучше всего сейчас могло помочь охлажденное вино. Вот только откуда его взять? Как он ни тужился, но представить себе кувшин с напитком не смог.

После нескольких неудачных попыток новоявленный бог задремал. Находящемуся здесь же пленному воину их мучения были единственным утешением. Проснувшись поутру, он снова попытался избавиться от кандалов, но цепи были слишком тяжелы.

Кроме этого, пленник вновь и вновь повторял слово «Сиптах», Однако полное отсутствие магических способностей не позволяло ему воспользоваться волшебством замка.

Когда Рамон снова пришел в себя, ему стало несколько полегче. В этот раз стигиец сумел даже наколдовать столь вожделенную жидкость. Он залпом ополовинил кувшин и снова отключился. Торну пришлось намного хуже. Варвару пришлось проползти почти всю комнату, прежде чем он достиг желанного сосуда. Кроме того, этому гиганту, требовалось нечто большее, нежели полкувшина жидаенького стигийского пойла.

«Ах, сейчас бы кувшинчика два красного аргосского», — мечтательно подумал он, но делать было нечего. Рамон уже спал, а будить его Торн не решился.

Еще через день они смогли окончательно отойти от последствий своих неумеренных алкогольных возлияний. Правда, для этого обоим пришлось долго пролежать в холодной воде бассейна.

Ломтики фруктов помогли избежать новых приступов тошноты. И только после этого Рамон опять вспомнил о пленнике.

Надо его поберечь для жертвоприношения, решил он и наколдовал солдату воду и пищу. Все эти дни, пока они мучились от похмелья, воин сидел на цепи, лишенный каких-либо удобств. Ему даже пришлось ходить под себя, отчего комната стала смердеть. Иногда ему надо мыться, решил стигиец, и бросил солдата в ледяную воду... естественно, не в тот бассейн, где прохлаждались они с Торном.

Памятая о последней трапезе, они не стали налегать на вино, лишь немного подкрепились. Хотя и аппетита-то особого не было. И лишь после всего этого, удобно устроившись возле небольшого камина, новые хозяева замка перешли к обсуждению дел насущных.

— Пора вызывать дух мага, — произнес Рамон. — Думаю, он прольет свет на происхождение и свойства этих змей. Будем надеяться, что они просто охраняют замок. А вот если нет, то у нас могут возникнуть проблемы.

В подвал они отправились пешком. Рамон не решился перенести их туда с помощью магии. Все-таки казематы могли оказаться заполненными всякого рода тварями, и было бы неприятно очутиться вдруг среди них.

Спуск был столь же долог, как и подъем в обсерваторию. Но они осилили и его.

Подвальный воздух был затхлым и крайне тяжелым. Рамон поднес к носу платок и старательно не опускал его.

Как стигиец и предполагал, внизу находились казематы и зал для жертвоприношений. Только вот какому богу поклонялся Сиптах, было непонятно.

Рамон нигде не видел изображения Сета, из чего сделал вывод, что колдун и впрямь был отщепенцем.

Прямо в центре зала высилась гигантская необтесанная глыба бурого цвета. Была ли то

кровь, пролитая здесь за века, а может, таковым был настоящий цвет камня, — оставалось только гадать.

Но вот тьма, витающая над глыбой, была чем-то большим, нежели просто тьма. Это была Тьма, истинная и неповторимая. Вглядываясь внутрь нее, Рамон понял, что все темные земные боги — не более чем младенцы по сравнению с этим.

«В какие же глубины преисподней заглядывал Сиптах?» — пронеслось в голове жреца-недоучки. Впрочем, если этим для получения своего могущества пользовался Сиптах, то почему тем же самым не мог воспользоваться и Рамон?

Пора, — произнес стигиец, и его голос, прокатившись по залу, вернулся назад, многократно усиленный эхом.

Сиптах! — громко произнес Рамон, в надежде зажечь светильники. Но ничего не вышло. Огромные медные треноги, стоящие по периметру всего зала, так и не вспыхнули.

— Придется зажигать обычным способом.

Но для этого им понадобилось подняться наверх, и только там Рамон смог наколдововать несколько факелов.

А затем — снова бесконечный спуск в глубины ада. Магия хозяина замка не переносила их в эту обитель зла.

Когда треноги уже полыхали, Рамон хлопнул себя по лбу.

— Проклятье, надо было сразу прихватить с собой этого ублюдка. Теперь придется идти и за ним. Перенести его сюда я не смогу.

Торн окинул взглядом пентаграмму, которую начал создавать стигиец, и ответил:

— Я приведу его, господин. То есть, мой...

— Тс-с, — оборвал его Рамон. — Здесь не следует бросаться подобными словами.

Торн и сам чувствовал это. А потому молча пошел наверх.

Все нужные ингредиенты для волшебства Рамон отыскал в кладовой Сиптаха. Тут были тела еще не рожденных детей, кровь девственниц, собранная в полнолуние, и многое, многое другое.

Наконец пленник оказался в подвале, и асир уложил его в указанный волшебником сектор пентаграммы.

Сама пентаграмма была довольно большой и запутанной. Причудливо переплетенные круги пересекались квадратами и треугольниками, а те, в свою очередь, — с пяти-, шести- и восьмиконечными звездами.

— А вот и наш гость, — весело усмехнулся Рамон, подойдя к пленному воину. — Я рад, что ты решил присоединиться к нам в столь важном деле. Конечно же, ты знаешь, что у нас тут будет маленькое жертвоприношение? По глазам вижу, что знаешь. Надо заметить, это поистине решительный и самоотверженный шаг с твоей стороны.

— Чтоб ты сдох, — прохрипел воин.

— Сдохну, сдохну, — успокоил его Рамон. — Но нескоро. А вот о тебе я этого сказать не могу. Да, чуть не забыл. К сожалению, нам придется уничтожить не только твое тело, но и душу. Ты же понимаешь, что нам нужно что-то отдать демонам в обмен на Сиптаха. Так что не попасть тебе в рай... Увы!

Воин заскулил, а стигиец, насладившись его унижением, стал дочерчивать рисунок.

— Все, Торн. Теперь пересекать эти черты нельзя. Стой тут и жди.

Асир оказался в пятиконечной звезде, окруженный восемнадцатью слоями защиты. На миг он что-то заподозрил, но Рамон поднял руки в первом жесте власти, и варвар застыл.

Быстрые речитативы сменялись тягучими напевами, а то и вовсе переходили в некое подобие воя. А руки стигийца, двигающиеся в такт песнопениям, наносили жертвам, распростертым на алтаре, страшные и болезненные раны. Так, слой за слоем, Рамон срезал стигийскому солдату уши, нос, губы, соски и половые органы. Он пока еще не добрался до глаз, но ловким движением успел вырвать язык.

Заклинание, направленное на вызывание демонов, заставляло человека оставаться в сознании и испытывать все мучения в полной мере.

А в этот момент нечто темное и бесформенное корчилось и содрогалось, пытаясь найти выход — не из глубин небытия, а из Черных Провалов Вселенной, откуда еще никто не возвращался.

— Аль Сиптах! Аль Сиптах! — упорно взывал Рамон, отсекая бесформенные тени от нужной ему сущности. — Аль Сиптах!

Торн, стоящий на пересечении магических сфер и углов, с ужасом понял, что задумал Рамон.

Жрец решил вселить в его тело тварь по имени Сиптах, а самого Торна отправить в небытие!

Наконец густое облачко, на миг ставшее похожим на человека, зависло над варварам, а затем устремилось внутрь его тела. Асир почувствовал, как его уносит в межмирную безду, где он должен будет занять место Сиптаха. В этот же момент сотни демонов, отвлеченные заклятием, устремились к воину, что лежал на алтаре. Они подхватили его душу и стали терзать ее. И таким образом никто из них, отвлеченный мучениями жертвы, не заметил подмены.

Рамон устало опустил длани. Он вымотался, но был до крайности доволен собой. Впервые в жизни ему удалась высшая магия.

— Итак, свершилось, — тихо произнес стигиец. — Пора перебраться в более приятное местечко.

Торн, вернее его тело, послушное воле Рамона, подхватило тело хозяина на руки и понесло наверх. Наконец оказавшись в тронном зале, стигиец смог использовать магию Сиптаха и перенес их в опочивальню. Там он позволил своему рабу открыть рот.

— Кто ты, смертный? — булькающим голосом произнесло существо, что отныне поселилось в теле варвара. — Кто осмелился потревожить мой покой? За это ты умрешь!

Рамон огляделся, будто в комнате мог находиться кто-то еще.

— Ax! Так это ты мне? Ну, надо же!

Он наставил на варвара палец, и того скрутила ужасная боль. Но боль была не только телесная, но и душевная. Это заклятие Рамон почерпнул из книг самого Сиптаха.

— Я могу сделать боль вечной, — радостно сообщил стигиец.

После нескольких часов Сущность сдалась. И не оттого, что она страшилась боли. Нет! Того, что познал Сиптах в Межреальностных Безднах, хватило бы и на тысячу человек. Просто отныне он был заперт в теле северянина, на которое было наложено заклятие. Оно-то и заставило душу мага сдаться.

Сиптах с ужасом осознал, что ему тут же стало легче. И он понял, что с каждым днем будет становиться все работеннее и работеннее.

Дикий вой сотряс комнату, и Рамон улыбнулся.

— Я могу сделать боль вечной, — снова повторил он.

— Меня не волнует боль, — выдавил из себя Сиптах. — Этот замок повидал ее в таких

количествах, что ты и представить себе не можешь.

Рамон кивнул.

— Верно. Но ты будешь мне повиноваться. Пока что только повиноваться будет твое новое тело. А затем и ты сам станешь мне покорен. Я заставлю принести тебя обет верности!

Тело северянина затряслось и стало биться в конвульсиях. Сиптах, как мог, сопротивлялся, но магия оказалась сильнее. Это тело, непригодное для поклонение Сету, не могло противостоять южной магии. Вернее, могло, но только при условии, что там обитает гордая варварская душа. А Сиптах не был так силен, как Торн. Он владел магией, но, лишившись ее, колдун стал беспомощен.

— Да, повелитель.

— Нет, нет. Не так. Не «повелитель», а «мой бог». Бог — вот кто я для тебя.

— Да, мой бог, — отозвался Сиптах, но Рамону показалось, будто в его голосе мелькнула насмешка.

Затем бывший всемогущий колдун произнес обет верности, и Рамон, растянувшись на кровати, мечтательно улыбнулся.

— Ну вот. Теперь я — в неприступной цитадели, обладаю сказочным могуществом, а на побегушках у меня — лучший колдун древности. Ну, разве я не велик?

— Господин, могу я спросить, сколько времени вы находитесь здесь? — обратился к нему Сиптах, глядя на материализовавшийся бокал с вином.

— Дней пять, может, шесть. А что такое?

— Просто интересно. Вы так могущественны, что смогли всего за пять дней освоить эти трюки...

— Трюки, говоришь? Да это же самая настоящая магия! Лучше расскажи, что с тобой случилось? И как твоя душа оказалась в таких глубинах ада?

— Чтобы объяснить все, мне понадобится время.

— А я никуда не спешу.

— Как знать, как знать, — тихо прошептал Сиптах.

— Что ты там говоришь, раб? — переспросил Рамон.

— Нет, нет, мой бог. Ничего! Разрешите начать повествование?

— Валяй помаленьку.

— Если вы видели мое тело, то без сомнения, поняли, что во мне течет черная кровь. Причем, не малая толика, а довольно внушительная часть ее.

— Да уж, полюбовался. Зато теперь у тебя есть новое тело. И должен заметить, такое не каждый день дают... Ну да ладно. Продолжай.

— Моя мать была из племени нанг-ан-андаан-дандо. Ее захватили в плен во время одного из рейдов за рабами. Так она оказалась в Стигии. Женщиной она была красивой, так что не удивительно, что к ней воспыпал страстью некий маг, входящий в ряды Черного Круга.

На самом деле, магом он был довольно посредственным, зато обожал плотские утехи. А в этом деле моей матери не было равных. Она довольно быстро окрутила чародея и вскоре понесла от него. Отец, одержимый страстью к ней, признал мальчика своим сыном, а моя мать в итоге стала его женой.

Губы Торна изогнулись в усмешке, и он мерзко захихикал.

— Уж тогда-то она разошлась на славу. День и ночь ее удовлетворяли похотливые самцы, а мамаше все мало. В ход пошли животные, а чуть позже — и демоны. И тогда она снова понесла. И на этот раз на свет появился я!

— Так ты наполовину демон?

— Был, был... Теперь я стал вообще никем. Хотя это и к лучшему. Но вернусь к прошлому. Маг, этот глупец, посчитал, что и я — тоже его сын. Конечно же, он признал и меня, и это стало его роковой ошибкой. В отличие от моего братца, я обладал магией и вскоре был посвящен в жрецы Дамбаллаха. Настал день, когда я принес божеству в жертву этого самого незадачливого мага. Ax! Как он упрашивал меня не делать этого! Как молил!.. Должен признаться, я даже уступил его просьбе. Но на время. Для начала я принес в жертву Сету своего сводного братца. Колдун чуть с ума не сошел, увидев это. А затем настал черед матери.

— Ты убил ее?

— О, нет. Я поступил более изобретательно. Я рассказал этому неумехе обо всех ее похождениях, а затем прямо при нем изнасиловал ее. Изнасиловал? Она не была против. Мать всегда презирала этого человека. Он был просто ее покровителем. А сама она предпочитала получать все мыслимые и немыслимые удовольствия. Она была похотливой сучкой...

В конечном итоге он умер сам.

Замок перешел в мое распоряжение, и я стал оттачивать свое мастерство. В скором времени меня приняли в Кеми и со временем ввели в состав Черного Круга. Но попав туда, я понял, что все эти недоумки жаждут лишь упрочить свое положение.

А меня волновали знания. Я жаждал оттачивать свое искусство, благо у меня имелся немалый талант.

Очень скоро скромного послушника, не желающего играть по общим правилам, отправили искоренять ересь.

О! Это были славные годы. Кровь не успевала высыхать на алтарях Сета. А вскоре меня стали бояться даже в Кеми. Ведь у всех его обитателей водились свои грешки, которые они хранили втайне от других. Дабы избавиться от столь ревностного проповедника, главы Черного Круга отправили меня домой, снабдив при этом древними фолиантами, кои никто и прочесть-то не мог. Глупцы! Это люди могут забыть язык змеевлюдей Валузии, но не демоны...

Мой папаша обучил меня забытому наречию, и я стал свободно говорить и читать на нем.

Мне открылись столь великие тайны, что я и помыслить об этом не мог. Отныне перед замком высились тысячи кольев, на которых медленно умирали люди. Их кровь пропитала землю настолько, что капала прямо в ад. Воины моего замка беспрерывно насиловали девушек и женщин, дабы у меня всегда было в достатке живого материала для исследований.

Так мои силы сказочно выросли. И тогда же я понял, что Дамбаллах не так уж и могуч. Он мог дать власть, но не всесилие. А я желал именно этого. Стать богом!

Тогда-то я и обратился к своей второй родине. Шаманы, лесные мудрецы и жрецы давно забытых богов стали стекаться в мой дом.

Я погружался в трансы и оргии; шел путями звезд и трав, обучался нумерологии и хиромантии. Передо мной распахивались все новые и новые горизонты.

Все это, конечно же, не осталось незамеченным в Кеми. В итоге меня отлучили от Черного Круга и лишили мантии жреца Сета. Тысячи воинов и сотни жрецов были отправлены для подавления мятежа, который я якобы затеял. Так что мне пришлось спешно убираться из замка. Быстроходная галера доставила меня на этот остров, а всех, кто был в

замке, включая мою матушку, убили. То-то она удивилась!

— Ну, ты и подлец! — отозвался внимательно слушающий его Рамон. Конечно же, многие поступки колдуна были ему внутренне близки и понятны, но хотелось хоть как-то унизить эту тварь...

Сиптах пропустил это замечание мимо ушей.

— Так я оказался на острове, что впоследствии назвали моим именем. Это место я выбрал в качестве основной цитадели, планируя в дальнейшем обустроить весь островок. Но судьба распорядилась по-иному. Поначалу я ощущал нехватку рабов для строительства, опытов и жертвоприношений, так что мне срочно пришлось искать необходимый материал. "В Стигию сунуться я не решался, а потому обратил свой взор на местную флору и фауну.

Конечно, именем Джеббал Сага я мог заставить подчиниться зверей, но это, скорее, похоже на братство тех, кто еще помнит первобога. А мне требовались рабы.

И тогда я обратился к алхимии. Она вкупе с шаманизмом Черных Королевств и указала мне путь. Скрещивая людей с обезьянами, я получил совершенно новый вид существ. Это были идеальные слуги. Они и стали основой моей новой армии. Замок рос на глазах. Так, в отсутствие людей для кровавых обрядов, я перенес свои интересы в область медицины и выведения новых видов. Вскорости весь этот остров заполонили невиданные прежде твари, но мне все равно было этого мало.

И вот тогда-то я впервые узнал, что на этом острове имеются некие силы, мне не подвластные. Они уничтожали новых существ, не позволяя им приблизиться к центру острова.

Я укрылся в цитадели и попытался прощупать это место, но вся моя магия как будто иссякла! Этот источник силы был неправдоподобно могуществен. Целые полчища тварей по моему приказу устремились туда, но ни одна не вернулась назад.

Это была абсолютная сила! Призывающие мною демоны пропадали без следа, и после я уже не мог отыскать их даже в царстве Тьмы!

Рамон насторожился. Он почувствовал, что эта сила была каким-то образом связана с той, которой он владел отныне.

— В конечном итоге, — продолжил Сиптах, — я сам привлек внимание того, кто обитал на острове. В одном из снов ко мне явился некто, чья сила ослепила меня. Он велел мне убраться с острова, и как можно скорее.

Я уже почти было решился бежать, но тут в мой сон вторглось другое существо и предложило сделку. Я долен был бросить все силы в центр острова и начать войну с той, первой, силой.

Ужас мой был беспределен, но обещанная награда перекрывала все страхи. Тот, другой, поклялся исполнить любое мое желание. Любое!

— Судя по тому, откуда я тебя вытащил, он этого не сделал, — усмехнулся Рамон.

— О, нет! Он выполнил свое обещание. Но чем это обернулось...

Сиптах немного помолчал.

— В конечном итоге жадность взяла свое, и я отправил всех подвластных мне тварей в центр силы. Кроме них, в бой пошли звери. Имя Джеббал Сага заставило их подчиниться, и все живое, что было на острове, ринулось вперед. Туда же понеслись демоны, коих я извлекал из преисподней Сета.

Тот, кто велел мне убираться отсюда, был вынужден потратить часть сил на уничтожение врагов, и тогда другой, с которым я заключил сделку, вырвался на свободу. Теперь он поменялся местами со своим стражем и заточил его в свою же собственную

темницу. Как выяснилось позже, то было порождение Хаоса. Приняв облик Черного Дракона, он явился ко мне и назвался Уничтожителем Равновесия Миров.

— Чего ты желаешь? — спросил он меня.

— О, великий! Я желаю стать богом. Творить и кроить мир по своему желанию. Получать из ничего золото и драгоценности, — ответил я.

— Пусть будет так, — возвестил он и громко захохотал.

Помня, что боги ревниво относятся к высокочкам, которые замахиваются на их власть, я попросил:

— И пусть эта обитель будет неприступной для иных богов.

— Хорошо, — угробно зарычал Дракон.

— Ха! А как же мы смогли проникнуть сюда? — перебил рассказчика Рамон.

— Так вы же не боги, — напомнил ему Сиптах. — А вот о смертных я совсем забыл. Я наивно полагал, что Дракон отблагодарит меня. Однако любой дар Уничтожителя Равновесия подобен проклятию. Но об этом я узнал значительно позже.

Когда Черный Дракон, покинул нашу Реальность, ко мне явился тот, кого он сковал.

— Глупец, — промолвил он. — Что ты наделал! Теперь мой брат будет разрушать мир за миром, сея повсюду Хаос, а противостоять ему будет некому.

Помня о том, что отныне эта крепость неприступна для других, я крикнул:

— Пошел прочь, презренный! Я — бог, и никто не смеет указывать мне.

— Ты сеешь зло, и за это будешь наказан. Мои стражи не смогут проникнуть в твой замок, но и ты не сможешь покинуть его.

— Какие стражи? — крикнул я. — Мне не страшны никакие стражи!

— Силой им служит первооснова этого мира, а потому они не исчезнут под гнетом времени. А когда пройдет вечность и твоя цитадель падет вместе с этим миром, они придут за тобой.

— Я посмеялся над незадачливым врагом, и тут появились стражи. Словно в насмешку, они были созданы в виде змей.

Питоны принялись рваться в замок, но это оказалось им не под силу. Тогда я снова восторжествовал, надеясь, что со временем найду на них управу. Ведь я стал богом, и впереди у меня была вечность.

Так, наслаждаясь своим могуществом, я стал создавать здесь роскошные залы и сокровищницы. И тут-то я понял, о чем попросить забыл.

— О чём? — спросил Рамон.

— О даре давать жизнь. Я не мог создать ни одного живого существа. Ведь в моем замке больше никого не оставалось. А выйти отсюда я уже не мог.

— Но отчего? — поразился стигиец. — Ведь ты стал богом!

— Да оттого, что Дракон посмеялся надо мною! Все созданное моим именем было на деле иллюзией.

— Что?! — вскрикнул ошарашенный Рамон.

— То, — передразнил его Сиптах. — Я попросил неуязвимую защиту от других богов, и Разрушитель дал ее мне. Но и моя сила не простирается за стены этой башни. А Стражи не позволяли мне высунуть носа за стены.

— Но почему же тогда ты оказался в ад? — удивился Рамон. — Сидел бы себе здесь и сидел... Воду и пищу-то создавать ты мог? Уж они-то не иллюзия!

— Они — нет. Еда настоящая, хотя и появляется только в пределах башни. А почему я

оказался в Черной Вселенной, куда меня утащил один из стражей? Все очень просто. Я совсем забыл о пятом элементе этого мира, из которого был создан последний страж. Четверых-то я видел, это были Огонь, Вода, Земля и Воздух. А вот пятым оказался Дух. О нем я позабыл...

Решив разузнать, что творится на острове, я извлек из тела свою душу и пустил ее странствовать. Тут-то я и попался...

Отсюда нет выхода. И теперь мы застряли здесь навеки!..

Стигиец застонал, а потом завыл. Только сейчас он понял, в какую ловушку попался. Быть погребенным заживо в этом каменном мешке!.. Конечно, он мог создать себе роскошные покой, но что в них толку, коли он не сможет больше глотнуть чистого воздуха, узреть солнце и звезды?..

Самый страшный сон Рамона стал явью.

Глава девятая

Конан пришел в себя от боли. Это была не та привычная боль от похмелья, что случается после веселых пирушек с друзьями. Но и эта боль была варвару не внове. Слишком часто за свою жизнь он получал по голове. Но от прочих людей его отличало то, что он всегда оправлялся от травм, какими бы тяжелыми они ни были.

Мысленно киммериец ощупал все свое тело и, не обнаружив переломов, открыл глаза. Яркий ослепительный свет резанул по глазам, и Конан тут же смыкнул веки. Однако вновь впасть в забытье ему не дали.

— Ну что, очухался?

Конан чуть не подпрыгнул от столь пренебрежительного отношения к себе, но тут он узнал голос Рана Риорды.

— А, это ты, — протянул варвар.

— А ты кого ждал? Своего Крома? Так тебе к нему еще пока рановато.

Делать было нечего, и киммериец открыл глаза. Все его чувства говорили о том, что тут ему может грозить опасность, но, пересилив себя, северянин спокойно уселся на полу и стал осматриваться.

Прямо перед ним стоял черный каменный трон, на котором восседала серебряная статуя. Она изображала крепкого, в меру высокого воина с чуть раскосыми глазами. Его хищное лицо ухмылялось, а глаза смотрели на Конана. Варвара поразило столь изящное изображение, и он даже подался вперед, чтобы получше рассмотреть детали.

— Да-а, — протянул он. Конану не раз доводилось лицезреть произведения искусства, но это на самом деле поразило его. Казалось, воин вот-вот оживет и поднимется со своего постамента.

— Где сейчас остальные? — поинтересовался он у духа Небесной Секиры. — Кто-нибудь выжил?

— Нет. Все мертвы, — спокойно ответил призрак. — А вот ты заинтересовал местного

хозяина.

«Началось!» — подумал киммериец, который вечно влипал в разные истории.

— И чем же это я ему глянулся? Рожа ему моя понравилась?

— Вряд ли. Скорее, его заинтересовало то, что в твоих руках оказалась я!

Произнося это, дух даже раздулся от гордости.

— И что же такого в тебе замечательного? Призрак аж поперхнулся.

— Как ты можешь говорить такое, потомок Гидаллы! Да разве может хоть какое-нибудь оружие сравниться со мной?

Спорить не имело смысла. Небесная Секира и вправду была лучшим, что держал в своих руках Конан. А ведь через его руки прошло много оружия, и магического в том числе.

— Так значит, он любитель подраться, — глубокомысленно произнес Конан. — В противном случае его бы не интересовали секиры...

Это верно, — отозвался незнакомый металлический голос. — Только вот возможность такая выпадает редко.

Конан посмотрел на трон и выругался. Статуя была живой.

— Чтоб тебя, — пробормотал он, припомнив, как уже однажды встречался со стальным демоном.

Это было в те времена, когда Конан был атаманом Козаков, что обитали на реке Запорожка. В тот раз варвар отправил демона в Черную Бездну лишь благодаря кинжалу из небесного металла. Теперь же у него была целая секира-Уж как-нибудь управлюсь, решил про себя киммериец, разглядывая металлического воина. А вслух поинтересовался:

— И как мне тебя звать-величать? Серебряный воин усмехнулся:

— Приятная вежливость. Чаще всего те, кто попадают сюда, завидев меня, боятся в конвульсиях от ужаса.

— Не дождешься, мысленно пообещал Конан.

— Зови меня Страж, — немного подумав, отозвалась статуя. — В этом есть некая насмешка.

— Какая? — осведомился Конан, хотя это ему было неинтересно. Просто он пытался отвлечь хозяина разговором и выведать по возможности его слабые стороны.

Большая часть всех этих ублюдков, называемых магами, именно так и погибли. Вместо того чтобы убить своего противника не раздумывая, они принимались молоть языком, а затем вечно удивлялись, когда их голова вдруг оказывалась на полу. Вот и этот, кто бы он там ни был, тоже может попасться на старую удочку.

Серебряный человек ответил:

— Когда-то тот, кто ныне является узником, тоже был стражем. Но теперь он оказался заперт в собственной темнице.

— Да, забавно, — согласился варвар. — Но кто этот узник и что он сотворил?

Страж был не прочь поговорить, чего Конан и добивался.

— Почему бы и не рассказать о себе? — медленно произнес серебряный человек. — Ведь твоя история доставила мне массу удовольствия!

— Моя история? Но я не рассказывал тебе никаких историй!

Конан догадался, о чем говорит этот незнакомец. Тот наверняка покопался в его голове, пока варвар был без сознания. Так оно и оказалось.

— История твоей жизни. Очень красочно, должен признаться.

«Твоя голова, отделенная от тела, будет выглядеть не менее красочно», — мысленно

пообещал Конан.

— Как ты знаешь, — начала статуя, — этот мир — не единственный. Во Вселенной, имеются и другие миры. А также и боги. Но сутью некоторых богов — таких, как ваши, — является эта планета. С ее концом настанет и их конец. Но имеются и другие боги, те, кто живет меж звезд. Некоторые из них стоят на стороне Порядка, другие — на стороне Хaosа, третиye равнодушно взирают на их вековечную борьбу, ничего ни предпринимая.

И вот среди них издревле существовали два брата. Два антипода. Один на стороне Хaosа, другой — Порядка. Но оба они не могут существовать друг без друга. Первый назывался Уничтожитель Равновесия, а второй — его Хранитель.

Эти два брата странствуют по Вселенной, вечно воюя друг с другом. Один сеет зло, другой противоборствует ему. И надо было такому случиться, что именно на этой планете Хранитель смог пересилить своего брата. А так как он не мог уничтожить его, не уничтожив при этом себя и этот мир вместе с собою, то Хранитель пленил своего антипода. Сам он при этом вынужден был стать стражем, дабы его брат не смог вырваться на свободу. Так продолжалось тысячелетия, пока на этот остров не прибыл молодой маг по имени Сиптах.

Уничтожитель посулами уговорил его начать войну с Хранителем, и тот, отдающий все свои силы на сдерживание брата, вынужден был отвлечься.

— Тут-то Уничтожитель и вырвался, — предположил Конан.

— Да. Но при этом он сковал Хранителя Равновесия в его же темнице, а на страже поставил меня. Боги и колдуны не имеют надо мной власти, ибо Уничтожитель позаботился о том, чтобы их власть была бессильной против меня. Но вот все изменилось.

Впервые за все эти тысячелетия в мою обитель явился тот, кто тоже сотворен из звездного металла, как и я, и наделен душой. Только от себе подобного я могу погибнуть. Таково условие моего могущества.

— Как это так? — удивленно спросил Конан. — Ты же неуязвим!

— Неуязвимых не бывает. Таков смысл Равновесия. Если ты воин, то не можешь быть магом, если маг, то не воин. И так далее. Равновесие в том и заключается, что всегда оставляет лазейку для невозможного.

Мой создатель выбрал это условие, надеясь, что никто в этом мире не сможет создать ничего подобного мне.

— А Рорта тебе и не подобна, — отозвался Конан.

— По сути, а не по внешнему виду.

— Так значит теперь, чтобы выбраться отсюда, нам с Рортой придется сразиться с тобой?

— Верно. Только вряд ли это можно будет назвать сражением.

— Почему же? — возмутился варвар.

— Да потому, что мне нет равных в этом мире!

Конан увидел нечеловеческую надменность в стальных глазах.

— Так уж и нет?

Вопрос остался без ответа. Вместо этого Страж поднялся со своего места и взмахнул рукой. По мановению его дланi повсюду зажглись огни и высветили помещение круглой формы.

Конан встал с пола и почувствовал, что все его тело саднит от маленьких и незначительных ран. К тому же он чертовски устал после битвы.

— В свое время, — прохрипел над ухом призрак, — ты пробудил меня ото сна и дал

силы, не пожалев своей крови. Теперь моя очередь.

Поток небывалой мощи хлынул в тело киммерийца, вымывая при этом всю усталость. Конан почувствовал себя лет на десять моложе. Так-то лучше, подумал он, вставая напротив своего соперника.

Варвар отсалютовал противнику секирой, но тот остался неподвижен. Страж вперил свой взгляд в Конана, и киммериец принял вызов. Двое людей, застыв друг напротив друга, начали свой поединок. Блестящие глаза серебряного воина старались подавить волю варвара, а заодно и его рассудок. Но Конан не привык отступать перед кем бы то ни было. К тому же на его стороне был бессмертный дух Небесной Секиры.

Великий Кузнец не зря вложил в свое творение частичку души. Воля и сила Древнего Бога оказались сильнее творения Дракона Иномирья.

Страж не выдержал и атаковал, выказав тем самым свою слабость. Однако предстояло еще победить его в поединке на мечах.

Один из клинов серебряного воина метнулся вперед в выпаде, а другой обрушился сверху, грозя расколоть пополам череп.

Конан, не ожидавший подобной скорости, не успел даже среагировать. Зато успела Рана Риорда. Она парировала оба удара.

Очнувшийся Конан наконец сделал шаг влево, уходя с линии атаки, и нанес встречный удар. Длинная рукоять Рорты позволяла держать стража на дальней дистанции, где его клинки были бесполезны.

Но серебряный воин и впрямь был отменным бойцом. Он не растерялся, а стал кружить вокруг варвара, ожидая подходящего момента для атаки. И такой момент выдался довольно скоро. Страж, отклонив острие Небесной Секиры, поднырнул в выпаде под ее острие. Отточенная сталь вонзилась Конану в ногу, и киммериец был вынужден отступить на шаг, а затем и еще на один. Зато теперь он снова мог держать противника на расстоянии. Рана обильно кровоточила, и варвар понял, что его противнику надо только запастись терпением. Остальное довершит слабость человека.

— Надо атаковать! — заклекотал призрак.

Конан и сам знал об этом. Но как? Страж движется неправдоподобно быстро! А киммериец уже еле шевелил поврежденной ногой.

Ответ пришел сам собой. Если это его последний бой, то он просто обязан прихватить эту тварь с собой на Серые Равнины. А раз так, то и нечего себя жалеть!

Конан оперся на ногу, и боль отдалась во всем теле. Он рыкнул и сделал шаг вперед.

Рана Риорда в крепких руках северянина замелькала с такой скоростью, что на этот раз отступать был вынужден Страж. В его надменных глазах мелькнуло недоумение, а затем и страх.

Это было то самое чувство, которое уж если прокрадывается в душу, то вскоре завладевает и телом...

Так оно и случилось. Серебряный человек, во второй раз потеряв выдержку, снова стал атаковать, стараясь поразить соперника нахрапом. Но разве мог он, тысячелетия просидевший тут в одиночестве, сравниться с тем, кто привык рисковать своей жизнью ежесекундно?

Сколько раз, ведомый прихотливыми тропами судьбы, Конан сталкивался с теми, кто был сильнее и могущественнее его. И где все они? Отправились в те преисподние, которые были уготовлены им их богами. И все потому, что тряслись за свою шкуру.

Варвар намеренно открыл глаза, и Страж не упустил подобной возможности. Метнувшись вперед, он уже было воткнул клинок в крепкое тело киммерийца, но тут острый шип вонзился ему в висок.

— Кровь! — завопила Рана Риорда, поглощая жизненные флюиды серебряного человека. А тот стал таять на глазах.

— Ну, вот и все, — произнес Конан. — Теперь можно заняться местными подвалами. Наверняка там найдется немало интересного.

Северянина прервал мощный толчок, от которого он полетел на пол. Боль пронзила ногу, и Конан понял, что она сломана.

— Ядра Ханумана! — выругался он, крепко стискивая зубы. Из колена торчал белесый обломок кости.

— Скорее, потомок Гидаллы, — проскрежетала Рана Риорда, наконец насытившись. — Надо убираться отсюда.

— Ну уж, нет. Клянусь кишками Нергала, местные сокровища по праву принадлежат мне!

— Мертвцам сокровища ни к чему!

Конан знал, что призрак прав, но его раздирала злость. Столько пройти, чтобы остаться с носом...

— Проклятье, они мои! И ты, поможешь мне, ржавая железяка!

В этот момент с потолка стали падать огромные глыбы гранита, а колонны угрожающие зашатались.

— Хватайся, потомок Гидаллы! — пророкотала секира, чье древко висело в воздухе прямо перед киммерийцем.

Конан ухватился за топорище обеими руками, и они взмыли вверх. Острие секиры раскалилось докрасна, и из навершия Рана Риорды вырвалось пламя. Верхняя часть пирамиды исчезла в огне, и они оказались на свободе. Конан посмотрел вниз.

— Уф, успели...

А там творилось нечто невообразимое. Остров вместе с пирамидой исчез под водой, а сама она забурлила, будто кипяток.

Стены кратера стали рушиться, и из глубин бездонного озера появилось нечто. Это была огромная чешуйчатая голова, занявшая весь кратер.

— Кром! — выпалил Конан. — Отправили в преисподнюю одну тварь, так другая следом прет!..

Он вскинул вверх Небесную Секиру, намереваясь обрушить ее на чудище, как только то окажется в пределах досягаемости.

— Спасибо вам, храбрые воины, — послышался в голове киммерийца мелодичный голос.

Конан покрутил головой и только потом понял, что это говорит дракон.

— Кто ты? — спросил он.

— Хранитель Равновесия.

Конан всмотрелся получше и понял, что именно так и должен выглядеть тот, кто борется со злом. Сильный, могущественный, вызывающий трепет, но не обезображеный уродством, что присуще расе злобных драконов.

— Что я могу сделать для вас?

Материализовавшийся Дух Рана Риорды слегка поклонился, чего было трудно ожидать.

Призрак вечно требовал крови и по сути своей был злобен.

— Благодарю тебя, Хранитель. Но все, что мне нужно, у меня уже есть. Свобода от сна и служение роду Южного Ветра — вот моя суть.

— Да, я вижу. Страшен путь твой. Он кровав и долог, но не бесконечен. Однажды ты получишь свободу от, оков стали, и тогда сможешь вознестись к звездам. А за тобой потянутся потомки Южного Ветра. Из слуги колена своего ты превратишься в их пастыря...

Призрак улыбнулся:

— Большего мне и не надо.

— А чего желаешь ты, славный воин Киммерии?

Конан ответил, не колеблясь:

— Сокровищ. Много, много сокровищ. И еще, пожалуй, я хочу стать королем!

— Все это у тебя будет. Но действительно ли, ты желаешь получить это от меня? Разве что-то стоящее дается даром?

Варвар задумчиво покачал головой.

— Пожалуй, нет. Я сам могу себе все это добыть. Так даже интереснее. Но золото-то я заслужил!

— Здесь его нет, и никогда не было, — ответил Дракон. — Но ты добыл нечто большее, нежели золото, славный воин Киммерии. Ты дал надежду обитателям тех миров, где бесчинствует мой брат. А сокровища... что ж, я могу отправить тебя туда, где они есть. Закрой глаза.

Конан выполнил это и почувствовал, как мир содрогнулся.

До него донесся тихий голос Хранителя:

— Прощай, Конан. Не держи на меня зла, если я обманул твои ожидания. Зла и так слишком много в этом мире. А все твои желания когда-нибудь сбудутся. Надо только очень-очень захотеть... А теперь ты забудешь обо мне и обо всем, что с тобой произошло. Мир еще не готов к такому знанию.

— Прощай, Хранитель, — прошептал Конан... И открыл глаза.

— Кром! Рорта, да нас завалило в этом крысятнике!

* * *

Рамон в бешенстве крушил мозаичный барельеф секирой Торна.

— Бежать, бежать, бежать отсюда, — лихорадочно шипел он.

Но бежать было некуда. Проклятые змеи сторожили их, точно цепные псы.

— Сиптах, — прохрипел стигиец, делая стену прозрачной. И — о, чудо! Змей во дворе не было.

Рамон тут же бросился к воротам и отворил их.

— Ступай, посмотри, где они, — велел он Сиптаху, запертому в новом теле.

Тот был вынужден подчиниться, хотя и не хотел этого делать.

— Их нет! — победоносно закричал колдун и бросился бежать.

Опомнившись, Рамон ринулся за ним, но в этот миг увидел летящего дракона. Стигиец успел остановиться, прежде чем дракон заметил его.

Пускай пропадает, весело подумал Рамон. Он уже понял, что это и есть тот самый Хранитель Равновесия. А раз так, значит, ему нужен Сиптак. Вот пусть и забирает его. А он переждет в безопасности, а уж после покинет цитадель. Рамон помнил о том, что эта башня не подвластна другим богам. А значит, и Хранителю...

* * *

Хранитель выбрался из гигантской пещеры, в которой провел бесконечно долгие годы, и расправил крылья. После стольких лет заточения он с наслаждением оторвался от земли и завис в воздухе. Конечно, он мог в мгновение ока достичь башни мага, но дракон не спешил. Медленно, но тем не менее уверенно набирайая скорость, он с наслаждением оглядывался по сторонам. Вот он увидел башню и какого-то человека, который выскочил из нее. Присмотревшись получше, Хранитель узнал мерзкого мага. Только на этот раз он сменил личину. Впрочем, Хранитель и сам менял их довольно часто. Он вспомнил о Стражах, которые исчезли после его освобождения, но тут же подумал, что так даже лучше. Пора им вновь встретится лицом к лицу!

Дракон взмахнул гигантскими крыльями и приземлился прямо перед человеком.

Сиптак пружинящей походкой бежал к морю, ничего не видя от счастья.

Он уже успел оценить добротность своего нового тела, а потому стремился убраться от Рамона как можно дальше. Ведь магия стигийца действовала лишь в пределах замка. А значит, сейчас Сиптак был неподконтролен ему. Правда, Рамон все еще оставался колдуном и мог поймать его в магические сети. Вот потому Сиптак и бежал. Он знал, что стигийцу вовек его не достать, если он уберется на порядочное расстояние-Порыв ветра сбил «варвара» с ног, и, подняв голову, Сиптак увидел того, кого он боялся больше всего на свете.

Перед ним возвышался Хранитель.

— Ну, вот мы и встретились, — пророкотал Дракон.

От страха Сиптак окаменел. Хоть он и заполучил тело Торна, сущность-то оставалось его собственной. А древний колдун не умел, подобно северянину, броситься на врага очертя голову.

— А-а-а, — застонал он, закрывая голову руками. Взгляд Хранителя пронзил его.

— Вижу, ты совсем не изменился, — прогрохотал Дракон.

Внезапно ему открылось будущее Сиптака, и он решил не убивать его.

...Дракон взмыл вверх и закружил над башней.

Он не мог проникнуть в нее взором — все-таки магия его брата была сильна — но и не хотел оставлять ее вот так, открытой для поругания.

— Именем своим и властью своей, я запечатываю эту башню навеки. Отныне только чистый духом и помыслами сможет проникнуть в нее и беспрепятственно выйти.

Дракон издал ужасный рев и стал удаляться. Ткань мироздания разошлась и поглотила Хранителя.

Рамон провел рукой по лбу, стирая с лица обильную испарину!

— Повезло...

Уверенной походкой он направился к воротам, положив на них руку и молвил:

— Сиптах!

Дверь не шелохнулась.

— Сиптах! Сиптах!

Результат был все тем же. Рамон начал биться о дерево, но лишь сильно ушиб себе плечо.

Он бросился вверх по лестнице и, уставившись в окно, увидел, как Сиптах уверенно спускается к морю. И чем дальше он уходил от своей цитадели, тем меньше магии оставалось в его имени.

Вскорости каменная кладка башни обрела свой естественный цвет, и сделать ее снова прозрачной Рамон уже не смог.

— Будь ты проклят! — закричал он, но только эхо вторило ему, носясь птицей по пустынной башне.

Рамон устало сел в кресло Сиптаха, где раньше обреталась мумия колдуна, и устало закрыл глаза.

...Через много лет, снова попав на этот остров, Конан снимет амулет Сиптаха с груди совершенно другого человека, к тому времен, уже обратившегося в мумию, но так и не узнает его. Ему и в голову не придет, что это — тот самый стигиец, что украл вместе с галерой и его месть.

Когда Сиптах раскрыл глаза, Хранителя уже нигде не было. Не веря своему счастью, колдун огляделся, но дракон и правду исчез.

— Идиот! — захотел бывший волшебник. — Ты и впрямь идиот! — крикнул он в небеса. — Привык всех щадить... А вот я ни за что тебя не пощадил бы.

Он уверенно вскочил на ноги и побежал к морю. Еще никогда в жизни Сиптах не чувствовал такой мощи и уверенности в себе. Это тело действительно было совершенным. Сильное, ловкое, в самом расцвете сил...

Сзади раздался мягкий шелест, и он обернулся. Что-то огромное и тяжелое навалилось на него и перекусило пополам.

— О, нет, — прошептал колдун, теряя сознание.

До чего же нелепо умирать от рук своего же творения! Много-много лет назад Сиптах сам создал Охотника. И теперь один из его потомков, а может, и он сам, нашел себе новую жертву. Сознание покинуло человека, а Охотник, расправив крылья, взлетел на башню.

Отныне он стал ее единоличным хозяином.

* * *

Боль улетучилась так же внезапно, как и появилась. Сиптах раскрыл глаза и обомлел. Перед ним растянулся длинный стол, за которым веселились варвары. Во главе стола восседал хмурый рыжеволосый великан. Это был Имир.

— О, Сет, — простонал колдун, поняв, в какой переплет он попал.

Имир заревел и обрушил кулак на стол:

— Не смей упоминать этого червя в моем доме! В Валгалле живут сыновья Нордхайма! А ты кто такой?

Сиптах задрожал, как осиновый лист. Оказавшись в теле асира, он, естественно, попал и в его загробный мир.

— Ты посмел занять тело одного из моих сынов?! Ты заплатишь за это!

— Платить? Но как? Имир захотел.

— Очень просто. — Он положил руку на плечо одного из воинов. — Позабавь нас, Атли.

Гигант поднялся с места, и посмотрев в его глаза, колдун содрогнулся. В них пылал неистовый огонь безумия.

Непонятно как, в руках Атли появилась шипастая булава, и он с быстротой молнии опустил ее на голову мага.

Сиптах даже успел услышать треск расколотой кости, а затем его голову пронзила дикая боль. Он рухнул на пол, чувствуя, как заливает его своею кровью и мозгами. Казалось, боль будет длиться вечно, и когда колдун должен был уже уйти во тьму, началось его возвращение, которое оказалось еще более болезненным.

Срашиваемые кости трещали, то и дело задевая обломками мозг. И как только все закончилось, Сиптах услышал чей-то голос:

— Спорим, я разрублю этого хорька пополам!

— Ладно, ладно, Сард. Все и так тебе верят. Лучше посади его на кол. Или четвертую... То-то забавно будет посмотреть, как он поскакет по полу без конечностей... Давно у нас не было такой славной забавы!

* * *

— Кром! Рорта, да нас завалило в этом крысятнике!

Конан посмотрел на казну Файона и фыркнул.

— Стоило ли стараться ради этого? Ну, ладно...

— Стены мне не преграда, потомок Гидаллы, — проскрежетала секира.

— Да уж, видел! — захотел варвар. Он поднял топор и обрушил его на завал. Раскололившийся каменный блок отлетел в сторону, освобождая проход, и Конан обомлел.

Прямо за стеной находилось сокровищница, полная золота.

— Ха! Похоже, что старый сетов выкормыш не знал об этом месте! Кстати, а где он?

— В желудке Шапшума, — хотел ответить призрак, но вспомнил, что Хранитель стер из памяти киммерийца все, что случилось за эту седмицу.

— Ну, и Нергал с ним. Пошли, поторопим жирного ублюдка. Пускай перетащит все наверх.

Выбравшись из завала, варвар громко заревел.:

— Шапшум! Тащи сюда свою задницу. Ну, живо!

Алые глаза кутуба с трудом сосредоточили взгляд на Конане.

— Ты... Но как... Ты?

«Вот ведь идиот, — подумал киммериец. — Уже успел меня позабыть!»

— Я, я, — раздраженно ответил он. — Иди таскать золото.

Удивленный кутуб медленно поднялся, но спорить не решился.

— Да смотри, не вырони ни монетки, — приободрил его варвар.

* * *

Ранним утром недалеко от Асгалуна с неба упал огромный человек. Он устало встал на четвереньки, и с его шеи спрыгнул другой.

Спрыгнувший отвязал со спины кутуба, пять здоровенных сундуков.

— Ну-ка, Шапшум, быстро их закопай, — велел он волосатому гиганту.

— Ага, — кивнул тот и принялся за работу.

— Ну, все. Свободен, — произнес северянин, когда людоед закончил.

Кутуб взлетел в небо и пропал.

— Итак, Рорта, — произнес Конан, любовно глядя древко секиры. — Пора и нам в путь.

В этом городишке вполне можно набрать неплохую команду. Золота нам хватит на покупку вполне сносного корыта. А затем — в путь по волнам!.. Пора расшевелить этих псов.

И северянин направился в сторону города.

* * *

«Ну уж, нет, — подумал Шапшум, набирая высоту. — Ноги моей больше не будет на этой земле!»

Он миновал руины Файона и быстро полетел дальше.

Мчась в сторону Иранистана, кутуб заметил медленно двигающийся караван и рухнул вниз. Добыча! О, он любил свежую добычу!..

Йасаб был доволен. Даже маленькую неудачу с Аммамунм-Пха он умудрился превратить в победу. Теперь назойливого жреца более не существовало в этом мире. И Зебаха, скорее всего, — тоже. Его должен был отравить верный Йасабу человек... которого потом, в свою очередь, тоже убьют.

Шемит довольно улыбнулся, ощущая удовольствие оттого, что он предусмотрел абсолютно все.

Не предусмотрел Йасаб только одного. Кутуба, пролетавшего в небе. Кутуба, который рухнул на их маленький караван и вмиг разметал его охрану...

Шемит даже не успел выхватить свой ятаган, когда рычащее чудовище оторвало ему голову.

ORC: Vodevil (Мельник Юрий)

WWW.CIMMERIA.RU